

Анде
ДРУГОЙ
сценарий
наугад

продолжение романа "Другой Сценарий".

Глава 1

19 мая 1985 г. Туркменская ССР.

Я сижу на песке, прислонившись к заднему бамперу Волги. Сейчас меня будут убивать.

Горячий ветер швырнул в лицо песком. Вдали синеют предгорья Копетдага, до которых я так и не добрался. Жара, исподволь, наваливается все сильнее. Вокруг гребаные Кара Кумы. Так глупо умереть! Как же обидно!

Я — Николай Андреев. Русский, бизнесмен, почти шестьдесят лет. Ровно год назад, непонятно как, из России, две тысячи двадцать второго, оказался в восемьдесят четвёртом году, в СССР. В себе же, двадцатидвухлетнем. Осознав это, сначала окул. А немного очухавшись, решил, что могло быть и хуже.

Задумался, как быть. Вспомнил, что читал, или слышал, о тайниках советского времени. В них, пролежав до двадцать первого века, бессмысленно пропали советские деньги. На пару с лучшим другом, некоторые из них бомбанул. Заодно разжился бриллиантовой подвеской, что должна была запустить в нулевых цепочку убийств и афер. Потом так же, на пару, мы ограбили криминальную инкассацию, перевозившую в Питер крупную сумму в долларах. А потом мы собрались валить из Советского Союза.

По большому счету, осталось только уехать. Во времена Черненко, это не простое дело. Но, с помощью нашего знакомого, мы смогли это устроить. И я даже выехал в Финляндию.

Да только, похоже, мироздание не хотело моего отъезда из Союза. И решило пошутить.

Эволюция создала женщин еще и для того, что бы они были для мужчин чем-то типа замедлителя ядерной реакции у реактора. Без замедлителя, реактор идёт вразнос, взрывается, и, сначала плавит себя, а потом и планету, чуть ли не до центра. А с замедлителем — реактор пыхтит, греется, и больше всего напоминает самовар, хоть и непростой в эксплуатации, но очень полезный в хозяйстве.

Нормальная девушка, сильно снижает у своего парня здоровое мужское желание разфигачить свою жизнь в бессмысленных подвигах. И стимулирует, сама часто о том не догадываясь, созидательные потуги. При условии, конечно, что и парень нормальный.

Что бы не раздражать бдительные советские органы бездельем, я восстановился на учебу в Ленинградском Финансово-Экономическом Институте. Там я и познакомился с Викой.

Только уехав за границу без, как я думал, возврата, я понял простую вещь. Мне без неё плохо. Как выяснилось, и ей без меня тоже.

И я вернулся в Союз. Не жалею. Нам хорошо и интересно вместе.

После моего возвращения ничего особо не изменилось. Вика, к моему удивлению не переехала ко мне. Уклонилась. Я не стал настаивать. Чем, конечно же, порядком вывел ее из себя. Да и вообще, кроме взаимного и постоянного желания уединиться, мы с не меньшим постоянством спорим из-за всякой ерунды.

В пустыню меня занесло в результате обсуждения невинного вопроса. Кто лучше, кошка или собака? В смысле, ты, Коля, теперь один живешь, хоть кошка встречать будет, заявила мне Вичка. Это она так ехидничает. А я говорил ей, что кошка — это воплощение пренебрежения окружающими, особенно теми, кто о них заботится. То ли дело собака! Просто любит. Такого, какой есть.

Я провожал Вику после института домой. Май месяц. Ослепительно светило солнце. Промытый дождями, и продутый ветрами Питер был прекрасен. Я держал за руку удивительно красивую девушку, и мне было решительно все равно, о чем говорить. Тем более что когда она сердится, у неё темнеют глаза и она становится вообще...

Достаточно сухо простились у ее дома. Я совершенно не расстроился. Вечером семья Лишовых была приглашена на юбилей к администратору ЛенФилармонии. Ну и я, как бойфренд и приближенный. Оттуда я был намерен утащить Вику к себе домой, где уже и разобраться в вопросе домашних питомцев.

Дома меня настиг звонок моего приятеля Фреда. Он сообщил мне, что будет вечером на юбилее, который я намерен посетить. И ему нужно со мной переговорить. Не уезжай, пока мы не пресечемся.

Виновник торжества — семидесятилетний Иван Ефимович Костромин. Как я понял, большой друг Викиной мамани.

Простой администратор филармонии, не та фигура, что бы глупо размениваться на праздники в ресторанах. Он принимал гостей дома. Человек пятьдесят. В своей трехсотметровой (а скорее даже больше) квартире. Расположенной в двухэтажном особнячке, в центре Питера. Общество собралось в стометровой гостиной. Слух гостей ублажал играющий на рояле пианист, несколько официантов сновали меж публики, обеспечивая выпивкой и закусками.

Кроме хозяина, звездами вечера были певец Эдуард Хиль, и певица Мария Пахоменко. Не пели, нет. Тусовались. В качестве приглашенной экзотики, обязательной на светской тусовке, выступал партийный деятель из Туркмении, посетивший Ленинград с деловым визитом. Несмотря на совершенно русские имя и фамилию — Петр Сергеевич Пьянков, одного взгляда на него было достаточно, чтоб понять — азиат. Хоть и рослый, но широкое лицо, узкие глаза, и смуглость от рождения. При этом видно, что он неслабый начальник. Совершенно лишенный этой слащавой среднеазиатской улыбочности. За сорок. Обаятельный такой дядя.

Он, как равный, поручался с Викиным отцом, вообще-то начальником отдела в обкоме. Расцеловался с Викиной мамой. Меня и Вику ему представили. Облобызал Лишовой руку, и вежливо мне улыбнулся. И мы с Викуней отошли в сторону. Где зацепились языками с каким то перцем. Оказавшимся, дрессировщиком цирка.

Я не откладывая, сразу спросил, мол, мы с Викой подумываем завести леопарда. Не думает ли уважаемый специалист, что этот кот Вику может съесть? Сможет ли изящная Виктория его выгуливать? Нет ли карликовой породы?

Вика дослушала консультацию до того места, что кошки опасны. Если нужен питомец, лучше заведите собаку. После этого злобно фыркнула, и отошла обратно к родителям. Оставив меня досушивать обзор хищных кошачьих, и их перспектив в жилой квартире. Дрессировщик оказался веселым, и понятливым. И мы некоторое время травили анекдоты, посмеиваясь. Видя такое вопиющее поведение, Виктория уехала домой с родителями. А мне пришлось еще потусоваться, в ожидании Фреда.

Появившись, Фред показал, что он здесь свой и не впервые. Расцеловался с юбиляром. Хлопнул по плечу Хиля, обнял Пахоменко. Еще с кем-то перекинулся парой фраз. А потом начались странности. Поздоровавшись, он потащил меня на жилую половину. Остановившись в каком то коридоре, он внимательно взглянул мне в глаза и сказал:

— Коля. Я прошу тебя об услуге. Я познакомлю тебя с человеком. Выслушай его. И помоги. Я обещаю, что тебе ничего не угрожает. Хотя дело скользкое. Ты можешь отказаться. Я не обижусь. Но, если можешь помочь — помоги мне.

И, не дав ответить, потащил дальше. Возле одной из дверей стоял охранник. Нет, не девятка. Скорее, спортсмен при цеховике.

Это оказалось курительной комнатой. А человеком, с которым Фред меня просил побеседовать, оказался товарищ Пьянков, из Туркмении. Увидев меня, он засмеялся.

— Нас уже не нужно знакомить.

Тем не менее, Фред коротко сказал ему, что я — тот самый человек, которого он хотел видеть.

Дальше стало еще страньше. Товарищ Пьянков — первый секретарь горкома КПСС одного из туркменских городов. И ему нужно проработать логистику вывоза ценного груза из его города в Москву. На мой вопросительный взгляд Фред кивнул. Да, Коля, деньги. Я хмыкнул. Мы, с другом, зимой организовали вывоз крупной суммы в Москву. Видимо, Фреда раздражает что мощности в моем лице простаивают. А в Узбекистане набирает обороты знаменитое «Узбекское Дело». И чиновники соседних республик, похоже, не дожидаясь, перепрыгивают нажитое.

— Я не очень хочу этим заниматься. — сказал я — Честно говоря, боюсь влететь к ментам.

— Не о чем переживать, Коля. — улыбнулся Пьянков. — ты вообще никак, нигде не будешь замешан. От тебя нужно придумать транспортный маршрут, и варианты доставки. Всю информацию я тебе предоставлю. Приедешь ты официально. Поработаешь с документами и уедешь.

— Ни за что не поверю, что у вас, там, нет специалистов такого профиля!

— Конечно есть, Коля- мягко согласился Пьянков- только, это — наши, местные специалисты.

Понятно. Он никому из своего окружения не верит. И, кажется, хочет организовать такую же разводку, как мы устроили при доставке денег в Москву.

— Я думаю, много времени это не займет — продолжал он убеждать меня. — Дней через пять вернешься.

И я вдруг подумал, что Лишовой будет полезно от меня отдохнуть. А то кота ей подавай!

В общем, договорились, что завтра в двенадцать он за мной заедет, и мы полетим на личном самолете главы республики. Вечером будем на месте. В среду- четверг будешь дома. Когда Фред меня вез домой, он молчал. Попросил только помнить — что бы не случилось, он меня вытащит. Мне бы напрячься. Но я выпил с дрессировщиком коньяку, и был настроен легкомысленно.

Самолет оказался Ил -18. На въезде на летное поле Пулково, водитель опустил окно и сказал менту у шагбаума:

— Автомобиль обкома КПСС.

И мент без звука пропустил машину на поле, к трапу.

Я сразу понял, что дела у меня не очень. Сопровождающие товарища Пьянкова лица, что уже сидели в

самолете, больше всего мне напомнили басмачей. Одеты в европейскую одежду, ухоженных. Но совершенно чуждых и Питеру, и европейцам. Хотя бы даже потому, что стюардесс у них не было. Стюарды. Ну и в остальном. Обнимашки, с потиранием щек, и прочее.

Мне, впрочем, отвели место в среднем салоне, и мной, персонально, занимался стюард. Так и сказал, исполню любое ваше пожелание. По дороге в аэропорт, Пьянков просветил об официальной цели моей поездки. Ты, Коля, летишь подписать передаточные документы, с «Ленинца». По сути, простой командировочный. Договорились?

Часа три после взлета я читал газеты. Которых оказалось бесчисленное множество. От Правды и Литературки, до Туркменской Искры, и Знамя Труда, из Красноводска. Везде обсуждается состоявшийся пару дней назад визит товарища Горбачева в Ленинград. В Питере он потряс публику беседами с толпой на улице. Оповестил о введении сухого закона, и впервые произнёс слово «перестройка». Указ о борьбе с пьянством всюду публикуется и обсуждается. Я с запозданием сообразил, что тусовка у пожилого администратора — это была встреча номенклатуры, для неформального обсуждения этого визита.

Затем Петр Сергеевич пригласили меня в свой салон, где удостоили короткой беседы. Собственноручно плеснув мне коньяку, он рассказал, что выдвинут вторым секретарем ЦК Туркмении, но еще не утвержден в Москве. Так что пока — типа И.О. А избран он, с должности первого секретаря горкома города Кизил-Арват. Куда мы и летим. Всю цепочку, Коля, нужно будет строить оттуда. По прилету, переночуем в одном месте. Не Качинская дача, конечно, но тоже оазис. А утром и обсудим, без лишних ушей. Я дам тебе человека с машиной. Он предоставит, или добудет, любую информацию. С чем и был отпущен.

Аэродром, где мы приземлились — военный. Кроме ИЛа- ни одного гражданского борта. Только укутанные масксетью военные, кажется, истребители. Мы с Пьянковым сели в черную Волгу, что ожидала на краю взлетной полосы. Стаяла удушающая, после Питера, жара. Давно стемнело, и я не очень понимал, куда мы поехали.

После КПИ, мы свернули направо, налево, и двинули на север. Судя по зареву, город остался за спиной. В свете луны была видна однообразная равнина. Пьянков сидел рядом и, в свете лампочки в сидении, бегло изучал какие то документы, явно не расположенный к разговору.

Спустя где то час, мы свернули направо, и почти сразу подъехали к глинобитной стене, с распахнутыми воротами.

За стеной оказался густой сад, с едва видимым в глубине типичным среднеазиатским домом. Машина остановилась сразу после ворот. Слева я увидел тоже глинобитный гараж, машины на четыре. Нас встречали двое. Водитель вылез из авто.

Разговор пошел, видимо, на туркменском. Так что я ничего не понял. Но, в какой то момент, все четверо повернулись ко мне. И Пьянков перешел на русский.

— Коля! Это — Ильхом — он показал мне на поджарого и высокого азиата. — он будет твоим помощником и сопровождающим. Сейчас отдохни, и поужинаем.

Ильхом внимательно меня оглядел, и сдержанно поклонился. Под тридцать. Неплохой боец. Он, из всех виденных сегодня азиатов, единственный кто понял, что я чего то стою как рукомашец.

— Он тебя проводит и все покажет- продолжил Пьянков. — завтрак в семь, выезжаем в пол восьмого. Пока можешь отдыхать. Здесь сейчас девять вечера.

Ильхом повел меня через сад в левое крыло дома. Большая, наверно светлая, комната. Большая низкая именно кровать. Тумбочки. Отдельный туалет. Телефон. Работает.

— Телефон внутренний- на вполне сносном русском пояснил Ильхом. — если что нужно- сними трубку и скажи.

Я достал сигареты, закурил, и сказал что ничего не нужно. И передай мои извинения, ужинать я тоже не буду. Покурю и буду спать.

Сквозь сон я слышал, что ночью приехала какая то машина. А немного спустя, уехала. Под утро стало снова душно, и я проснулся. Не закрыл окно. Уже рассвело, но солнце еще не взошло. Часы на стене показывали начало седьмого. Собираясь отправиться сюда, я не стал усложнять. Обул туристические ботинки, купленные зимой в Хельсинки. Удобные джинсы. Взял пару футболок, и куртку. Но куртка мне не понадобится. Оделся — обулся и вышел из комнаты, а потом и из дома на улицу. Где-то слева вставало солнце, стояла тишина. Прошел вчерашней тропинкой, и, через калитку в воротах, вышел в самую настоящую пустыню. Вокруг, на сколько хватала глаз, не было ничего, кроме песка. Невысокие барханы, в лучах из-за горизонта, делали поверхность планеты гофрированной. Воздух пах чем-то густым и терпким. Справа видна грунтовка что уходит на юг.

За спиной послышался какой то шум. Встряхнулся от медитативного созерцания, и пошел обратно. Оказавшись за калиткой, увидел незамеченную раньше приоткрытую створку гаража. Решил полюбопытствовать устройством туркменских гаражей. Я, собственно, за экзотикой сюда и поперся. Хотя, конечно, в основном, с воспитательной целью. Мало ли что я без нее не могу. Это не повод заводить кошек!

Войдя в гараж, я понял что, мне пи@дец.

В глубине гаража стояла Волга с открытым багажником. На ней мы вчера приехали. Рядом верстак, на котором стоял мешок. В момент моего появления, Ильхом, металлическим совком, насыпал белый порошок в небольшой пластиковый пакет. Несколько таких же, не больше кирпича размером, пакетов лежали рядом. Еще один азиат, водитель, что нас привез, в этот момент укладывал в багажник такие же пакеты. Петр Сергеевич что то строго говорил. На мое появление, все обернулись.

Меня спасло то, что они замешкались. А я, наверное от испуга, сразу включился на полную. Первым, и очень жестко, кулаком в висок, вырубил Ильхома. Чувака у машины встретил левой в печень на противоход, когда он прыгнул на меня. А Пьянкову сломал ногу в колене, ногой же. Завершая, в общем то, стандартную связку. Хотя, конечно, повезло. Они очень удачно стояли.

Не задерживаясь, добавил водителю ногой по лицу. А потом мне захотелось завить.

Какой нахер повезло? Пьянков- глава наркомафии. Но я задавил поднимающуюся изнутри панику и начал действовать.

С удивлением увидел на верстаке скотч. Схватил его, и в темпе замотал руки-ноги-рот Ильхома. Потом, то же самое сделал с водителем. И повернулся к Петру, свет, Сергеевичу.

Он не сразу понял, что произошло, а сейчас ему очень-очень больно. И он почти беззвучно шипит, лежа на боку.

Я присел у его лица. Хотел спросить, где четвертый. Но он неожиданно появился в створке гаража. Держа в руках поднос с чайником и одной пиалой. И я, прямо с корточек, прыгнул. Получилось. Кулаком по горлу, и осколки еще разлетаются по полу, а я уже заматываю ему руки за спиной скотчем.

Потом снова повернулся к Пьянкову. Он уже сидит. На широком лице капельки пота. Но не орет. То ли форс, то ли крутой мужик.

— Тебе не уйти. — сказал он. — лучше помоги мне. И я клянусь, что мы это все забудем.

Хмыкнул, подошел, и пинком положил его на пол. Перевернул лицом вниз, и обмотал руки лентой. Он при этом говорил:

— Сюда едут мои люди. Охрана, что должна нас сопровождать с грузом. Тебе не скрыться. Просто некуда. Начальник милиции города — мой человек.

На этом я обмотал ему рот скотчем, и сказал:

— Подыши носом. — задохнется еще.

Он подышал, я кивнул, и наконец огляделся. Просторное помещение. У другой стены тоже верстак. На стене висит автомат. АК74 укороченный. На верстаке очень знакомая коробка. Хе, гранаты. РГН. Нарядные и похожие на игрушку. Правда, всего две. В остальном ничего интересного. Да я и не стал больше никуда лезть, увидев автомат. Снял с крюка. Глянул магазин- полный. Свиду- вполне себе нормальный автомат.

Вернулся к машине. Охлопал карманы у пленников. У водителя в кармане прощупывается что то типа ксивы. Больше, ни у кого, ничего. Снова присел перед Пьянковым.

— Кто ни будь еще в доме есть?

Он помотал головой.

— Оружие еще в доме есть?

Он снова помотал головой. Я не стал проверять. Хотя, людей в доме не чувствовалось. Но и искать я не собирался. Подумал. Взял скотч и уже надежно и качественно обмотал каждого. Самостоятельно не освободятся. Оттащил в сторону лежащих бандитов. Захлопнул багажник. Сел за руль. Блин! Не простая Волга то. Газ 24-24. С коробкой автоматом, и движком от Газ 53. Среди посвященных называется «догонялка». Завел двигатель, пошел распахнул створки. Повозился, пытаюсь понять как здесь врубить заднюю. И задом выехал из гаража. Не рассчитал чо. Гидроусилитель, и огромный радиус разворота. Короче, выезжая из двора, я не вписался в ворота. И для начала слегка протаранил один из воротных столбов. Но потом, все же выехал на дорогу, и свернул на юг. В сторону военного аэродрома. Там у меня есть шанс.

Спустя меньше, чем двадцать километров, я понял, что шансов нет. Сначала замигала лампочка на торпедке. А потом затроил, застучал и наконец заглох двигатель. Видимо, удар был фатальный. Сорвало патрубков и выгнало всю охлаждающую жидкость. Я не сообразил, как выключить эту коробку, и Волга жестко оттормозилась вставшим задним мостом. Вот теперь — все.

Дача Пьянкова, судя по времени, километрах в пятидесяти от аэродрома. Сюда едут Пьянковские люди. Возвращаться бессмысленно. Отсидеться в пустыне не выйдет. Изжарюсь, да и дорожка следов в песке приведет ко мне. Пьянковские охранники наверняка вооружены. Но я решил попробовать. Если они останутся, и выйдут из машины — есть шанс. Вылез из Волги. Открыл багажник. Достал канистру и облил уложенные там брикеты с наркотой. Закурил. И услышал вдали звук автомобильного движка.

В мареве наваливающейся жары было трудно разглядеть. Но — две машины. Уаз 469, и бортовой Газ 66. Они

остановились метрах в четырехстах от меня. И я понял, что шансов нет. Сквозь марево я скорее догадался, чем увидел, что с Газика спрыгивают люди. Чуть погодя, я увидел, что на верхушках барханов метрах в трехстах от меня, справа и слева от дороги появились две головы. А одна сверкнула оптикой. Снайперы. Если я чуть дернусь, схлопочу пулю. По дороге, ко мне, пошли трое. Что бы снайперы не нервничали, демонстративно снял автомат и положил на капот. А сам повернулся, и скрылся с их глаз, усевшись на песок в тени распахнутого багажника, привалившись спиной к бамперу. Достал гранату. Как же обидно! Мне по любому не жить. Не станет Пьянков со мной деликатничать. Они здесь, в Средней Азии, такие затейники... Жалко маму. И Вику. Так все по дурацки...

Они подошли, когда я докурил сигарету. Двое вышли справа и остановились передо мной. Тертые, битые и крученые мужики, не очень то и старше меня. С автоматами. В ношеных афганках, панамах, берцах. Смотрят спокойно, но мне их не заломать. По одному- нууу... возможно. А двоих — нет. Я себя уже довел до истерики. Иначе самому себя не убить. Поэтому медлил не от страха. Слева слышны еще шаги. Когда они зазвучали совсем рядом, я вытащил левую руку, что держал между ног. С гранатой. Потом показал им кольцо, от этой гранаты, в правой руке. Выплюнул окурок под ноги по виду старшего, и сказал:

— Ну что? Полетели, пидоры.

Они не испугались. Стало даже как то обидно. В надежде словить хоть какой то кураж, перевёл взгляд на вышедшего слева. И окуел.

Это оказался Сурков. С брошенным мной автоматом в руке.

Пока я растерянно моргал, парни споро присели передо мной. Один зажал мой кулак с гранатой в своём кулаке. Второй вытащил из моих ослабевших вдруг пальцев кольцо, и сосредоточенно сопя, начал вставлять обратно в гранату.

А Сурков сказал:

— Это и есть Андреев. Я же говорил, что легко его найдём.

Я окончательно поверил, что уже подорвался и теперь смотрю посмертное кино. Парень справа, тем временем, вставил кольцо, разогнул усики голыми пальцами, и похлопал меня по плечу. Встал и отступил на шаг. Второй очень аккуратно вытащил из моего кулака гранату. Тоже встал и отошёл. Сурков протянул руку.

— Блять! — я продолжал окуевать.

— Очень приятно, Сурков. — ответил Серега, и потянул меня за руку. Я встал — а это...

— Я сам, Сур. — заговорил тот, что поменьше. Хотя они оба крупнее и меня и Суркова. — Я — старший лейтенант Обросов. Командир спецвзвода отряда обеспечения группы Генпрокуратуры по Средней Азии. Сейчас выдвигаемся для ареста гражданина Пьянкова. Можешь что сказать по этому поводу?

— Если только непечатными словами — буркнул я — это машина Пьянкова. В багажнике — килограмм сто дури.

— А он сам?

— На даче остался. А я вот, думал сбежать, да движок... Кстати! Пьянков сказал, что к нему едут вооружённые помощники. Я думал, это вы.

— Не едут. Отъездили уже — проворчал старлей. — На даче много людей? Вооружены? Что с охраной?

— Они только ожидали приезда охраны. Их там четверо. Если к ним никто не приедет, то вам не о чем беспокоится. Они лежат в гараже, готовые к употреблению.

Выслушав это, старший лейтенант снял панаму, и помахал ею, в сторону своего транспорта. Сурков сказал:

— Кеша, мы отойдём, пошепчемся — и, за рукав, потащил меня в сторону. Отойдя метров на двадцать, Сурков достал из кармана афганки, в которую тоже был одет, панаму и одел мне на голову.

— Слушай внимательно. Меня прислал Фред. Сегодня ночью в Кизил — Арвате начались аресты. Уже взяли председателя Исполкома, начальника милиции, ещё кого то. У прокурорских есть указание. Найти заодно некоего Андреева, то есть тебя, и обеспечить его эвакуацию в Питер. Я прямиком из Питера. Вылетел вчера, в восемь вечера военным бортом, груженым авиаприборами. Прибыл как человек, способный опознать этого Андреева и сопроводить. Кажется, прокурорские считают тебя агентурой. Поэтому молчи, и не выступай. Все понял?

Устало кивнул. Хоть так. Остальное и вправду потом обсудим. Пронесло. Повернулись и пошли к Волге.

— А так, у меня для тебя, Дух, плохая новость.

— Что я в жопе?

— Тоже мне новость! Жизнь в жопе — это, Дух, твое второе имя. А вот то, что Вика решила сделать новую прическу- это, Коля, дурной знак. Вот бросит она тебя, и что? Или, ты поэтому с гранатой баловался?

Обросов стоял, и задумчиво смотрел в багажник Волги. И, кажется, матерился про себя. Я хмыкнул. Понятно. Чувак не может решить как поступить. По правилам, ему нужно оставить здесь охрану, или, что ещё хуже, начать писать протоколы, считать упаковки, и прочее. Но, основной приказ у него вообще не про это.

Я подошёл, и встал рядом. Достал сигарету и Зиппо. Прикурил. А потом кинул горящую зажигалку в багажник.

— Надо же, какая неприятность — пояснил я — наверное, наркота спечется в один большой комок.

Он посмотрел на меня, тоже хмыкнул, и мотнул головой в сторону подъехавшего Уазика. Волга взорвалась когда мы отъехали километра на полтора. Я там, в багажнике, ещё и гранату оставил...

Мы остановились от дачи Пьянкова метров за шестьсот. Из Газона попрыгали бойцы, и, без команды, двое побежали в стороны. Снайперы. Дождавшись, когда они обозначат, что на позиции, старлей подвел меня к тройке, что спокойно стояла за газоном.

— Вот гражданский — Обросов кинул на меня- говорит, что в доме четверо.

Все посмотрели на меня. Я откашлялся:

— Слева от ворот гараж. Пьянков с подельниками лежат на полу, зафиксированные. Больше людей я там не видел. Прошло минут тридцать, но они не должны были развязаться. Дом жилой, признаков минирования не

заметил... вроде все.

Тройка развернулась, клацнула затворами, и экономной трусцой, побежала к распахнутым воротам...

...В доме действительно больше никого не оказалось. Ребята загнали во двор УАЗик и Газон, притащили, и грубо забросили в кузов бандитов, и потерявшего сознание Пьянкова. Один из бойцов, впрочем, по команде командира, вкатил ему укол в бедро, из шприц-тюбика. Сам Обросов вышел из гаража, держа в руках две катушки скотча.

— Смотри Сур, как твой друг ловко придумал! Да этих и упаковал. Люблю так задерживать!

— Сур? — я посмотрел на Суркова.

— Мой позывной — пояснил он, — а его- Кеша. Он у меня командиром взвода был, целый год. Мы думали, его в Москву перевели. А он видишь — при прокуратуре. Прилетаю ночью — глазам не верю.

— Молодец! — сказал мне тем временем, явно успокоившийся и расслабившийся старлей. — туго тебя обучили.

— Ты не поверишь, Кеша, я тоже потрясен — усмехнулся Сурков. — иногда мне кажется, что не хуже любого нашего молодого бойца.

— Инокентий... — начал я

— Это позывной- засмеялся Обросов- так то меня Игорь зовут!

— Дело не в этом. Дело в том, что вот вас здесь двое морпехов. И оба из морской пехоты срыли, роняя тапки. Так что куда вам до ракетчиков.

— Кеш, — затянулся сигаретой Сурков. — может, отдашь ему гранату? А то говорливый больно.

— Ладно, к делу. — посерьезнел начальник. — мы сейчас повезем задержанных сдавать. Вам я оставляю УАЗик. У тебя здесь вещи остались? — он посмотрел на меня.

Я хлопнул себя по лбу.

— У меня там рюкзак с паспортом! Бумажник, одежда ... да и умыться не помешает.

— Забираешь свое барахло, и едете на аэродром. Через — он посмотрел на часы — пару часов уходит борт на Питер. Вы должны улететь. Справитесь? Или вам охрану приставить?

— Все будет нормально — заявил Сурков. — мне надоела Киргизия.

Обросов опять засмеялся, и снова хлопнул меня по плечу. Полез в карман афганки. Мне на мгновение подумалось, что и вправду гранату даст. Но он протянул мне зажигалку Зиппо. Только не блестящую и хромированную, как была у меня. А настоящую американскую, армейскую, зеленого цвета, потертую, и царапанную.

— Бывайте. — он повернулся, скомандовал. Бойцы залезли в кузов к бандитам. Сам он уселся в кабину. И Газон уехал. Во дворе остался Уазик. Я пошел в дом.

Душ манил конечно, но я лишь облился водой по пояс, да почистил зубы. Взял свой рюкзак и куртку. Давно хотелось пить. Прошел из комнаты в большую гостиную. Хотя, она, наверное, здесь по-другому называется. Но в углу, чисто по-европейски стоял угловой бар-шкаф. Его-то я и зацепил взглядом вчера вечером, проходя мимо. Рядом, на тумбе, стояли бутылки с Боржоми. Стеклянные. Открыл лежащей тут же открывашкой. Отпил. И пошел в гараж. Там, вроде бы, под верстаком, валялись армейские фляги.

Во дворе стоял только пустой Уазик. Сурков, с водилой, курили на скамеечке, в глубине сада. За открытыми воротами лежала пустыня, подернутая жарким маревом. В гараже, на верстаке, так и стоял початый мешок с наркотой. Под верстаком и вправду лежало штук пять фляг. А глубже, стояла очень знакомая черная брезентовая сумка. Вытащил ее, и потянул молнию. И снова закрыл. Доллары. Подумал.

Достал зажигалку, что подарил Обросов. Намеки и мы понимать можем. Даже если это не намек. Окинул гараж взглядом. Канистры у дальней стены. В количестве четырёх штук. Полные. Бензин. Ну да. «Догонялка» жрет бензин не по детски. Что ещё. О! Керосиновая лампа, даже со стеклом, под потолком. Ну ка... полупустая. Отлично!

Пробуем проткнуть канистру вот этой отверткой, что лежит на верстаке. Нет, это сильно. Отставил в сторону, пускай течёт. Вот так. Из второй канистры закапало как надо. В тиски ее закрепляем. Потом вот эту баночку, сюда на верстак. А под неё, сбоку, палочку. Бензин из канистры капает в банку. Когда банка наполняется, она опрокидывается на горящую керосинку. К этому моменту весь пол будет залит бензином. Открыл и положил на бок оставшиеся канистры. Начинается случайный пожар. Только вот этот огнетушитель, гляди ко ты-американский, прячем под стол. Мало ли, вдруг кто за барханом прячется? Поджигаем керосинку. Фитиль побольше выпустим. Стекло не ставим. И уходим. Минут пятнадцать у меня.

Взял сумку, и накинул на плечо. Другой рукой повесил на пальцы две фляги. Вышел во двор, и направился к Уазу. Закинул на заднее сидение черную сумку, свой рюкзак, и куртку. Сурков с водилой не обратили на меня никакого внимания. Да им и не очень видно. Пошел в гостиную. Налил в одну флягу Боржоми. Открыл бар. А не

плохо тут с алкоголем, в мусульманской республике! Выбрал Хенесси. Перелил во флягу и пошел на выход...

Караул на воротах военного аэродрома пропустил УАЗ без звука. Я проворчал про проходной двор. Сурков пояснил, что у прокурорских вездеход во все части округа. И ткнул в прямоугольник на лобовухе.

Чёрную сумку Сурков увидел только когда мы выгружались у КДП, возле полосы. Взгляд его мгновенно резанул по мне, и вокруг. Потом стал обычным, скептически — ироничным Сурковским взглядом. Машина уехала. Оттащили барахло к скамеечке в тени. Серега ушёл внутрь. Спустя минут десять вернулся. С брезентовым десантным мешком, типа баула, в который и засунул сумку. Сообщил, что вылет через сорок минут, доедем с экипажем. Потом уселся рядом и мы закурили.

Он курил и рассказывал, что вчера, в шесть вечера, к ним приехал Фред. Обаял Ирку и убедил ее, что Сергею нужно срочно отлучиться на пару дней. Вылетел на семьдесят шестом, из Пушкина, в восемь вечера. Прибыл в четыре утра. Здесь его встретил Обросов. Поведал, что позвонили из Москвы. Нет-нет, Дух, это не Иркин дедушка. Просили отыскать Андрея, отправить в Питер, встретить сопровождающего. Заодно старлей рассказал, что в шесть утра начнутся аресты местной верхушки. Наркота и злоупотребления. Твой Андрей прилетел вчера вечером и уехал с Пьянковым к нему на дачу — уединённый дом посреди пустыни. Обросов — старший группы захвата этого Пьянкова и его людей. Пойдём переоденемся, и поехали.

Вокруг, несмотря на неслабую жару, кипела армейская жизнь. Бегали какие то солдаты. Сновали офицеры. Пару раз, за КДП, взлетали и садились самолеты. Я слушал Серегу, и думал, что Фред крут. Узнать о принятом в ГенПрокуратуре решении, это... даже не знаю. С другой стороны, похоже, и здесь тоже информация прошла. Ничем иным объяснить произошедшее нельзя. Я вспомнил шум авто, что приезжало на дачу ночью.

На парковку заехал УАЗ-буханка. Из диспетчерской вышла группа в лёгких комбезах. Сурков встал. Офицеры подошли к нам.

Старший по званию, майор, — командир экипажа, пригласил в УАЗик. Тот отвёз нас в дальний конец ВПП, где стоял ИЛ-76, с откинутой рампой. Рядом стоял заправщик. Экипаж полез в самолёт, попросив нас обождать. Мы с Сурковым встали в тени фюзеляжа, вокруг никого не было, и он спросил:

— Сумка — это то, что я думаю?

— Да. — мне вообще не хотелось говорить, слишком нервное утро выдалось.

— Блять, Дух! Это все от того, что ты в финансовый восстановился, одни деньги на уме.

— А ты бы хотел чтоб я был гинекологом...

— Я бы хотел уже свалить из этой гребаной Киргизии!

— Это Туркмения, Сурков.

— А что, есть разница? Вот скажи мне, Душина, ты сможешь отличить таджика от киргиза?

— Жаль, хотел город посмотреть. И вправду было интересно, что здесь за жизнь.

— Здесь дивизия мотопехоты стоит, и авиаполк.

— Да уж, никакой экзотики...

ИЛ вёз в Питер дембелей. Откуда, я не очень понял. Перед вылетом к нам подошёл капитан- бортмеханик, и сообщил, что в маленьком отсеке летит полкан из генштаба с сопровождением. Так что — в общем отсеке ребята, без обид. Единственное, мы сели первыми. В самом торце отсека, у борта и почти у кабины. Потом пришли Уралы, и из них посыпались дембеля в парадках. Все в значках и потеющие на жару.

Когда легли на курс, командир, по громкой связи, почти как в аэрофлоте сообщил, что летим в Питер. И чисто по военному пообещал тем, кто будет бузить, их связать и сложить, блять, штабелем. Я не очень понял экспрессии. Но дембеля немедленно объединились в какие то компании и принялись бухать. Алкоголь назывался «Чишма». И было его у парней в избытке.

Дембелей сопровождала пара офицеров, и пара зверовидных прапоров. Так что народ не особо ураганил. А меня по настоящему отпустило лишь когда самолёт оторвался от полосы.

Я старался не думать, как бы оно вышло, если бы Андрюха Александров не додумался прислать Суркова. Полез в рюкзак, достал флягу с коньяком и открутил крышку. Сидящие рядом прапора начали принохиваться. Протянул Суркову.

— Не- отказался он. — Мне ещё из Пушкина рулить на машине. И вообще, у нас с Иркочкой вечером праздник.

— О! Это какой?

— Пол-года вместе.

— Сурков! Ты ли это? Ты помнишь такую фигню?

— Конечно нет. Вчера случайно услышал, когда она с Викой по телефону трепалась. Ну и подумал, устрой ка ей праздник!

— Я, сегодня, как то не в форме, Серёг, так что завтра выражу ей свои соболезнования, ладно?

— Не благодари меня, Душина. Сгинул бы ты здесь, среди верблюдов.

— Да при чем здесь ты?! Просто Ирке обидно одной с лимитчиком маяться, вот и отправила тебя. Тащи этого Андреева, а то сбежит ещё...

Свадьба Сурокова и Ирки состоялась в начале марта. Мне удалось настоять что бы он съездил в Хельсинки. А уж потом гремел свадьбой. По Питеру как раз ходили слухи про свадьбу дочери товарища Романова, подарив Суркову нездоровые идеи.

— Ну и что, что не было ни какой свадьбы, Дух? Главное в этой истории то, что Елагин дворец можно арендовать!

С огромным трудом удалось убедить его прикрутить понты и скромно отпраздновать на Ждановской даче в Озерках, под Всеволожском. Было мило, душевно и удивительно по доброму. Я был представлен куче Ириной родни, включая дедушку. Настоящий зам ГенПрокурора. Охрана, водитель, все дела.

Как бы то ни было, Сурковская жена, это воплощенное совершенство и мощный интеллект, к моему изумлению, оказалась настоящей домашней курицей. Пусть и в очень хорошем смысле этого слова. Больше всего ей понравилось быть беременной. Ещё когда не было видно никакого живота, она уже его изображала. А сейчас и вовсе плавно ходила по институту тщательно отслеживая, все ли видят что она в положении. Я, было, подумал что это во имя легкой сессии. Но нифига, зубрила как и прежде.

К радости товарища Каверзнева, для молодой четы ему пришлось искать квартиру. И не абы где. А на набережной Красного Флота, с видом на Неву, Университет, и прочих сфинксов. Родители подарили Ирке кооперативную трехкомнатную квартиру на Ржевке. Которую Сурков обменял на четырёхкомнатные хоромы на набережной. В конце апреля и въехали.

Я отхлебнул и задумался. Пётр Сергеевич Пьянков прилетал в Питер не впервые. Он совершенно очевидно был давно знаком и с Викиной маманей, и ее отцом, и с публикой на юбилее. Да и когда летели обратно, он что то такое говорил про межрегиональные поставки. А генсеком у нас теперь товарищ Горбачёв. С его несколько иным взглядом на многие вещи.

Можно смело предполагать, что уход Пьянкова с его поста, вроде как, на повышение — не случаен. По большому счету, так обычно и избавлялись от неугодных чиновников. Отсюда он уходил на повышение, а там его не утверждали. А потом он куда то девался.

Понятно, что наши с Сурковым художества под Тосно, в прошлом ноябре потащили за собой кучу последствий. В частности меня примерили организатором доставки денег в Питер, вместо Кости Могилы. Я отхлебнул ещё коньяку.

Я то думал, что — ну цеховики паникуют, съезжу, посмотрю. Иметь Фреда должником — дело хорошее. Тем более что выглядело все очень респектабельно. Современный, продвинутый руководитель региона. Дружит с питерский творческой тусовкой и номенклатурой. Ну что там может быть такого страшного?

А сейчас меня мучает всего одна мысль. Пьянков был сам по себе, или он был зарвавшийся исполнитель? Похоже — второе. А тогда и вправду до меня ни кому не будет дела. С этой мыслью я и заснул под гогот дембелей и гул моторов...

...Мы заехали в гараж, и, не особо утруждаясь, сунули сумку в дальний угол. Серега довез меня до парадной. Вылез из машины, взял рюкзак и пошёл домой. Все завтра. Я теперь живу один, и даже не стал зажигать свет. Май месяц, в девять ещё светло. Разделся и пошёл в душ. Вернувшись в спальню, мысленно надавал себе по рукам и не стал включать телефон и автоответчик. Вспомнил, как Пьянков поклялся, что в деканат придёт бумага из обкома, с просьбой направить студента Андреева в их распоряжение на неделю. Засыпая подумал, что неделю можно бездельничать и никакого института. Выходные у меня вышли весьма насыщенные.

Проснулся я от того, что мне сопели в ухо. Лишова лежала щекой на моем плече, и задумчиво меня разглядывала. В окно светило солнце, я себя отлично чувствовал. А Видуна была лишь в трусиках и лифчике. С козырей зашла!

— Однажды, Коля, у тебя изменится взгляд, ты перестанешь меня смешить и станешь пропадать непонятно где. А у меня нет даже рыбок.

— Можешь не волноваться. Чтоб так вышло, тебе понадобятся засаленный халат, стоптанные шлёпанцы, и вся в бигудях.

Она прижалась ко мне, и, сводящим с ума жарким шепотом в шею спросила:

— А можно, я ещё буду жирной?

— Ну посмотри на себя! Куда тебе... разве что, у меня есть чулан, возле кухни. Запру тебя там, буду кормить хлебом с вил... — я честно сопротивлялся.

— Слушааай. мы же ещё там...

Ну и все. Вот кто это выдержит? Змея эта Лишова...И совсем уж краем мелькнула мыслишка о том, что она

вообще-то, не любит кошек. Это все знают. Интриганка мелкая.

Голодная Лишова, это опасно. Вечером, наконец оторвавшись друг от друга, мы заточили по бутеру с остатками докторской. Ночью грызли яблоки, что украшали собой пустоту холодильника. Я дальновидно достал из морозилки небольшую глыбу льда. Вроде бы там было что то полезное. Какой мужчина помнит, что у него там, во льдах морозилки?

Вика ответственная. Институт не прогуливает. Засыпая под утро, потребовала разбудить в семь. Съездим, Коль, пирожков купим. А то я на людей бросаться стану. Мне было ее так жалко будить...

Проснулся, слегка оделся, пошел умыться. Подумал — пусть дрыхнет, а я схожу про еду. Выйдя из ванной, увидел на кухне сердитую Вику. Она не любит изменений в планах. Не дав открыть ей рта, провел мастер-класс под названием «Накорми Принцессу».

То есть, воткнул в магнитола кассету с Burn от Deep Purple, чтоб она не выступала. Ничего более шумного под рукой не оказалось. На полную. И, по заветам Джимми Оливера, за семь минут зафигачил спагетти с креветочно — сливочным соусом. В наличии пучок макарон. Креветки очень удачно нашлись в растаявшем льде морозилки. Там было еще мясо разных животных. Но я затруднялся с происхождением. А креветки я по благу купил в «Океане», на Мира.

В общем — магнитола орет, я такой весь в такт — бум кастрюлей, шмяк сковородкой. Повертел ягодицами, исполнил фуэте. Бабах по чесноку кулаком. Издалека масла на сковороду, креветок, а потом и сливок. Короче, не успела она продумать претензии, как пред ней стояла тарелка спагетти, и чашка кофе.

Собственно, в мире есть всего три типа мужчин, что не понимают женщин. Молодые, — это до двадцати пяти. Зрелые- от двадцати пяти до пятидесяти. И древние старики от пятидесяти и до смерти.

Так что меня не удивило парадоксальное заявление Виктории, умявшей макаронны где то за пару минут:

— Вот только попробуй от меня уйти!

По индексу сборов для выхода из дома, Лишова входит в первую мировую пятерку женщин. Как опытный и поживший человек, я знаю, что случайно увиденная на улице очень естественная, трепетная красавица, часа два готовилась показаться людям. Виктории хватает пятнадцати минут, без потери качества, что как по мне, результат выдающийся.

Так что мы, совсем не торопясь, пошли в институт. Обсуждая по дороге чету Сурковых. То есть я сначала заявил, что ходят слухи, что ты, Виктория, собираешься изменить прическу. С чего бы это? И, кстати, у Сереги с Ирккой вроде как пол — года знакомства. Нужно бы отметить. Тут она начала просто неприлично ржать.

— Коль! Скажи Суркову, что подслушивать нехорошо. И вообще, ты считать умеешь? Сережа познакомился с Приходько в ноябре!

После короткого размышления, я понял о чем трепались девицы, и постарался выйти из положения достойно:

— Ну Сурков, ну скала! Ирка его получается месяц соблазняла, а он держался!

— Что ты понимаешь! Она знает как из за него переживала?

— Да уж, не то что ты. Пришла и захватила.

— Ой-ой! больно надо!

— Ну вот же, Вика! А ты говорила что врать не умеешь! Давай, еще что ни будь соври, для закрепления.

— Ты очень умный, Коленька.

Что бы спорить с Лишовой, мне нужно держаться от нее как минимум в метре. Тогда получается. А тут идет, вся такая, в легкой юбочке выше колен, в свитерке подчеркивающим трогательные плечи, у нас хоть и солнечный, но Питерский май, волосы собраны на затылке, открывая шею. Еще и за руку держит. Так и пришли в институт.

Нарвавшись на ехидные улыбки сокурсниц. Вика выглядит как воплощенная невинность, стыдливо осознавшая, что дикий разврат ей очень понравился. Я хмурюсь. В глазах окружающих у меня и так весьма неоднозначная репутация. А ещё, страшно хотелось продолжить. Но спас звонок. У моей группы лабы по этим диким машинам и арифмометрам.

Ленка и Карен, мои подельники по борьбе чудесами кибернетики. Чистый симбиоз. Я им помогаю по мат программированию, а они мне с этой дремучей машинерией. Поэтому принял вид усталого начальника, снисходительно наблюдающего, как молодежь осваивает сложное оборудование, и задумался.

Она сразу меня удивляла. После ночи без сна, спокойно идёт в институт и прекрасно себя чувствует. Мне хочется спать. Желательно с Лишовой, но можно и так.

Я, по-честному, предложил ей замуж за меня, когда вернулся. И уж точно перебраться ко мне. Она как-то расстроено уклонилась. Я не стал настаивать. Она очень обиделась. Но в конце — концов все разъяснилось

Как всякая домашняя девочка, она обожает папу, и в легком конфликте с мамой. Которую, впрочем, тоже боготворит. Она пообещала родителям- никаких серьезных романов до четвертого курса.

Так что в глазах ее родителей, я — несерьезное увлечение. Хотя, они все понимают. Но — слово дано. Тем не менее я в хороших отношениях с ее отцом. Который не только шишка из Смольного, но и, как выяснилось, знает мою маму. А еще меня не очень любит Викина мама. Ну, она не таким видит спутника жизни своей дочери. Она считает меня фарцовщиком, и еще бог знает кем.

Светлана Артуровна- Викина мама, это тот тип советских деловых женщин, что даже делая карьеру, прежде всего продвигают мужа. Я подозреваю, что Викин отец без нее не занял бы эту должность. И дело не в постели, или коррупции. На том же юбилее администратора, я видел как это делается. Грубо говоря, жена у мужа — PR-агент. Что вовсе не умаляет достоинств Бориса Ивановича. Кроме всего прочего, он еще и очень умный и обаятельный мужик, с густым басом. Я хмыкнул про себя. Сейчас большинство крупных чиновников- очень обаятельные дяди. С обязательным басом. Никаких баритонов, или, упаси бог теноров. Это Горбачёв поломал традицию.

Как бы то ни было, мы с Викуней, очень много времени проводим вместе. Она часто остается у меня ночевать, у нее есть ключи от квартиры, и в доме куча ее мелочей повсюду. Я только не стал покупать ей купальный халат, ибо короткое полотенце тож ништяк.

Лабораторная шла своим чередом. Отвлекаясь от важных размышлений, подумал что эдак ведь и завалю зачёт. По этой всей фигне. Надо бы что то придумать. Или начинать зубрить. Но, глядя на все эти гигантские недокалькуляторы, так не охота!

Однако тут мне, можно сказать, повезло. На втором часе, Карену, Ленке и мне, дали поюзать и освоить советский диктофон Топаз- 202Д. Как многое в Союзе, занятное по задумке, и ужасное по исполнению. В общем, он сломался. Преподша, Маргарита Павловна, очевидно расстроилась. Идея лежала на поверхности. И после пары я ее изложил. Маргарита Павловна! Давайте я его починю в обмен на четвёрку?

Из аудитории я вышел с диктофоном через плечо.

В коридоре, по дороге в новую аудиторию, столкнулся с нашей зам декана Коротаевой. Она, увидев меня, удивилась. Сказала, что вчера, в деканат была телефонограмма из обкома. Просьба откомандировать Андреева на неделю. Я поинтересовался лишь, какой обком имеется ввиду. Она удивилась ещё больше:

— А что, Коля, кроме нашего, ты нужен ещё какому то обкому?

— Елена Сергеевна! Очевидна тенденция. Услышав фамилию Андреев, большинство обкомов теряют волю, и хотят меня к себе.

— Господи, — вздохнула Коротаева — до чего же ты болтун, Андреев.

— Извините, Елена Сергеевна. Мне тут, ещё по армейской памяти, подработку предложили. Пригласили помочь готовить площадку. Для оборудования с «Ленинца». Это в Туркмении. А там пустыня. Так что быстро управились. Сами знаете как бывает. Пусковой объект, бюджеты освоены. А тут Андреев, которого в родном институте не ценят, и мучают на экзаменах. Ну и согласился аккордно подработать. Локатор стоит. А я уже учусь не покладая.

По дороге домой, Сурков меня проинструктировал. Там, где то в песках, аэродромный локатор ставили. И для экипажа мы были гражданские специалисты из ОКБ «Ленининец». По крайней мере с этим оборудованием прилетел Сурков. А мне тогда- лишь бы свалить. Это сейчас я не могу не отдать Фреду должное. А там мне было как то пополам.

Но легенда хорошая, чего уж. Именно ее мы и скормили девчонкам.

— И может быть, Елена Сергеевна, — тем временем продолжил я — когда то в будущем, вы загрузите, вспоминая как были ко мне жестоки. Я, в пустыне, не мог думать не о чем, кроме высшей математики.

Елена Сергеевна наконец изволили засмеяться и отпустили меня движением длани.

Учебы осталось — до конца недели. Потом сессия. По сути, уже сейчас не занятия, а консультации.

Поэтому на паре у Маневича я не стал судорожно вникать. Хотя девицы его затерзали вопросами. Сидел и спокойно изучал свежий номер «Студенческого Меридиана», что отжал у одногруппника Лехи Кособокова. Я и в прошлой жизни его с удовольствием читал. А сейчас просто тащился:

«Конкурсы красоты — настоящее глумление и коммерческий авантюризм деловых кругов, пытающихся доказать нам, что наслаждение женской красотой — эстетическая норма. Всё это ложь и ширма для разврата, которые ведут общество к атрофии и апатии. К сладострастному влечению к женщине и её физическим тайникам. Всё, что радует глаз и возбуждает чувства в интимный момент, остаётся желанным всегда, а повседневность, мозолящая глаза, рано или поздно надоедает. Взгляните на современный образ жизни, на подъём эротического рекламирования. К чему ведёт этот путь? К профессиональной проституции, дешёвому разврату, упадку уважения к женщине...»(с)

Ещё, некий Артемий Артемьев обозревает музыкальные тенденции под рубрикой «Рок-музыка запада: тупики и выходы». Кажется это Троицкий. Его стилистика. Статья про группу Slade.

Из института я вышел хмурый. Последняя пара- политэкономия, семинар. Больше и говорить нечего. Думал

подождать Вику, чтоб проводить домой. Так то конечно лучше бы ко мне. Но, кроме галантных утех, у меня дома из еды только кофе.

Тамара на три недели уехала в Ессентуки, лечить печень что ли. Соблазнив товарища Каверзнева, она расцвела и озаботилась здоровьем. Михалыч переехал к ней, и подал документы в ВАК, на защиту докторской. Я так понимаю, не последнюю роль в его смелом научном порыве сыграли наши с Сурковым приобретения. Денег он на нас заработал изрядно, и может не думать о стоимости банкета после защиты. Хотя, их же запретили, согласно борьбе с пьянством...

С тех пор как от меня переехала Софья Игоревна, Тамара ведёт мое хозяйство. Пару раз в неделю наводит порядок и вообще. В частности, следит за наличием продуктов первой необходимости. Но сейчас голод показал зубы. И я думаю про Сенной рынок.

На выходе из института стоял Сурков. Вокруг кружил хоровод наших девиц. Они выдали ему жену, и теперь требовали взамен предоставить Иво.

На свадьбе Суркова и Приходько, Иво был свидетелем. Бреда Пита в девичьем сознании ещё нет. А Иво есть. Красавчик- моряк, свадьба, все сошлось. Теперь, среди девушек нашего потока, Иво — олицетворение сладких мечт.

По русской народной традиции, он уместил свидетельницу в брачную ночь. Пацаны! Я ваще не при делах, очнулся, и понимаю, что уже не смогу остановиться!

Поскольку свидетельница — из Днепропетровска, среди наших девиц решено это считать досадной случайностью. Мужчин так тянет на экзотику! Негритянки там всякие, карлицы, школьные подруги невесты из Днепропетровска... Но многие девушки слышали, как Иво значительно рассказывал ей: «Когда мы в последний раз заходили в Дар Эс Салам...». Всем им, захотелось узнать эту историю в подробностях. Я стараюсь не раскрыть его инкогнито моториста портового буксира.

А Сурков и вовсе сообщил, что Иво прилетит из Австралии на побывку через недельку.

Интереснее всего, что Ирка и Вика отлично знают Ивину подноготную. Но у нас все уверены, что он перспективный штурман. В чем здесь интрига мне не понять. Когда мы переходили мостик, я риторически заметил, что неужели никто не подозревает Иву в двуличии?

— Презумпция невиновности гласит — засмеялась Ирка — что пока не доказано обратное, Иво — штурман дальнего плавания

Усаживая девушек в свой авто, Сурков проворчал, что достучается Ивик. Вставят ему эту презумпцию в невиновность. И сообщил мне, что Фреда нет дома. А я сказал, что не звонил ему и не буду. И ты Серега не звони. Ну его. Через недельку соберемся, подумаем, как и что, ладно?

Викуня, узнав что я с ней не еду, удивилась. Пояснил, что все, что от нее хотел, я уже получил. Теперь, как опытный подлец, думаю только о еде. Ира! Ты взрослая, замужняя дама. Проследи, чтоб Виктория вела себя прилично и пошла домой, а то на Суркова никакой надежды. Чуть зазеваешься — пляшет с Лишовой рок-н-ролл на набережной.

Первого мая мы никуда не поехали. И погода с утра была так себе, и Ирку уже особо никуда не потащишь. А, главное, Иво был на вахте. Так что просто вечером отправились гулять. Показалось солнце, ветер стих. На набережной Красного флота, по традиции, собралась толпа. Народ веселился как мог. Какие то ребята из ВоенМеха плясали под магнитофон. Пока я рассказывал Ирке, откуда на самом деле стреляла «Аврора», и где кап три Саблин собирался запарковать «Сторожевой», Вичка с Сурковым бросили ВоенМеху вызов. Победила дружба. Впрочем, как и всегда летом, на набережной у Дворцового моста. Отчасти, из за того что Викуня была в джинсах. Ну какой смысл в акробатическом рок-н-ролле, если девушка в джинсах? Отчасти из за пьяного вдрызг мужика, мощно ворвавшегося в ряды танцоров, с новым стилем барыня- ролл. Он был смешной и мы потом ему налили...

Викуня закинула мне руки на шею и поцеловала на прощание. Сказала, что она конечно не на что не рассчитывает, но у неё дома есть суп. И котлеты с картошкой. Ага-ага. И Светлана Артуровна. Гордо заявил, что я не такой. И вообще, о чем можно говорить, если мы не целовались в метро, на эскалаторе? Как без этого можно приглашать парня в гости? Что подумают люди? В общем мы с удовольствием целовались, пока Сурков не потребовал прекратить.

В конце-концов договорились, что я зайду за ней вечером, и мы пойдем выгуливать Ирку. В хорошую погоду Сурков гуляет с женой на бульваре Профсоюзов, и по набережной. Они уехали, а я визуально изучил свои Жигули на предмет порчи и хищений. С прошлой пятницы все осталось по-старому. Колеса не открутили, зеркала не сняли, дворники на месте. С месяц назад у меня сперли правое зеркало. Хорошо что я, для удобства похитителей, не стал выдумывать какие то секретки. Разворотили бы всю дверь.

Сенной Рынок от меня сейчас ближе пешком. Движение по Площади Мира закрыто. И я, по Невскому, по Фонтанке, свернув на Московский, добрался до въезда во двор дома № 10. Это служебный въезд на рынок. Но за рубль, мужик на воротах пропускает и показывает, куда поставить авто.

За прошедшее время я обзавелся здесь постоянными дилерами. Гости с юга — никакие не гости. Они постоянно живут в Питере, как то ловко обойдя историю с пропиской и считаясь приезжими. Получают из солнечных далей, от родни, товар на продажу. Не все конечно. Есть много реальных приезжих торговцев. Но лучшее качество обеспечивает, постоянный контингент. У меня это- полная женщина из Узбекистана, что снабжает меня фруктами-овощами, и мясник, татарин Марат. Кроме профильных товаров, они всегда могут предложить то, что меня интересует. От всякой экзотики, типа ананасов, до вовсе неожиданных шоколадных конфет Калев, или финского сервелата. Сегодня мне впарили, заодно, батон сырокопченной до каменности колбасы, несколько плиток шоколада «Слава», и коробку конфет «Рябина на коньяке».

С удовлетворением обзрев у себя на кухне полные закрома, позвонил Лишовой. Виктория! Ты помнишь, что вечером идем гулять? Я, в восемь, буду околачиваться у твоей парадной. Если намерена задержаться больше, чем на пятнадцать минут, не утруждайся. По набережной туда — сюда ходят студентки из Герцена. Против них мне дольше пятнадцати минут не продержаться. Ищи меня потом на Проспекте Стачек, в общаге педагогов. Коля! А вот если пол — часа, то уже все? Уже можно быть уверенной? Я к вышке билеты учу, а ты мне звонишь, и говоришь глупости...

Вот же зубрила... Можно было бы и мне закончить курсовик. Но я себе не враг, лучше посплю. Да и моя реакция на неприятности — это сон. Как только вокруг начинает попахивать говнецом, я сразу начинаю зевать. И после неприятностей сплю беспробудно. Только Вика может меня как то взбодрить, и вернуть дееспособность. Но я решил, что сон еще мне никогда не вредил. И, перед прогулкой, можно смело дрыхнуть. Засыпая вспомнил свою же теорию про женщин снижающих мужское желание подвигов. Ну чего я все от нее куда то сбежать хочу?

Фред позвонил в институт в пятницу.

АВТОРСКОЕ ОТСУПЛЕНИЕ.

Смотреть из сегодня на середину восьмидесятых, оказалось страшно интересно. По крайней мере я не смог остановиться. Поэтому взялся написать продолжение. Никакого сериала не будет. И книжка будет платной. Проды по мере поступления.

Все события, персонажи, и явления- чистая выдумка и не имеют к реальности никакого отношения.

В пятницу, третьей парой, у нас поточная прощальная лекция по мировой экономике. Типа- удачной сессии товарищи. Так что я даже был благодарен Фреду, за то, что он избавил меня от этой тяготины. А он, не стал мелочиться. В аудиторию засунула нос девушка Маша, и сказала, что студента Андреева приглашает к телефону обком.

Я сразу понял, что это, скорее всего он. Ну кто еще будет так нагличать? С лицом человека, которому надоели обкомы все до одного, пошел в деканат. К Машиному расстройству, я был крайне лапидарен. Андреев! Да, привет. Нет, не раньше девяти. Жду.

— Не обращай внимания, Маш. Любой мелкий дрыщ из Смольного, мнит себя пупом земли.

— Не знаю, Андреев. Раньше нам из Смольного не звонили. А тут- второй раз за неделю.

— Я поговорю с ними, что бы не отвлекали тебя от важных дел.

С чем и отбыл в буфет, заточить яйцо под майонезом. Пока не набежала толпа. Не то чтоб я голодный. Но пустой буфет нужно использовать.

Погода к пятнице испортилась. Всю неделю мы с Викой много гуляли. Болтали о пустяках и тусовались с Сурковыми.

Вокруг Сереги с Ирккой, постепенно сложилась некая тусовка вечерних прогулок. Любой девичий коллектив, как известно, делит себя пополам. С одной половиной дружит, другую мечтает унизить, а лучше и вовсе уничтожить. Приходько считалась вождем одной из частей нашего потока. С выходом замуж, адептов у Ирки поубавилось. Но самые стойкие, оказались просто подругами. Вдобавок ко всему, кроме меня с Викторой, нашими спутниками часто бывали Сурковские приятели из Политеха. Что, для наших девушек, выводило эти прогулки на качественно другой уровень.

Было удивительно приятно брести в прохладном, прозрачном, вечернем Питерском воздухе вдоль Невы. И трепаться о всякой фигне. Так у нас поинтересовались, как нам Туркмения. И Сурков жег напалмом. Про то, что мы с Духом там все осмотрели и решили. Приходим к новому генсеку, как там его? К Горбачеву, и предлагаем международный проект. Раскопки Атлантиды в Туркмении. Дело верное. Любому буржую сразу понятно, что Туркмения, с точки зрения Атлантиды — самое оно. Тут ведь, девушки, главное заманить, потом никуда не денутся.

— Что то мне это напоминает, правда Ир?

— Молчи, Душина! Когда они заподозрят, что это не Атлантида, а всего лишь жалкая Вавилонская башня, станет поздно. В центре пустыни уже будет сформирована орда басмачек. Туда с удовольствием запишутся девчонки из финэка вашего, из текстильного, да много откуда! Иностранцев будет не разогнать. За право попасть в рабство басмачкам, хоть на месяц, будет идти серьезная международная борьба. А у девушек зачтут стройотряд!

— Лучше расскажите, что там за жизнь. Вроде бы там города красивые какие то — спросила Близнякова отсмеявшись.

— Вычеркиваем тебя из орды! — не дал сбить себя Сурков — с точки зрения архитектуры, все города одинаковые, если это не Питер! Так вот, серьезная статья доходов будет от продажи костюмов для ритуального спаривания...

Серега с Ирккой гуляют в общем то не долго. Мы их провожали домой, а потом, или всей компанией, или вдвоем, еще долго бродили. Раз дождались развода мостов. Домой я возвращался сильно за полночь. Ни разу не нарвавшись на неприятности. Питер, в белые ночи, место добродушное. Максимум опасности- предложат выпить.

Погода в ночь на пятницу испортилась. Нагнало низкую облачность, и в городе настала обычная серость с дождем. Большого значения это не имеет. Мы с Викуней, стараниями ее мамы, были приглашены на премьеру Театра Буфф. Что то про Дон-Кихота.

В принципе, я не особо люблю тусоваться с подачи Викиной мамы. Но здесь с приглашением согласился охотно. Во — первых, в городе это сейчас самый модный театр. Во вторых там сейчас работают Корнелюк, и будущий ведущий «Кружатся Диски» Александров. Это и вправду интересно.

Вчера Светлана Артуровна с некоторой досадой отметила мою флегму на слово премьеру. Ей приятно думать, что я дремучий и неотесанный мужлан. И все время пытается это доказать дочери. Умная дочь все видит, и как бы ничего не замечает. В общем, развлекаемся.

Уезжая с Викуней от института, я рассказал ей, что светская жизнь сегодня не задалась. Нужно с Фредом встретиться. Не обижайся, ладно? Она меня успокаивала, и сочувствовала. Нет, ты прекрати меня жалеть! Пей кровь, и требуй развлечений. Что это такое? Как его зовут? Короче, договорились созвониться.

Возвращаясь домой я заехал в гараж, и захватил сумку, что привез из Туркмении. Дома засунул в чулан возле кухни.

Я сильно зол на Фреда. Встреча в девять вечера — просто потому, что он эдак барственно сообщил, что сейчас подъедет. Чистый протест. Лишь потом я вспомнил про театр, и прочее. Ну да ладно.

Можно было бы и поспать. Но, пока суть да дело, решил закончить и полностью оформить курсовик. То есть, когда в дверь позвонили, я еще печатал титульный лист. Поэтому досада на моем лице была неподдельной. Получилось неплохо. Вошедший Фред наткнулся на мою недовольную физиономию.

Он пришел не один. И его спутника я неплохо знал по прошлой жизни.

— Знакомься, Коля. Это Игорь.

Игорь Ан. Кореец, родом из Узбекистана. Одно время выполнял у Фреда функции референта- адъютанта-охранника. А в девяностых окажется на скромной должности, на Питерском ТВ. Замкнув на себя все рекламные деньги. Для корейца крупный, одного со мной роста. И очень хороший боец. Мы с ним были в дружеских. В начале девяностых, несколько раз, я спецом приезжал в спорткомплекс на Ломоносовской. Для спарринга с ним. Дело в том, что мы были на равных. Просто у него был более богатый набор приемов. И он меня все время ловил на этой экзотике...

Мы дежурно улыбнулись друг-другу, и пожали руки. Мне пришла в голову мысль, что сейчас я на пике своей формы. И, пожалуй, сейчас я его сделаю. И чисто на автомате начал нагружать толчковую ногу, чтобы начать левой рукой.

У него в глазах лишь на мгновение мелькнуло удивление, а потом он мягко сместился влево, сразу поломав мне рисунок.

— Э?! Вы, чего, бля? О@уели что ли? Завязывайте нахер! — Фред, даром что не боец, но все понял правильно.

Мы, с Игорем, посмотрели друг на друга, улыбнулись и поклонились.

— Как ни будь потопчемся, на татами? — спросил я.

— С удовольствием — ответил Игорь.

— Ты, Игореша, давай портфель, и подожди меня в машине. От греха. Какие то вы резвые. Пойдем, Коля. Обсудим, что да как.

Закрыв за Игорем дверь, я проводил Фреда в гостиную. Указал на стул. Сел напротив, и сделал лицом мыслеформу «Чего приперся?»

— Какой то ты, Дух, неласковый. Разве так гостя встречают? А предложить выпить? А закусить?

Не меня выражения лица встал, прошел к тумбе у стены. Там, на случай гостей, стоит алкоголь и посуда. Налил ему в бокал коньяку. И поставил перед ним.

— А закусить?

— Пока я, Фред, слонялся по Туркмениям, все продукты в доме испортились. И теперь кухня полна зловония и насекомых. Так что и так сойдет.

— А ты со мной, значит, не выпьешь?

— С чего это мне пить с человеком, решившим меня грохнуть чужими руками?

— Так уж и грохнуть?

— Скажи мне еще, что ты не подозревал, что Пьянков в разработке!

— Со стороны может показаться, что ты прав. Но я, Коля, все же хочу объясниться.

Фред выглядел очень усталым. И смотрел на меня грустно. Я подумал, что выслушать его можно.

— Ну говори, Фред.

— Во первых- вот тебе портфель. — он подвинул ко мне ногой дипломат, что принес Игорь. — Это твой заработок, от Пьянкова. Все по-честному.

— А ничего, что его закрыли?

— Он, типа, помер, в предвариловке. Сердце. Но это не повод не платить по долгам.

Он достал сигареты и зажигалку. Я встал и принес пепельницу, и свои сигареты. Мы закурили.

— Ты, да и я, Коля, мы оба, попали в историю, что тянется не первый год. Что ты знаешь про Афганистан? — я не очень удивился. Наркота, военный аэродром...

— Ничего, по сути. Там наши воюют с душманами.

— О! ты уцепил главное. На наших, там, почему то постоянно нападают. Армейские службы, что заняты изучением противника, частично разобрались с причинами, и, в паре провинций, решил попробовать это прекратить.

Дальше он рассказал, что как выяснилось, основные причины внутриафганских боев между местными — это непрерывный и постоянный передел самой сладкой части афганской экономики. Производства наркотиков. Не религиозные трения, не политические разногласия. Это все тоже есть. Но, сплошь и рядом, лишь как прикрытие наркопроизводства и торговли. На сегодняшний день Афган в первой тройке мировых производителей героина.

Он не стал углубляться, да и не знает все, похоже. Но, грубо говоря, разведслужбы армии вышли на контакт с духами, и поинтересовались что те хотят. Те честно ответили, что если их перестанут прессовать как наши, так и

из Кабула, то шурави ничто не угрожает. Больше того, пообещали, что залетных повстанцев сами грохнут. Что бы не мешали заниматься мирным цветоводством. Так там называют выращивание наркосырья. Шел восемьдесят первый год. Армия несла серьезные потери. И было решено попробовать. Так в Афганистане началась некая спецоперация запредельного уровня сложности. Полевые командиры присягали правительству, в обмен на невмешательство в дела контролируемых ими территорий.

Потери снизились, и вроде бы все начало налаживаться. Нет, никакой благодати, но все же стало несколько лучше. Однако тут в полный рост встала другая проблема. Как думаешь, какая?

— Сбыт?

— Не совсем. Банально оказалось невозможно вывезти продукцию цветоводства. Границы качественно и жестко контролируют наши. Нет, можно прорваться, но тут уж пятьдесят на пятьдесят. А в рамках договоренностей, вроде как прорываться и нехорошо. А товар лежит без пользы. В общем, часть товара пошла из Афгана в Иран через Туркмению. Это была операция ГРУ, и дело там даже не в наркоте или Афгане. Там, похоже, шла очень серьезная игра. Но я, слава богу, не знаю. Знаю про то, что часть доходов от этой наркоты душманы, не без нашей помощи, пустили на закупки продовольствия и сельхозтехники, что были официально поставлены в Афган. А еще знаю, что товарищ Пьянков был ответственным за туркменскую часть маршрута. И, как водится, запустил руки в тему. Не смог удержаться. Тем более что это просто, и практически недоказуемо. Выразалось это в том, что он, поначалу, получал комиссионные с каждой партии наличными. А потом еще и часть груза стала уходить на сторону.

Мы снова закурили, а Фред отпил из бокала.

— Прошлой осенью, транспорт с комиссионными, что получил Пьянков за очередную партию, был уничтожен, здесь, на границе Ленобласти. Что любопытно, там везли еще деньги цеховиков, но их не взяли. То есть стали очевидны две вещи. Первое — Пьянков нечист на руку. Второе — кто-то в курсе происходящего. И операцию было решено свернуть.

Фред взял бутылку и плеснул себе еще.

— Ты сильно изменился в армии, Коля. Я даже подозреваю, что ты не совсем дурак. Во всяком случае, ты понимаешь, что такого рода операции легче начать, чем прекратить? Так вот, исходя из собранной информации, было решено Пьянкова, и всю его шоблу, оттуда убрать, а потом и эээ... закрыть. Операция была намечена на начало июня. Нужно было учесть сотни мелочей и подготовить кучу документов. Была создана совместная спецгруппа прокуратуры и ГЕНШТАБА. И вот, незадолго до начала, Пьянков прилетает в Питер, и ищет себе людей что запустят перевозку денег по новой.

Фред отпил еще.

— В ГенПрокуратуре меня попросили кого ни будь найти. Не криминального, решительного, и постороннего. Потому что непонятно, как станет действовать Петр Сергеевич, если никого не найдёт. Мне, Коля, глава комиссии, лично, обещал, что человек, которого я на это подпишу, будет выведен из под следствия и суда.

— Добавь еще, что ты, Фред, будешь контролировать созданный мной канал, правда мило? — я снова закурил. — Вот скажи мне, Андрюха. Я живу приятной и легкомысленной жизнью. У меня офигительнейшая девушка, и я намерен жениться. Что я тебе сделал?

— Тут вот какая штука, Колян. В ситуации что я оказался, я понял, что мне и обратится то не к кому. Кроме тебя. Тебе я верю. Сейчас вот ещё Игоря срочно забрал из Ашхабада, на этой неделе. Будет у меня теперь числиться. Но тогда, кроме тебя и Суркова — никого.

— Насчет Сереги ты вообще мудака. У него Ирка скоро родит, а ты его к басмачам посылаешь.

— А Обросов сказал, что если б не Сурков, ты бы там половину его людей ухайдокал. Отбитый, говорит, на всю голову этот Андреев.

— Да? — мне стало интересно, — а еще что он говорит?

— Зачем тебе это? Просто знай. Дом Пьянкова в пустыне сгорел дотла, вместе с деньгами, и частью наркоты. Остальная наркота сгорела в машине Пьянкова. Он погиб при задержании, как и большая часть его людей. Официально — сердечная недостаточность. В его городском доме нашли несколько миллионов рублей и драгоценности. Ты и Сурков — сопровождающие аэродромного локатора, что установлен на аэродроме. Все.

Действительно. По большому счету я сам виноват. А Фред раскрыл все карты. Даже что с прокуратурой дружит открыл. Мне теперь стала ясна причина его непотопляемости. Он оказывается с прокурорскими вась-вась. И это не банальная вербовка. Там полноценное сотрудничество.

— С этим Пьянковым, поначалу, так радовались. — говорил Фред- Даже что он таскать начал понемногу, всем было плевать. Потому что он сам, по национальности- тальш. И у него обширные связи в Иране. Да только, все вышло из под контроля. Еще будут разбираться с тем, кто его предупредил об аресте. В ночь на воскресенье ему сообщили, что его будут брать. Кто? Короче, скоро в Туркмении будет новый первый секретарь ЦК Туркмении. Вместо Гапурова, будет вменяемый чувак. Сапар Ниязов.

— Думаешь, этот Гапуров упредин?

— А больше никто не знал.

— А Ниязов, думаешь лучше?

— Сапарка то? Отличный парень. Водку пьет. В баню ходит. И лишнего себе никогда не позволит. В Москве в нем уверены.

— Ты с ним знаком?

— Конечно. Он скоро в Питер прилетит. Устрою ему турне.

Я фыркнул. Все оказалось сложно, но понятно. А то я себе чего только не придумал. Осталось убедиться, что Андрюха не лукавит. Вот и проверим.

— Деньги, что ты мне привез, это конечно хорошо, Фред. Попытка откупиться засчитана. — заявил я — Но остался один не решенный вопрос.

Я встал, принес из чулана сумку, и бросил к ногам Фреда.

— Что с этим делать будем?

Он наклонился и открыл. Увидев пачки долларов, зачем то потыкал в них пальцем. Потом закрыл и поднял на меня глаза:

— Моя- половина! Сколько здесь, кстати?

Я засмеялся. Не, Фред не засланный и не строит насчет меня замыслов. Встал и принес еще один бокал:

— Твоих, Фред здесь тридцать процентов. По тридцать у нас с Сурковым. Остальное — перевозка доставка, то- се. Накладняк. И не плачь от благодарности, взрослые все же люди.

Мы выпили, и он рассказал. Часов через шесть после того, как вы улетели, ему позвонили из Москвы. Сказали, что утекла информация, и к Пьянкову можно никого не отправлять. Его будут брать завтра. И я поехал к Суркову, Дух. Больше того, я даже СЪЕЛ ИРКИН БОРЦ. Ты понимаешь, на что я готов ради друзей?

— Фред, ну сам прикинь, как это выглядело. Меня увезли в пустыню, и показали мешок наркоты.

— Да понятно, что Пьянков попал в цейтнот, и начал лепить глупости.

Ещё Фред рассказал, что познакомился с Петром Сергеевичем в восемьдесят третьем. Тот приехал в Питер для организации поставок фруктов- овощей напрямую из республики. Ну и решения кучи неформальных вопросов. Я тогда, Дух, свёл его с начальником нашего Внешторга. Как я потом видел, он на свои комиссионные организовал поставку дефицита в Туркмению. И вообще, Пьянков оказался толковым хозяйственником. Мне, Коля, пришлось всю эту неделю торчать в Ашхабаде и окрестностях, что бы успокоить тамошних деятелей. Потому что срыв что официальных, что неофициальных договорённостей, был чреват. И мне поручили это все как то урегулировать.

Я слушал Фреда, и думал, что в Союзе симбиоз криминала и власти был куда круче, чем потом. Просто об этом совсем нигде не говорилось. Да и многие цеховики это не какие то мутные типы. А вполне себе руководители производств. Просто организуют работу так, что план перевыполняется. И плановый продукт уходит государству, а сверхплановый реализуется за наличные. Или за услуги. И это в самом простом варианте. Но были, к примеру, два парня. Как то неофициально брали в аренду цеха с персоналом, шили джинсы и одевали пол- Москвы. А потом, в девяностых, обернулись крупнейшими производителями лакшери- одежды, и создателями модных брендов.

Это не говоря о совершенно лживой, конечно же, истории появления одной хоккейной команды высшей лиги. Что появилась по просьбе авторитетнейшего жителя одного города. Большого любителя хоккея. И директор градообразующего предприятия не смог ему отказать. И была создана команда, что с нуля, за пару лет, в высшую лигу вышла.

Фред, между тем, то ли захмелев, то ли сознательно, продолжал рассказывать занятные вещи:

— Со смертью Черненко, стало окончательно понятно, что это дело нужно сворачивать. В верхах начался передел, и наметилось противостояние. Стань это история известна, даже представить страшно, какие головы полетят. Поначалу была разработана изящная комбинация, когда Пьянкова выдвигают на повышение, но, пока суть да дело, он едет советником в Афган. Но там были сложности... Дальше ты знаешь. Информацию слили. Комиссии пришлось действовать в авральном режиме. Ну и ты, заодно, угодил.

— Дааааа... — протянул я- чудны дела твои, господи.

— Ладно, Дух. Поеду я. Я ведь как прилетел, в обед, еще домой не зашел. Надеюсь, ты зла не держишь. Сам понимаешь, случайность. Кто же знал, что Первый Секретарь ЦК такое учудит?

— Вот что я тебе, Фред, скажу. — ответил я, провожая его на выход — Я все понимаю, ты сложными вопросами занимаешься, и может быть всякое. Да только знай, нет во мне к тебе теперь веры!

— И как это исправить, Дух? Ты только скажи, я всегда.

— Очень хорошо, что ты тоже все понимаешь. Поэтому, вот тебе диктофон «Топаз». Его нужно починить. Лучше бы — еще вчера.

Я снял с крючка на вешалке, в прихожей, диктофон и повесил Андрюхе на плечо. Он потрясенно, как и сумку с долларами, потыкал в диктофон пальцем и поднял на меня квадратные глаза:

— Может, деньгами возьмешь, Коль?

— Ну уж нет! Ты должен сполна испытать чашу унижений. А то ты так и будешь меня в блудняки пихать.

Фред остался верен себе. Сумку с долларами, опять засунутую в брезентовый мешок, тащил я. Он заявил что диктофон — гораздо более унижительно, но так уж и быть. Игорь открыл мне багажник, я закинул туда сумку. И мы вполне дружески простились.

— Если что- звони в любое время, Коль. — сказал Фред. И они уехали.

Я закурил, и постоял, опершись о перила канала Грибоедова. Дождь кончился и не холодно. Будет мне наука.

В связи с окончанием семестра, я позволил себе поспать в субботу подольше. Обычно я бегаю совсем рано, еще в сумерках. А сегодня вышел из дома после девяти утра. Посмотрел на небо, затянутое облаками, на тихий Канал Грибоедова, свистнул, попрыгал и побежал. Когда я бегаю в обычную для меня рань, на улицах почти никого. А те, кто попадаются, уже примелькались. Дворничиха, через несколько домов от моего, что подметает перед домом. Мужик с сенбернардом, в переулке, спешит на набережную. Какие то, по виду чиновники, видимо, работающие далеко от дома.

Сегодня совсем не то. Сегодня суббота. Банный день у коренных питерцев. Сейчас, в восемьдесят пятом, настоящий коренной житель Питера, это житель коммунальной квартиры. По субботам идет в баню. Прелесть здесь в том, что многим из них, предлагали переезд в нормальные квартиры, но на окраинах. Но упрямое старичье такие предложения отвергает. И по субботам идет в баню. Отличить их легко. Пожилой дядя/тетка, с тазиком или веником подмышкой.

Мой обычный маршрут пролегает мимо двух общественных бань. На Плеханова, и в Фонарном. И я не мог не увидеть идущую туда публику. Бег, кроме поддержки формы, позволяет еще упорядочить мысли. Не сразу, конечно.

Поначалу я с раздражением думал, о том, что все, что я видел в Туркмении, было первоклассным. Машины, напитки, одежда, и даже гранаты. Все распоследнее и модное. И даже скотч. Я искал его здесь, в Питере. Не все даже слышали о таком, думали речь о бухле. Понятно, делаем скидку на партфункционера с нетрудовыми доходами. Но все равно, я с трудом представляю себе питерского чиновника на Волге 24–24. Очевидно, что туркмены получали все лучшее. А что до населения не доходило, так на то и социализм.

Но я эти мысли откинул. В конце концов, в Туркмении добывают то, чем потом до поноса будет гордиться патриотичная публика РФ. Газ и нефть. Торгуя туркменским газом, Россия будет вставать с колен. И рассказывать населению о том, что запад только и хочет, что забрать наши ресурсы. Хотя, и ресурсы не совсем наши, да и торговать ими будут за сколько дадут. Ну да ладно.

И эти мысли я отбросил, задумавшись, о последствиях моего полета в Туркмению, для меня. Фред вряд ли врал, рассказывая мне подоплеку этих событий. В общем то, о том, что из Афгана к нам гонят дурь, в девяностых кто только не говорил.

И можно бы уже успокоиться. Но мне не нравится один момент. Здесь замешана политика. И не какая то местечковая, а самая наивысшая. То ли случайно, то ли намеренно, Фред обозначил участников. Грубо говоря, в той или иной мере, это кадры, завязанные на старших членов ПолитБюро.

Поэтому понятен внушительный подход к решению этого вопроса. Если я правильно уяснил, там решили в качестве прикрытия использовать знаменитое «Узбекское Дело» — результат конфликта еще Андропова и товарища Рашидова, главы Узбекистана. Во многом от него отпочковалось множество других дел. Хлопковое, Торговое, Киргизское, рыбное. Ну и Туркменское никого не удивит, решили те, кто может принимать решения. И всех фигурантов так или иначе убрали, трафик остановлен.

Свернув на Мойку, я вспомнил, что в восемьдесят восьмом году, когда прокуроры по Узбекскому делу, Гдлян с Ивановым, рассказывали о вопиющих нарушениях в Узбекистане, от них так и не смогли толком добиться внятных примеров. Все как то обобщенно и многозначительно. «Все факты в деле», говорил Гдлян депутатам.

В прошлой жизни моим соседом, за городом, был отставной мент- генерал. Ушел в отставку в начале девяностых. Крепкий такой дед, неисчерпаемый на милицейские байки. Он иногда говорил вещи любопытные. Про Узбекское дело он как то сказал, что ничего там такого не было. Такие же грехи можно было предъявить практически любому главе региона в СССР. От Камчатки до Калининграда. В прорехи плановой экономики из всех щелей лезла экономика внеплановая. Которая эти прорехи хоть как то заделывала. Там, Петрович, обычно главы исполнительной власти были сильно замазаны. Но Секретари были как минимум в курсе. А кое — где и руководили. С другой стороны, у него область на руках, ему нужно людей кормить — одевать. И если где то бунтовать начнут, то из Москвы таких получишь, мало не покажется. А за эти шалости обычно максимум переводили. Даже не всегда с понижением.

Так что можно предположить, что все эти дела — это всего лишь борьба за власть. Ну, история старая, на человека должен быть компромат. Этим достигается управляемость.

Еще понятно, что историю, в которую я влип, замнут. Те, кто ее и начал. И я, скорее всего, никому не интересен. Хотя бы потому что к ней не имею никакого отношения.

Заодно я думал, что оказывается, Фред уже сейчас на вполне, как говорили в двадцать первом веке, федеральном уровне. Но в принципе, можно это выбросить из головы.

С этой жизнеутверждающей мыслью я зашёл в свою парадную. Дома разделся прямо в ванной и принял душ. Прошёл на кухню, налил кофе и посмотрел на автоответчик.

Автоответчик Ford 110 °Code-a-Phone, я забрал у Суркова. Он пока ожидает контрабанду из Голландии. Многие сейчас теряются, услышав — говорите после сигнала. Поэтому цифра шесть в окошке ни о чем не говорит.

И действительно, два пустых сообщения. Требование Суркова перезвонить. Вика, сообщила что проснулась.

— Виктория! Тебя уже отчислили из института.

— Даааа? — я услышал как она сладко потянулась- меня как раз в «Театр- Буфф» пригласили, на главные роли. Режиссёр вчера весь вечер рассказывал, что меня ждёт успех.

— А я то думаю, куда это люди поутру бегут? Оказывается, спешат сдать билеты в «Буфф» этот. Говорят, пропал театр.

— Андреев! Немедленно ревнуй!

— Поехали в Петергоф? Там фонтаны пустили. Только пароходиком, а не Метеором. Будем стоять на корме, нарушать сухой закон и дразнить чаек.

— Там очередь на катер — километр.

— Вик. Ты с кем разговариваешь? Я — мастер проникновения без очереди на катера Ленинград- Петергоф. Обратно на электричке. Может, нас даже оштрафуют как безбилетников...

— Ну не знаааааа... я ещё в пижаме. Я тебе позвоню, ладно? Только выключи автоответчик свой...

Ещё два звонка были от Фреда. Точнее. один от его помощника Игоря. Вроде бы все обсудили. Договорились в понедельник созвониться, что там у него еще?

Там мне ответил Игорь. Рассказал что Фред хотел тебе документы завезти. Но тебя не было, и он просил передать, что оставит их у Суркова.

У Суркова было занято наглухо. У меня зародилось подозрение, что никуда мы с Вичкой не поедем.

Сергея позвонил сам. Я, Дух, к тебе приеду. У меня здесь намечается бабий разгул, и мне нужно скрыться. Пообещал перезвонить ему, еще не знаю планов, Сергей.

Вика рассказала про планы. Я сейчас к Ирке пойду, Коль. Еще Ленка приедет, и Близнякова. Будем к зачетам готовиться.

— И какой алкоголь больше всего подходит для подготовки к зачетам, Вик? Шардоне? Или все строго, и вы сразу вискарь пользуете? Шпоры, кстати, лучше всего писать на полоске бедра между чулком и трусиками.

— Ну Коль, Ирка переживает. Позвала посмотреть детскую, что Сережа устроил. А в Петергоф поедем завтра с нами Ленка с Пашей поедут. Лишь бы погода не испортилась. И не больно то воображай! Я никогда шпорами не пользовалась!

— А для меня? Я бы посмотрел...

Договорились, что я за ней зайду вечером. Верну Суркова жене и заберу Вику. Позвонил Сергею. Сурков, выдвигаясь к двум в Фиглю. Её закроют со дня надень, хоть напоследок посидим.

В рюмочной, несмотря на борьбу с пьянством, народу было не больше чем всегда. Валентина Марковна, увидев меня, вздохнула и выставила обычную бутылку армянского. Грустно рассказала, что есть команда распродавать подсобку. Потом начальство решит, что здесь будет. То ли кафе-мороженое, то ли бар. Подумал, что бар все ж лучше.

Женившись, многие парни приобретают некую вальяжность, и корпулетность. Сурков лишь стал суше и плечистей. Да и то. Он как электровеник носится по Питеру, останавливаясь лишь изредка, вот как сейчас. А в остальное время, он устраивает их с Ирккой быт, и учится. В отличие от прошлой жизни, он учится всерьез. И даже что-то там творит архитектурно. Заодно собрался построить дачу среди сосен и дюн. Купил участок, с видом на залив и форты Кронштадта. И заявил, что у моих детей, пацаны, будет офигенская дача. Я сам ее спроектирую. Нанятая бригада подготовила участок к строительству, летом он намерен приступить.

— Смотреть противно, какой ты довольный! — поздоровался Сурков.

— Садись, Сурков, поделись, тем что гложет. Мне тебя конечно не жалко. Но, все не чужим в плечо плакать.

И мы выпили за встречу. Не откладывая, Сергей рассказал, что Фред привез документы. Вот, для тебя, папка. Он официально оформил тебя, меня, себя и Игоря, бригадой, что аккордно установила локатор на аэродроме Кизил-Арвата. Типа шабашников. Тебе открыт счет в сберкассе. Здесь, на Грибоедова, вот адрес. Туда тебе деньги перечислили в пятницу. Четыре семьсот. Фред говорит, что Дух достукается до ОБХСС. А так вопросы снимутся. Еще он говорит, Дух, ты на него орал так, что он все забыл.

— Херня, Сергей. Я, просто, ему сумку с долларами отдал. Он и поблек, умишком.

Сурков легко и весело засмеялся.

— Да я знаю. Решил с ним поделиться?

И я ему коротко пересказал, все, что мне поведал Фред. И свои мысли и выводы по этому поводу.

— Так что, Сергей, лучше его иметь в подельниках, я думаю. Он тебе сказал, что у тебя треть? Сколько, кстати там все-таки было?

— Три сто. Он обещал, что в ближайшее время наше будет в Хельсинки, у Оскара, как ты и просил.

— Говнюк этот Фред. И спасибо, Серег. Я тебя еще и не поблагодарил, толком.

— Это было не трудно — снова засмеялся Сурков- я Обросовским сказал, что главное не орать, и не дергаться.

Да и вообще, брось, Колян. Если б не ты, я бы даже не знаю, что сейчас делал.

— А что ты сейчас делаешь?

— В том то и дело что ничего! Знай учись, да с женой гуляй. Правда, в последнее время, все больше дома сидим. Кино всякие смотрим.

— И ты, Сурков, просто сидишь дома с Ирккой?

— Нет, я иногда встаю, выхожу из дома и еду сюда. Иду к тебе в квартиру, и, не обращая внимания на звуки из спальни, ворую пару бутылок пильзенского из холодильника.

— А потом?

— А потом уезжаю. — пожал плечами он.

— То то у меня жратва быстро кончается. А ты, оказывается, в тайне от жены, жрешь сало.

— Сервелат. Откуда у тебя сало? Как повелся с этой Викой, в холодильнике один изыск. Никакой нормальной еды.

— Зато она борщ не варит!

— Хе, Дух. Это обязательный этап.

Ирка, выйдя замуж, решила готовить сама. Сурков подарил ей красивую поваренную книгу. Она захотела побаловать его борщом. Он так хвалил то, что получилось, что она в другой раз накормила и нас с Викторией. Яркое красное варево оказалось не то чтоб не съедобно. Но, почему то, после дегустации разговор пошел о вампирах, кровавых ритуалах, и расчлененке. Насколько я понял, и Фред угодил под раздачу. Подготовка девчонок эпична.

Видя Иркины экзерсисы, Вика, однажды, решила сварить утреннюю овсянку. Я потом отмывал кастрюлю долотом. И сразу было очевидно, что каша получилась эпохальная. Съев лишь ложку, я мгновенно осознал суть истории славянских народов. Даром что у Викторией мама полутатарка.

— Сурков, а может попробуешь с Ирккой поговорить? Объяснить, что лучше начать с яйца вкрутую.

— Мне, Дух, больше нравится приходить к тебе, и есть твою еду.

— Ну зачем же так утруждать? Объясни жене, что её гениальный борщ требует легких улучшений. Мясо там, попробовать варить часа три, а то и больше. Свеклу тоже. И обжаривать лук, Сурков!

— Откуда знаешь?

— Если бы ты, Серега, прочитал справочник по древнешумерскому языку...

Сурков закурил, а потом разлил по новой.

— Лучше скажи, Душина, какие планы на лето?

— Да никаких. Буду за тобой присматривать. А то вляпаешься еще куда. Думаю, вот, на недельку Вику к бабушке свозить. На Кубань.

— Эх, Колян. Ты уверен что Вике это нужно?.

— Да она сама не знает, что ей надо!

— Ну, Дух, она же не виновата, что ты тупой!

— Хоть раз в жизни, Сурков, ты можешь встать на мою сторону?!

— Но я же не виноват, что ты все время не прав!

— Дальше, Сурков, пьем молча.

— Нет постой. Поясни, картошку её копать заставят?

— Ты с какой пальмы слез? Картошку копают в конце лета. Максимум, Викуню заставят полоть свеклу. Там это называется «сходить на бурак». Отличный загар.

— Главное- помни, как только речь пойдет о картошке...ну, я тебе говорил, резкими рывками, сбивая прицел...

— Ты, как женился, стал каким то лиричным, Сурков. Не забывай, мы русские мужчины. Пугаем лошадей и поджигаем избы. На радость девушкам. А там уж как выйдет.

— Да понятно. Но сейчас не время. Ирка на нервах. Ну, у них всегда так, беременных. Стараюсь не обострять. Что нам тот борщ? Хорошо девушки вот, в гости напросились. А то она с ума сходит, боится. Ты бы тоже заходил, и Вику бери. Ей веселее. Я все же не могу непрерывно с ней сидеть.

Когда женщины в штывки воспринимают дружеские посиделки мужчин, они не совсем правы. Понятно, что возможно всякое. От стриптизерш, до пропавшего мужа, объявившегося через неделю в Африке, хотя он, всего лишь — " мне нужно после работы на полчаса встретиться с ребятами". Но, вообще то, мужикам иногда нужно просто посидеть, с друзьями. Болтая о совершеннейших пустяках, а то и просто молча. Совсем ненадолго забыв о делах.

И мы с Сергеем, не сговариваясь, решили ничего не обсуждать. Ни внезапно свалившиеся деньги. Ни вполне прозрачный намек- просьбу Фреда быть осмотрительней. Успеет еще. Вместо этого мы пересмеивались, и

трепались про Иво.

Став секс- символом нашего, как минимум, потока, он трусливо не стал пожинать плоды. Это только пубертатным юношам кажется что много мечтающих о тебе девушек — это хорошо. Иво опытный, и ушел в глухую конспирацию. И мы гадали с Сурковым. Это отказ от женщин? Или наоборот, он к ним всем благосклонен, но по очереди, и в тайне? Если второй вариант, то скорее всего, Ивика скоро кастрируют публично. Потому что женщины не могут не хвастаться.

— Фигня, Дух. Он тут покупает себе надувную лодку импортную. Но с мотором. Зодиак называется. Я думаю он ее будет дома держать. Чтоб когда девки пойдут на приступ, выпрыгнуть в окно и уплыть каналами.

Пока суть да дело, Иво занял снятую еще мной в прошлом году квартиру на Фонтанке.

— Зодиак?

— А! Он же тебе не говорил еще. Но ты в доле, я за тебя ему добавил. Он будет нас летом по каналам катать.

— Знаешь, Суков, как то мне не хочется. Плынешь ты по каналу, и все время ожидаешь, что в тебя кинут бутылку с зажигательной смесью.

— Думаешь?

— Ну, ты же знаешь Гальку Близнякову. Представь, что она узнала, что у Иво не единственная. А параллельная, с еще десятком. А он — еще и не штурман.

— Да как она узнает то?

— Эх, Сурков. Твой подход к организации в Туркмении сутенерства в промышленных масштабах, на потоке повторяют как молитву. Согласись, выводы, если чо, будут для Ивика фатальными.

— О! Объявим его вождем орды. А все его шалости- подготовкой к международному проекту.

— Это паллиатив. Потому что потом девицы потребуют Туркмению и иностранцев.

— Тут уж, нам бы день простоять и ночь продержаться. Сессия кончится, разъедутся, а потом и рассосется, напряженность то...

— А у тебя то что, с сессией?

— А я уже сдал половину. Осталось вышку, и Нормативы. Фигня. Мне Ирку жалко, вас там грузят как не родных.

— Зато, завидев выпускника финэка, деньги теряют волю, и бегут к нему, как наши девчонки к Ивику.

— Ты еще со школы ему завидовал, пора бы уж успокоиться, Дух. Ну да, Вика. Тихий синий чулок.

— А в лоб?

— Не благодари. Мне Ирка рассказывала, что Вика вне конкуренции у вас. Эти все курицы из Череповца поняли, что к тебе уже не подойти. А если бы не она, то я, боюсь, увидел бы как выглядит дистрофия, на почве сексуального истощения. В твоём исполнении.

Согласно закону, рюмочная закрылась в восемь. Прощаясь, Валентина Марковна не скрывала слез. Может и не увидимся больше, мальчики. Но Сурков пресек. И дал ей наши телефоны, вырвав бумажку из блокнота. Расскажите, как и что. Если загонят куда, мы заедем.

Мы вышли на Грибоедова. Потом на Невский, и пошли в сторону Дворцовой по теневой стороне. Рассуждая уже и вовсе о Буратино, вернее о материале, из которого он сделан. Я настаивал на дубе. А Сурков предполагал осину. Ты, Дух, все время забываешь про вампиров. Этот Буратино, это же средневековый неуязвимый робот для борьбы с ними! Там без инквизиции не обошлось. Вдумайся в образ Папы Карло.

В Александровском Саду народ играл в ручеек. Нас немедленно попробовали затащить, Но Сурков сказал, что он при исполнении. Милиции поручили бросить все и бороться с развратом. Вот одного уже взял. Показал на меня. Возле Казанского сразу с двумя уединиться хотел. Пятнадцать суток. Девушек уже увезли, а этого я сам посажу. Иди давай, нелюдь сладострастный. Сразу с двумя ему!

Было совсем не поздно. Поэтому мы с Викой пошли ко мне пешком. В понедельник начинается зачетная неделя. Вика слегка нервничает, а мне как то пофиг.

Фред напомнил о себе в понедельник.

Уже утром в понедельник, я имел четверку по арфметрам и устройствам. Зачёт с оценкой, почти экзамен. Все было по честному. Я им диктофон, они мне оценку. Сдавала параллельная группа, но это не важно. Лишова, пошла в первых рядах. Я зашел без очереди в аудиторию. Она старательно записывала на листок ответы на билет. Я протянул Маргарите Павловне направление на сдачу, и зачетку. Она с удовольствием везде поставила четыре, и сказала:

— Спасибо, Коля!

Когда я, рано утром, прибежал к своей парадной, рядом с вахтером топтался какой то мужик. Вахтерша сказала, что он ко мне.

— Здравствуйте, вы Андреев? — спросил он, и полез в сумку.

Достал из неё диктофон и протянул мне:

— Вот, Андрей Сергеевич сказал, что это вам. С вас пять рублей.

— Простите, не подниметесь со мной? А то сами видите, у меня кроме ключей...

В лифте я рассмотрел его подробнее. Очки, борода. Тот замечательный тип молодых специалистов, что досконально разбираются в своем деле. И, в связи с этим, исполненных доброжелательным чувством собственного достоинства. Таких много сейчас, потом они куда то пропадут.

— Будете кофе? — спросил я, зайдя в квартиру, и доставая из рюкзака на вешалке бумажник. Убегая из дома, я жму кнопку капельной кофеварки. К возвращению — полная колба.

— Нет, спасибо. Мне на Балтийский нужно. Я на МатМехе лаборантом, в Новом Петергофе.

Но я все равно налил ему в нарядный бумажный стакан из Луна-Парка. Будете ехать в метро и пить. Как настоящий американский университетский профессор, по пути на работу.

Лишова, увидев что я с довольным видом прячу зачетку, вышла из себя. Я ей забыл рассказать про диктофон, и она возмущена моим способом сдачи зачетов. Вполне слышно Викуня пробурчала на всю аудиторию:

— Безобразие!

— Только, Маргарита Павловна — заявил я — студентку Лишову нужно спрашивать тщательно, мне кажется, она слегка плавает в составлении алгоритмов для счет — фактур.

Тоже не шепотом, чтоб слышала вся аудитория.

— Убью! — раздалось за спиной.

Маргарита Павловна весело фыркнула. Наши с Викой отношения не тайна, институт плодит сплетни в геометрической прогрессии. Так что меня заверили, что знания проверят скрупулезно. Народ в аудитории давился смехом в меру сил. Беременная Ирка плакала от смеха за партой у окна. С чем я и пошел сдавать матпрограммирование.

Мы в воскресенье, конечно, ни в какой Петергоф не поехали. Погода была так себе, а Петродворец всеж, место для солнца. Вдобавок ко всему, Викина мама незатейливо позвонила мне в десять утра, и попросила предоставить дочь, для осуществления родственных визитов. Получается, что она мне тож забыла сказать, что у нее на воскресенье планы. И мы квиты.

Первая партия на сдачу уже зашла. И я спокойно отдал Карену и Ленке их зачетные задачи. Как раз вчера и сделал, когда Вику домой отвез. Собственно Ленка и сама все сделала, просто чисто по-женски загонялась, и хотела подтверждения. А Карен сказал:

— Коль, у меня настоящий коньяк стоит в шкафу. Приходи вечером в гости? Обещаю безбаш и кюфту. Пальчики оближешь!

— Давай в другой раз, Карен? На крайняк в "Очки" ходим. Как?

Договорились, что на неделе определимся. А тут из аудитории вывалился староста. Четыре балла. Настроение у препода Брызгиной спокойное, но строгое. Пытала не очень, я с задачей там немного накосячил. Не слушая, шагнул в аудиторию.

— Здравствуйте, Эльвира Фёдоровна.

— Здравствуй, Коля. Бери билет.

— Готов отвечать. — я взял билет.

— Куда-то торопишься?

— Да так... вопрос первый... Значит так, матричные уравнения... — начал я.

— Не нужно, Коля. Давай зачетку.

— Эльвира Фёдоровна, тут еще Лагранж и задача.

— Иди — ответила она, выводя мне пятерку в ведомости, и отл. в зачетке — пока Вика не убежала.

— Вот как у вас так выходит, Эльвира Фёдоровна? Я чувствую себя растоптанным.

— Андреев, еще слово и будешь пересдавать весь июль.

— И не думайте, что я испугался — все таки вякнул я, закрывая за собой дверь.

Не, так то понятно. Я там, в марте и апреле, два реферата сдал. И сцепился с ней на семинаре, по решению транспортных задач. Я алгоритмом, что нам в Обнинске давали, оперировал. Она просила не умничать, а я, нашей группе, рассказал, что этож проще, главное сообразить. Ну и еще потом по функциям доклад делал. Так что оценка заслуженная. Но без попыток?

С другой стороны, я все рассчитал грамотно. Вика еще сдает. Пошел на лестницу, курить, и ждать, когда она примчится, исполненная зверства. Там стоял, в ожидании очереди на зачет, одгруппник Юрик Семенов. Поздоровались, и Юрик неожиданно сказал:

— А я тебя жду, Коль.

— Хм. Мог бы и позвонить, я бы пораньше пришел.

— Да я звонил, у тебя там непонятный робот, таксофон только двушку съел.

Это да. Сейчас городские автоматы, иногда, странно реагируют на автоответчики. А Юрик живет в общеаге, на НовоИзмайловском.

— Чего хотел то?

— Дай денег займы.

— Много? — Я перехватил рюкзачок, что бы достать бумажник.

— Тыщу.

Я присвистнул. Мне приходится прилагать серьезные усилия, что бы не выглядеть богачом. Нет, у нас в институте учатся ребята не самые бедные. Но, тот же Юрик — сын инженеров их Приозерска, и тысяча для него — это очень приличные деньги. Да и вообще, сейчас это много. Так то и я, и Сурков, рассказываем своим девушкам о шабашках, подработке, наследстве и легкой фарцовке. Иначе даже у них была бы куча вопросов и сомнений. В общем, так или иначе, я считаюсь парнем состоятельным. Так что не удивительно.

— Что-то покупаешь?

И Юрик рассказал мне интересную историю. Он проиграл в карты. Оказывается, в нашей институтской общеаге, уже с пару месяцев регулярно поигрывают в картишки, на крупные суммы.

— Не поверишь, Колян, сам не знаю, как ввязался. Поначалу выиграл почти двести рублей. Мне бы уйти с выигрышем, а я решил что поперло.

— А с кем играл то?

— Сначала вчетвером. С Костиком Покровским, со статистики. И там парень к нему приехал, Миша. И Андрюха Ефимов. А потом уже только я и Костик. Андрюха проиграл полтинник и ушел спать. А Миша этот отрубился. А мы с Костиком всю ночь резались. И Юрик проигрался в дым.

Интересно не это. А то, что, по словам Юрика Семенова, они договорились, что он отдаст долг в течение недели.

Да только утром Покровский объявил, что его обокрали. И заявил, что кроме Юрика, про деньги никто не знал. Поэтому ты, Семенов, долг отдай до послезавтра. А с кражей я разберусь, и мне за нее ответят.

Гм. Окуеть. В общеаге лучшего в стране(ну хорошо, хорошо), одного из лучших питерских вузов, не только шпилят. Но и занимаются мелкими разводками!

Юрий тем временем рассказывал, что поговорил в общеаге с парнями. За последнее время, с начала весны, ещѐ несколько парней крупно проигрались. И, кажется, Ильюха Векшин, второкурсник с кибернетики, у него теперь в прислуге. Не смог расплатиться.

— В общем, Колян. Тут рассказывают, что ты в Туркмении денег срубил. Выручи, а? А я, в строяк съезжу и, в сентябре, рассчитаюсь.

Этого Покровского я немного знаю. Высокий красавец, член институтского комитета комсомола. Вечно окружен девушками. Впрочем, у нас здесь все парни, так или иначе, все время окружены девушками.

— Да пошли ты, Юрик, этого урода!

— У него там пара парней в компании. Не наших, не институтских. Они Борю Лахтина, с бухучета, так отмудохали, что он месяц лечился.

— А в ментовку?

— Так Боря и пошел вроде. Да только даже заяву не приняли. Ну, все со слов, никаких улик, да и сумма поменьше. Вот в тот же вечер ему ребра и сломали.

— Прелестно! Ну ты и влип Юрец. Давай так. У меня сейчас таких денег нет. Я сегодня сниму в сберкассе, и тебе завтра дам. Хорошо?

— Ты, Колян, человек. Даже не знаю, как бы выкручивался. Думал институт бросать.

— Только давай договоримся. Деньги Покровскому ты отдашь при мне. Сможешь его сюда завтра выпепить? Еще парней позови. Витю вон. Да и Мишу.

— У него завтра зачет. Он по любому придет.

— Дозвонись мне вечером, сориентируй по времени.

Получив свою пятерку, Вика не стала злодействовать. Наоборот, порассуждала про неспособность некоторых к работе с простейшими устройствами. Позор. И сообщила, что у Суркова сломалась машина. Поэтому ты везешь нас с Ирккой. Попытался завлечь ее на просмотр супер-фильма «Танец-Вспышка». Викунь, там она работала сталеваром, но мечтала стать балериной. И таки стала, прямо от прокатного стана — в КарнегиХолл. Правда немного в стриптизе поработала. Не оторваться.

Не сработало. То-то она такая спокойная. Тебе, Коля, Суркова на ремонт тащить. И думать о своей наглости. Можно, я буду страдать, Виктория? Или мне уже искать себе девушку, не отвлекаясь на страдания?

Тащить Серегину Волгу Жигулями я отказался. Ты, Сурков, еще мне предложи бурлаком поработать, лично. Поймали Газон, оттащили. Там у Сереги букет радостей. Сцепление, клапана, и радиатор течет. Так что потом пешком сходили на Грибоедова, в сберкассу.

По дороге я рассказал Суркову историю про карточные игры. Он, к моему удивлению, поведал, что и у них в общагах, на Лесной и Политехнической, тоже поигрывают. Правда, про разводки он не слышал...

И вся эта суэта продолжалась до вечера. А потом я все же утащил Вику к себе. Правда кино мы посмотрели забыли...

Мы договорились с Юриком на десять утра. И я не стал будить Вичку, собрался и пошел в институт. Десяти еще не было, но на лестнице уже были все участники мероприятия. Красавец Покровский, и с ним еще два каких-то угрюмых кренделя. Не институтские. И наши Юрик, Витя, и Миша- староста параллельной группы Поздоровался с однокашникми за руку. Кивнул Покровскому. Полез в рюкзачок, достал десять сотенных, полученных вчера в сберкассе. И, глядя в глаза Покровскому сказал:

— Вот, Юрик, ты просил взаймы. Тысяча, как и договаривались.

В глазах Покровского мелькнула досада. Юрик протянул ему деньги и попросил пересчитать. И вслух подтвердить, что долг погашен.

Он небрежно развернул деньги веером, кивнул и сказал:

— Ты отдал долг, Юрик. — и убрал штуку во внутренний карман модного пиджака с приспущенными плечами, и подвернутыми рукавами.

Они, все трое, одеты очень модно и дорого.

Я достал сигарету, и закурил.

— Тут вот какое дело, Костик. — обратился я к Покровскому. — Ты в общаге больше не играй.

— Я сам решу, что мне делать! — презрительно бросил он мне.

— Конечно — согласился я — только игру в общаге- прекрати.

— А то что?

— Ну как что? — засмеялся я — студсовет общаги примет постановление, и будет проводить рейды по несколько раз за ночь. Все равно играть не получится. Правда, Вить?

Наш староста, хмуро наблюдал все происходящее, прислонившись спиной к стене. Он член студсовета, и вполне может это устроить. Отвечать он не стал. Просто кивнул.

В глазах Покровского мелькнула брезгливая злость.

— Ты, Андреев, решил, что если надавал поленом по лицу Снежку, то любого заломашь? — прошлой осенью я слегка настучал по башке бывшему Викину ухажеру, и его могучему приятелю. В массах гуляет версия, что тихий я озверел, и гонялся за ними с трамвайной шпалой. У более продвинутых полууголовников, тоже, получается, есть мнение про подручные средства.

— Я, Костик, решил, что ты больше в общаге играть не будешь. И этого добьюсь. Ты меня понял?

— Я тебе сейчас объясню, что буду, а что нет, придурок. — к моему полнейшему изумлению, он достал из кармана раскладной нож — Да и за соской этой твоей, присматривай, а то быстро в подворотне раком ...

Договорить он не успел.

Я вроде как махнул рукой, и Покровский прилег. Не останавливаясь, сунул тому, что справа, по кивательной мышце, а тому что слева скрутил протянутую ко мне руку. И они тож прилегли. Положено добивать. Но так и покалечить можно. Так что я просто сказал:

— Лучше лежите.

Покровский не согласился и получил уже ногой по уху. И остался сидеть на заплеванном полу. Один из его сопровождающих, вроде как сунул руку в карман. Но наткнулся на мой взгляд. Я покачал головой.

Лейтенант Батура, официально, был мастером спорта по офицерскому многоборью. И чемпионом округа. А еще, в двадцать шесть лет, он по прежнему, был лейтенантом. Слухи ходили разные. Про то, как какой-то большой чин на него орал.

Как бы то ни было, у нас на него никто не повышал голос. Даже замполит, был с ним приторно вежлив.

Тип единоборств, что он в нас вдалбливал, не жалея сил, названия не имеет. Как я, много позже, сообразил, он ближе всего к тхэквондо. Но, все же, очень своеобразный. Великолепный и прекрасный. И недостаток только один. Он — совершенно не зрелищный. У стороннего наблюдателя, сплошь и рядом, возникает ощущения случайности и необязательности произошедшего. Да и у противника тоже. Поэтому, частенько, вместо одного удара приходится делать пару. Ну, не ломать же человека, из-за матерного переругивания...

А тут в меня вцепились Юрик, и оба старосты. Но я сказал, что все нормально, парни. Откинул ногой раскладуху. Подождите. И присел перед Покровским.

— Ты, Костик, сейчас пойдёшь в деканат, заберёшь документы, и валишь из института. Иначе тебя будут пи@дить. Вот так — я поочереди стукнул его по шее, с двух сторон. Он, секунд на тридцать вырубился. Больно, и орать не может. Его свита наблюдала это молча. А вменяемые парни. Сказали не вставать, и не встают. Сидят у стенки.

— И даже не думай соскочить, мудень.

Потом я встал, и обратился к его сопровождающим:

— Мужики, взяли красавца, и валите нахер.

Покровский, получив, смотрел на меня с ненавистью. Плевать, он явное ссыкло. Неискушенному взгляду я не кажусь опасным, и он хотел покуражиться и унижить. Так что Вику он вспомнил, чтоб поугагать. Но даже глянуть в ее сторону — и без меня забздит. Он про её отца знает. Очень порадовало то, что вся разборка прошла в общем то тихо. И никто даже не сунулся на лестницу полюбопытствовать. Парни, что с Покровским, странные. Я не смог их определить. Не спортсмены, не уголовники. Хотя, близко и к тому и к тому. Тем не менее, они встали, подхватили Костика под руки, подобрали с пола нож, и ушли вниз. А мы с парнями вышли в коридор второго этажа, и неторпясь пошли к главной лестнице. — Зря ты, Коль — сказал Витя — в общаге и без него карты кидали и кидают. А тебе теперь и вправду нужно поостеречься.

— Я, пацаны, не в комсомольца играл. Вы что, не поняли, что он настоящий шулер, и просто о@ел от безнаказанности? И что передёргивать ему уже мало, ему поглумиться захотелось. — А на заседаниях комитета такой важный, этот Костик — хмыкнул староста Миша. Миша у нас член институтского комитета. — Урод он, прав ты, Коль. И спасибо, он кажется ещё хотел какую то поганку замутить.

— Он хотел сказать, что деньги, что ты ему отдаёшь- те самые, что у него украли. И таки сделать твою, Юрик, жизнь невыносимой.

Выйдя из института, Витя пригласил нас по пиву. Матпрграммирование же сдали, пошли? Но у меня там дрыхнет Вичка, нужно бы ее разбудить. Так что попрощался, и пошёл домой.

Да только зря спешил. Вика уже проснулась и устроилась в кабинете. Лежа животом на ковре. В моей футболке. Рядом кружка кофе. Перед ней конспект и учебники. Руки сами тянутся. Но, ловкими ударами по рукам, мне объяснили, что я лишний на этом празднике постижения матричных основ.

Но я грустить не стал. Я переоделся, и эти руки помыл. И решил все приготовить, чтоб быстро сделать обед. Точнее- солянку, и особуко, с гарниром из молодого картофеля, жареного в кожуре. И салат из узбекских помидоров.

Она пришла на запах. Тоесть украсила сиянием длинных ног кухню, и принялась помогать. Это выражалось в том, что она подробно рассказала своё видение тригонометрических функций. Коснулась вопросов политэкономии, и экзаменов. Умозрительно обсудила возможную подружку Ивика, и провела беглую оценку претенденток с точки зрения эстетических взглядов на соответствие мужественному мореходу.

Конечно же получила омлет с наструганной в него ветчиной. И стакан сока. Мало кто может представить, на что готова эта надменная аристократка всего лишь за омлет и сок. Слава богу, ничего не подгорело.

Потом мне пришлось трудно, потому что она в футболке и с ногами, а мы разбираемся с квадратными уравнениями, функциями, и вообще матпрограммированием. А на обед наконец то посмотрели «Танец-Вспышку».

Потом, пока я мыл посуду, Виктория уселась с телефоном. Слышал только, что она жаловалась кому то на трудную судьбу. Что так объелась, этим особуко, так вкусно, что теперь ходить не может. Ну, женщины, даже если жалуются, все равно хвастаются. Когда она меня позвала к телефону, я понял, перед кем она грустно выпендривалась.

Сурков, не предвещающим ничего хорошего тоном, сообщил, что они с Ирккой выезжают к нам на особуку, и не дай бог ему не достанется.

Мы провели чудесный вечер, за просмотром киношек. Включая первого Индиану Джонса. Больше всего мне понравился недоуменный Икркин вопрос, по завершении фильма. А про что это кино? Индиана Джонс бегаёт, геройствует, но, все равно, ковчег достается немцам. Которые его вскрывают и все погибают. Скажи мне, Андреев, зачем там Индиана, и к чему все его подвиги?

С чем они и отбыли. А мы завалились спать. И Вика мне сопела в шею.

На следующий день меня забрали в ментовку, после двенадцати. Прямо от ворот института.

С утра я, как обычно, бегал, потом с удовольствием будил Вику. Она потребовала отвезти ее домой. Потому что к зачету нужно переодеться. У нее магпрограммирование. Я-то зачет по чудесам кибернетики уже имею. Это Вику наполняет завистливым сарказмом. Вдобавок она трусила. Как то у нее с этим предметом не ладится. До полоннадцатого сидела у меня дома и судорожно пыталась еще что то заучить. Пока я ее просто не выгнал. То есть, не взял за руку и отвел в институт. Прямо под двери аудитории. Все она знает, вот чего?

Ясное дело она получила пять. Но с другой стороны, она так улыбалась, что я подумал, пусть загоняется. Столько счастья!

Мы вышли из института небольшой толпой. Девчонки из Викиной группы, Миша Филимонов, Леха Кособоков. У ворот ко мне подошли двое.

— Андреев? Уголовный розыск. Вы поедете с нами.

Двое, один помладше, и достаточно модно одет. Второй постарше, в простеньком пиджаке и брюках. Крепенькие. Понятно, опера.

— Да, конечно. — я мягко отпустил Викину рук.

— А что случилось? — глаза у Викуни стали как блюдца.

— Нам нужно задать ему несколько вопросов. — с непререкаемой наглостью человека с ксивой ответил молодой.

Ну, дальше, обычная суета. Куда вы его везете. Так граждане, пропустите, не обостряем. Ничего с ним не случится. Девушка, идите домой. Короче, окружающие галдят разом, менты уклончиво — многозначительны. И все это, пока не затолкали меня в луноход, в отделение для задержанных. Рюкзачок у меня, не забрали, кстати. В голове впервые мелькнуло подозрение. Прежде, чем передо мной захлопнулась дверь я сказал Викуне:

— Позвони Сереге. Не переживай.

Менты уселись, и мы поехали вдоль канала. В отделении для задержанных было наблевано. Минут через десять езды, младший сказал водителю остановиться возле магазина. Нужно пожрать купить. Наверное случайно, УАЗик остановился на солнце. Опера ушли. Водила тоже куда то делся. Видимо, терся на улице рядом с машиной. Потому что машина нагрелась, и вонь стала нестерпимой. Ментов не было больше чем полчаса.

Я не думаю, что сейчас менты знают заумные термины «психологическое давление», «создание у подозреваемого эмоционального дискомфорта» и прочее. Но это все теория. А практику они знают отлично. И мне очевидно, что они хотят что бы я боялся, психовал, короче-нервничал. Очень уж все выглядит нарочито. И я просто заснул. Уселся поудобнее, и отключился. Сколько раз за мою жизнь мне помогало это умение!

Менты не показали, что они раздосадованы моим пофигизмом. Просто усевшись в машину разбудили. Я сознательно ничего не говорил и не спрашивал, хотя они явно ждали. А я молчал. И, кажется, их это злило. Минут через двадцать мы приехали. Отдел милиции на улице Марата. Сравнительно недалеко от метро Пушкинская и Витебского вокзала.

В клетку на первом этаже, у дежурки, меня сажать, как я ожидал, не стали. Тот что постарше, сказал дежурному, что они побеседуют с гражданином. Тот открыл дверь, и мы поднялись на второй этаж. Пройдя по коридору, зашли в тесноватый кабинет, перегороденный тремя столами. Старший по хозяйски уселся за стол у окна и кивнул мне на стул напротив.

— Присаживайся.

Я уселся. Младший встал сбоку, опершись о соседний стол задницей.

— Ну, теперь давай познакомимся, — сказал старший- я, капитан Исаев, Виталий Александрович. Старший оперуполномоченый.

Я перевел взгляд на младшего.

— Старший лейтенант Пронин. Главк. Угрозыск. — буркнул тот.

— Теперь ты, Андреев

— А вы что, не знаете кого задержали? И определите мой статус. Я задержан. Свидетель. Обвиняемый?

— Умный что ли? — буркнул Пронин.

— Ни за что не поверю, что милиция борется с умными. Я думал, у нее другие задачи. — любезно ответил я ему, и перевел взгляд на Исаева — итак?

— У нас с тобой, Андреев, профилактическая беседа. В процессе который, мы хотели бы услышать ответ на несколько вопросов.

— Но это — пока. — добавил лейтенант. — а там посмотрим. Может и задержишься здесь, лет на несколько.

— Ну что же. Вот мой паспорт, вот студенческий билет. Чтоб не переспрашивать- я полез в боковой карман рюкзачка, и отдал капитану. — слушаю ваши вопросы.

— Вчера, около десяти часов утра, ты передал своему знакомому Семенову тысячу рублей. Не пояснишь происхождение этих денег?

Честно говоря, я испытал мгновенное облегчение. Подвигов за мной достаточно, и я слегка нервничал. Но теперь все понятно. Мелкая гнида, Костик Покровский, получив, ата-та по попке, и требование убираться из института, побежал к ментам, которым он стучит. С просьбой приструнить козла, мешающего обыгрывать лохов. То-то он такой самоуверенный.

Менты при этом внимательно смотрели мне в лицо. И были разочарованы моей реакцией. Хотя, тот что старше слегка заинтересовался. То есть понял, что за мной есть грехи, которых я боюсь. Молодой просто недовольно втянул воздух и сказал:

— Да и одет ты, как бы не на шуку. Где деньги берешь?

— Я, товарищ капитан... — начал говорить я.

— Гражданин капитан — перебил меня Пронин.

— Что, в УПК есть указание по обращению к сотрудникам во время профилактической беседы? — спросил я Исаева. Тот усмехнулся:

— Обращайся ко мне Виталий Александрович.

— Так вот, Виталий Александрович, я с уважением отношусь к милиции. Работа тяжелая и неблагодарная. Поэтому добровольно доложу вам о всех своих доходах, что бы не было неясности. А вы уж записывайте, или запоминайте.

Дальше я им подробно рассказал, что почти полгода перед армией работал на монтаже башенных кранов, и прилично заработал, не успев потратить. Что после смерти деда мне осталось наследство, почти девять тысяч рублей. И что я, вернувшись из армии работаю и подрабатываю. В частности, пол — года работаю в ОКБ «Ленинец». В группе, занятой разработкой и внедрением аэродромных локаторов. По итогам работы получил, в пятницу, четыре семьсот, тыщу из которых, снял с книжки и передал знакомому. С «Ленинцем» — это у Фреда гениально. Там секретность, и единственно, что могут спросить менты- получал ли. А за что, что делал — фиг им ответят.

— Все что я говорю, может быть подтверждено справками, счетами, и свидетелями. При наличии соответствующего обращения, конечно — мы с Исаевым обменялись мгновенными взглядами. Хе- хе. А дела то никакого нет. И он понял, что я это понял.

Но старший лейтенант Пронин остался недоволен.

— Складно поешь, Андреев. Да только срок тебе по любому светит. За побои студенту Покровскому, что ты нанес ему вчера. И поедешь ты на зону, если ничего понимать не хочешь.

Ну почему же, все понятно. Покровский побежал к своему куратору, или как он там называется. Вот к этому Пронину. Попросил приструнить наглого Андреева. Описал ему меня так, как видел сам. Как эдакого мажорчика, слегка фарцующего, и сорящего деньгами. Попросил разобраться.

Схема старая, мне что то предъявляют, а когда я начинаю молить замять дело, мне говорят, что от меня нужно. Судя по всему, меня хотели прихватить на фарцовке. Тупица Покровский не может представить другой способ заработать. Ну и попросил ментов меня пугнуть.

Вот только Костику нечего делать у нас в институте. Это мое такое убеждение.

— По первоходу, дадут тебе не много. Да только, пока ты чалится будешь, девку твою здесь пахать будут без остановки. — продолжал Пронин — раз ты не понимаешь, когда можно кулаками махать.

Он ожидал, что я вскинусь. Я так понимаю, эту часть нашей беседы Костик подробно Пронину рассказал. А я лишь равнодушно глянул ему в глаза и сказал:

— Ты Пронин, с этого места, уже неполное служебное имеешь. Но, я думаю, инспекция по личному составу, там еще много нароет.

— Ты о@уел, урод? Да я тебя сейчас закрою!

— Не советую.

— Почему это? — Исаеву не нравится происходящее. Он умный и опытный. И он всеми фибрами чувствует приближение глобального пи@деца. Но и давать борзеть в отделе никому нельзя.

— Потому что как только он шевельнется, я его вобью в пол по ноздри. Да и вам достанется, товарищ капитан. Ничего личного, просто чтоб не мешали.

— Да ты, сука, сгниешь у меня на параше!

— Какая разница? Мы ведь о тебе, Пронин, говорим. А над тобой будет ражать вся питерская ментовка. Привел свидетеля в отдел, и получил от него пи@дюлей до госпиталя. За длинный язык. Но это только до завтра.

— До завтра? — а Исаев то, спокоен. То ли Пронина хорошо знает, то ли меня плохо.

— Ну, Виталий Андреевич. Меня же здесь закроют. Пока материал оформят. Пока судья примет решение. А завтра здесь, у отдела, будут толочься студенты нашего института, на что наплевать, конечно, но шумновато. Здесь

будет еще зам прокурора района. И здесь будет инспекция по личному составу. И всех будет интересовать простой вопрос. С чего это спокойный и уравновешенный Андреев избил лейтенанта Пронина? Хотите — не хотите, но все узнают, что Пронин грозил устроить изнасилование нашей студентки. Для чего? Для того что бы прикрыть своего стукача. Который, совсем берегов уже не видит. Ну, там, ещё в главк будет заява, что Покровский не только мошеннически обыгрывал граждан, но и вымогал у них деньги. И все это — со словами что его старший лейтенант Пронин отмажет. И заяву эту, не спустят в унитаз. Есть, знаете ли способы, чтоб с вниманием изучили. А, для начала допросят Покровского, и прочих наших студентов. И сядет Костик. Надолго.

Самое смешное, что они оба мне поверили. А я не мог остановиться.

— И когда Пронин выйдет из госпиталя, его ждет максимум- дежурка в Средних Мудищах. Где я его и найду, после отсидки. А то этож не правильно, он жизнь мне ломает, ради какого то пидора, а сам — бухать в дежурке.

Я наконец смог заткнуться. Хм. Исаев понял, что со мной. Толковый видно мент. А я все же посмотрел на Пронина, и сказал:

— Давай, лейтенант, дернись. Я с тобой быстро управлюсь.

Старший лейтенант Пронин, за время моей речи три раза поменял цвет. И поначалу, даже, кажется, собрался дать мне в морду. Чего я, если честно, страшно желал. Но, к моему удивлению, взял себя в руки. И лишь смотрел угрюмо и обещающе.

— Так! — хлопнул ладонью по столу капитан Исаев, глядя на Пронина, а потом перевел взгляд на меня. — Давай, Коля, продолжим с того места, где ты отчитался о доходах. А остальное забудем.

— Забыли — пожал плечами я, и перевел взгляд на Пронина. Он, какой ни какой, но опер. И вполне видит, что я готов, и скорее всего, могу. Да и перспектива, нарисованная широкими мазками не радует.

— Ему нужно сдать сессию. — сказал он сквозь зубы. Хм. Вот он, белый флаг.

— Ну, значит он уйдет после сессии — кивнул я. — не для протокола, а просто что бы ты знал, Пронин. Он пришел в бабский институт с ножом. И парни, что были с ним, тоже. И дело идет к тому, что в общаге у нас, может случиться поножовщина. Так что будь уверен, Покровского у нас в институте не будет.

— Ладно! — внезапно сказал Пронин — я побежал. Мне на Каляева еще нужно.

Пожал руку Исаеву, и ушел, не взглянув на меня.

— Что, побежал брать заявление у Покровского? — я проводил взглядом лейтенанта, и повернулся к капитану.

— Да нет, пойдем, Коля, я тебя выведу. — Исаев вздохнул и встал. Протянул мне мои документы. — Больно ты горяч, Андреев.

— Я не давал повода так со мной разговаривать.

Мы спустились по лестнице, дежурный открыл нам дверь. Мы прошли через предбанник, вышли на улицу, и оба закурили.

Поодаль, толстяк — милицейский капитан, что-то вещал группе жителей средней азии. Ну, тубетейки, какой то дед в халате. Остальные вроде бы и в европейском, но какие-то запыленные:

— Значит так, граждане. Сейчас, прямо отсюда идем на вокзал. Берем билет на поезд. Если еще раз попадете в милицию, будете оформлены за бродяжничество.

— На рынках публику гоняем. Они там уже аулами живут — проследив мой взгляд, пояснил мне Исаев. — Прощай, Коля. Запомни, нельзя так с ментами разговаривать. Считаю, повезло тебе сегодня. Больно этот Покровский и вправду урод.

— До свидания. — я закинул рюкзачок на плечо, и пошел к Витебскому, поймав несколько недобрых взглядов из толпы таджиков, что слушали мента.

Я не стал садиться на трамвай, а решил прогуляться. И, по Марата, пошел в сторону Подъездного переуллка.

Занятно. После знаменитого «Убийства на Ждановской», менты с побоями в своих стенах стали сдержанней. Да меня и не за что. Но витало в воздухе нечто...

То, что менты берегут агентуру, дело понятное. И что в рамках агентурной работы не замечают шалости стукачей — тоже известно. Но здесь, уже через край. Покровский реально съехал крышей. Перо у каталы?! И, кажется, менты это сообразили. Иначе они бы меня так просто не отпустили. Судя по поведению ментов, он им пожаловался что его избил какой то гопник- фарцовщик. Ну и они вели себя соответственно. Да только в процессе разговора поняли, что что-то не вяжется. Иначе, я бы сейчас уже писал им объяснение, как минимум. А скорее-меня бы оформляли на пятнадцать сток.

После этого, меня бы отчислили из института, и я бы убрался из города. А Покровский так и катал бы в общаге, для себя. И на подпольных играх цеховиков — для ментов.

Сейчас в Питере играют много. Слухи об этом ходили всегда. Зимой Фред мне рассказал, что подпольный, но очень известный, питерский ювелир проиграл просто фантастическую сумму. Которую не смог отдать. И ему сломали руки. В качестве расчета. Конечно, милиции нужно в этой среде держать агентуру. Костик подходит.

Представительный, обходительный и обаятельный. Да еще и шулер.

И тут я, мешаю жить такому ценному агенту. И если бы менты учуяли хоть малейшую слабинку, они бы меня до сих пор плющили. Но они учуяли армейский гонор и грандиозный скандал. И сразу потеряли интерес.

С другой стороны, чего я им оправдания ищу? Запросто бы закатали, на пару лет, а может и больше. Насрать им на меня. Просто они поняли, что это бессмысленно. Закроют меня или нет — все равно Покровскому в институте не быть. Да, вдобавок, Костик и присесть может. Ну и — пошел в жопу Андреев. Еще типа встретимся. Да что говорить. Вон, товарищ Пьянков мешками валюту по союзу таскал! Смотрели сквозь пальцы, потому что решается гораздо более важная задача. Тут я увидел телефон-автомат. Нащупал в кармане двушку. У Виктории дома никого не было, кроме женщины, что помогает им по хозяйству. Нет, Викочка еще не возвращалась с экзаменов.

Набрал свою квартиру. Сняли после первого гудка.

— Это я.

— Коля!! Ты где?

— К метро иду. Скоро приеду.

— Что это было?

— Я — вылитый брачный аферист, что женат сразу на пятнадцати женщинах. Вот милиция и задержала, что бы прекратить бегство жен от высокопоставленных мужей.

— А почему тогда тебя отпустили?

— Я на всякий случай всегда ношу с собой справку об импотенции.

— И они поверили?

— Ну, у них там, в камере голая фотомоделка сидит.

— И что?

— У меня железная воля. Никаких признаков.

— Они тебя щупали?! Не может быть!

— Знаешь что, Виктория?!

— Коль, бери такси.

— Зачем? Я звоню любимой девушке, практически с эшафота, и слышу лишь насмешки...

— На кухне сидит Сурков. Колбасу он уже съел. С булкой.

— Чтоооо?! С моим свежайшим батоном?!

— Коленька, приезжай быстрее. Он чавкает.

— Когда смотрит на тебя, щурится?

— Да.

— Как только начнёт урчать, запишись в ванной и ни за что ему не открывай! Уже бегу.

Когда я вошёл в квартиру, на кухне громко смеялись.

К дверям выскочила Вика и повисла на мне. Заглянула в глаза, взяла за руку и привела на кухню. За столом сидели Ирка и Сурков.

— Ну вот. А день так хорошо начинался! — сказал Серега- меня разбудил телефонный звонок, что тебя, Дух, посадили в тюрьму.

— Ир, тебе же противопоказаны негативные эмоции, ты то зачем согласилась сюда приехать?

— Изучение недвижимости и имущества, что отойдёт нашей семье после твоего отъезда на Колыму — что может быть радостней, Дух? Вика уже согласилась быть у меня младшей женой. Короче, Коль, сдайся, гладишь, побег и не зачтут.

— Так, встали, ушли в гостиную. Викуня, твоя ошибка — то что ты его пустила на кухню. У него детская травма, холодильником. Вы пока там кинцо посмотрите, а я что ни будь приготовлю.

— Без меня? Один у холодильника?

— Я, Коленька, тоже здесь посижу.

— Андреев — засмеялась Ирка — делай еду при нас. Я принес из гостиной коньяк и бутылку вина. Плеснул себе и Суркову. По немножко девчонкам.

— Ну, тогда за свободу!

Мы с Сурковым махнули, девушки только пригубили. И я им все рассказал. Про разговор с Юриком, про то, как отдавали деньги. И про мой ультиматум Покровскому. Ну и как меня за это пытались прессануть менты.

— Коль, не обижайся, но ты дурак- сказал Ирка — достаточно было прийти с Юриком к Проничевой, и через час бы этого Покровского в институте не было.

Я крикнул. Действительно. Вика встала и взяла меня за руку. Мы с Серегой так и стояли у стола. Ну и Вика встала. Утешить дурачка.

— Не переживай, Коль — Вика погладила меня по плечу — ничего же не случилось.

— Ему стыдно, Вика. Он тут подвиги совершает, а две девчонки вопрос решили между двумя глотками хванчары.

— Вот так, значит вы про меня думаете? Ну знаете ли! Ты — я ткнул пальцем в Вику — чистишь лук. Ирка чистит и режет морковку. Тебя, Сурков, вот вякни хоть что ни будь — поедешь в Сосновую Поляну за мясом.

— У тебя же есть мясо!

— Не влияет, пока ездит, отдохну от него. Сурков три дня подряд- чересчур даже для меня.

— Ну и помолчу, подумаешь. Девушки правы. Чего расстраиваться? Ты снова во что ни будь ввяжешься, и Вика таки станет моей младшей женой, вместе с этой всей квартирой.

Потом мы весело делали плов, понемногу выпивали и трепались ни о чем. Я обещал Ирке научить ее чудо супу с фрикадельками. Главное, Ир, обжарить лук и морковь. Потом тщательно чистишь пельмени от кожуры...

Немного погодя, мы все устроились в гостиной и поставили на видике «Женщину в красном». Вполне дурацкий фильм. Но там впервые прозвучала «I Just Called to Say I Love You», Стиви Уандера. А потом и вообще смотрели «Брейк- Денс». Потом пошли и погуляли вдоль канала Грибоедова. А вернувшись смотрели «Даму с камелиями». И засиделись сильно за полночь. Ирка с Сурковым устроились в гостевой. А мы с Викторией в спальне. Только оставшись наедине, она сказала:

— Коль. Ты не один. Честно- честно.

Понедельник ознаменовался возвращением к устоям. Я вошел домой, с пробежки, под неодобрительный грохот посуды на кухне. Тамара возвратилась с оздоровительных вакаций в Ессентуках, и приступила к присмотру за порядком в моей квартире. Она встретила меня прочувствованной речью, о том, что только я мог так засрать квартиру меньше чем за месяц. И, пока я принимал душ, потом пил кофе с самой вкусной утренней сигаретой, пока одевался-собирался, она не замолкала.

— Тамара! — наконец вклинился я в её бурчание. — я пошел на экзамен. И прекрати ворчать. Не знаю как с чистотой, но микробов я всех вывел.

— Какие на хрен микробы?! — совсем разозлилась Тома.

— Тебе лучше не знать. Зато теперь можешь убираться спокойно. Даже подумать страшно, что бы они с тобой сделали, если б не я...

— И как тебя еще не выгнали, из института этого...

Короче, сбежал. В общем понятно, я должен быть накормлен и в чистоте. А сколько страданий меня при этом ждет, никого не волнует. Русский мужчина всегда и всюду виноват. Перед всеми. И то, что я, к примеру, не чувствую за собой никакой вины, не имеет значения. Это отягчающее обстоятельство.

В силу всего этого, я приперся в институт сильно рано. К моему удивлению, под дверью аудитории, где будет сдавать вышку параллельная группа, уже сидела Ирка. Пояснила, что у Суркова экзамен, он завез ее и умчался.

График экзаменационной сессии составлен достаточно комфортно. Четыре экзамена с перерывом в неделю. У девчонок сейчас вышка. У меня Проничева.

Наталья Олеговна Проничева — злой гений нашего института. Образец для подражания сопливых карьеристок, исподволь внушающая массам вредные мысли, типа — мужчины бессмысленное, но необходимое зло. Оголтелая патриотка нашего ВУЗа, она искренне считает, что это место не для всех. И бог бы с ним, если бы не этот ее феминизм. Ну, я так и не понял, это у нее искренне, или удобное прикрытие для издевательств над туповатыми студентами.

— А ты чего так рано? — спросила Ирка.

— У меня Тамара вернулась — она фыркнула — обозвала меня грязным млекопитающим. Нашла где то пыль.

— Ну и отлично. Отвезешь меня домой?

— С удовольствием.

— Вот прямо таки с удовольствием?

— Я, Ир, всегда думал, что Суркова поработит всемирное зло. То есть, какая-то колченогая, горбатая старуха из глухих лесов. А не какая-то там фифа из Днепропетровска. Так что, поверь, мне будет приятно.

— Хам ты, Андреев. Хотя Тамара конечно к тебе несправедлива. Я тебя все время Сереже в пример привожу. За чистоту в доме.

— Я еще и готовлю бесподобно. Но, открою тебе тайну, Ир. Это все признак холостяка. Вот женюсь, разбрасаю повсюду носки, по всем телевизорам включу футбол, и перейду на бутеры.

— Ты, Коль, слишком тонко заступаешься за друга. Я могу сделать вид, что ничего не понял.

— Неважно. Зато увидела суть.

— А Вика знает, что ее ожидает?

— А вот это, Приходько- мелко. Чисто так, знаешь, по бабьи. Ну завидуешь ты Вике, что у нее такой восхитительный парень, но зачем это демонстрировать?

Постепенно к аудитории подтягивался народ. Пришел Миша Филимонов, смешная и веселая Беридзе, Ефимов, и наконец показалась Вика.

Мы с ней собирались в субботу все таки посетить Петергоф. Но мамаша увезла ее на дачу, под Всеволожском. И вообще, почему то в этом году театральный сезон, по крайней мере, в ЛенКоме, закончился не в июле, а первого июня. Светлана Артуровна служит там завлитчастью. Вечера и выходные Светлана Артуровна занята на работе. И мы с Викой всю зиму были предоставлены сами себе. Но настало лето, и у меня дурные предчувствия.

Увидев меня, Вика улыбнулась. Так, как она улыбается только мне. И я подумал, что готов на что угодно, лишь бы она и дальше так же улыбалась.

Собрался было утащить ее на лестницу, что бы более подробно поздороваться, но тут показалась замдекана Коротаяева. Она принимает у параллельной группы вышку. Короче, Ирка с Викторией пошли сдавать, и меня отправили с наказом сдать быстрее. Мы тебя подождем в буфете, Коль.

В другом крыле, у дверей аудитории, собрались девушки нашей группы. Доцент Проничева к девушкам лояльна и не сильно их третирует. В отличие от парней. Поэтому ребята не торопятся сдать экзамен в первых рядах. В отличие от меня. Я сказал что иду первым, и пусть весь мир подождет. Попросил у нашего комсорга

Наташи прощальный поцелуй пред смертью, увернулся от удара учебником по башке, и ступил на арену. То есть вошел в аудиторию.

Наталья Олеговна были милы и немногословны. То есть просто сказала:

— Андреев идет первым? Ты не можешь не красоваться, Коля.

— Здравствуйте, Наталья Олеговна — я положил перед ней зачетку — готов отвечать без подготовки.

— Зато я, Андреев, не готова к тебе без подготовки. Поэтому ступай, придешь последним. — я потянулся за зачеткой — а зачетку оставь. А то ты ведь и не придешь.

— Я тогда, как обещал, принесу спальник, котелок, и примус, Наталья Олеговна.

— Не утруждайся. Ступай. Будем считать, что палатку и примус я видела.

И я пошел курить на лестницу. Пребывая в недоумении. Что это было? Нет, в начале второго семестра, меня, с двух сторон, атаковали комсомольская организация и кафедра экономики. В лице Проничевой. И тем и тем хотелось, что бы я участвовал.

И я было собрался поступить чисто по Ленински. Комсомольцам рассказать, что занят экономической наукой. Ученым — что загружен общественной работой. А сам, с Лишовой, на концерт Аквариума, в ДК Связи. От Ярик Меркушкина, комсомольского секретаря, мечтающего увидеть меня членом институтского комитета, я отделался легко. Сказал, что сам видишь, учеба превыше всего. И был с пониманием отпущен. У нас в институте снисходительны к выбору учебы вместо общественной карьеры. Зато те, кто идут в общественники, считаются, с точки зрения экономики и финансов, людьми конченными. И к ним относятся с легким сочувствием.

Но у Натальи свет Олеговны этот номер не прошел. Она подняла меня на смех, за мои попытки рассказать, что меня тут грузят по общественной линии. Попросила учиться врать правдоподобней. Потому что общественник Андреев, я на кафедре расскажу это анекдот. Неделя хорошего настроения.

И я не стал с ней ругаться. И мы, уже спаянной группой, Вика, Ленка, и я, написали еще статью. И пару раз выступили на кафедре. И вообще, участвовали в заседаниях. Поэтому такой афронт непонятен.

Исполненный недоумения, задумчиво побрел на лестницу, под еще более недоуменные взгляды одноклассников. Все ожидали из аудитории криков, воя, и рева гибнущих бизонов. А меня выгнали в конец очереди. Кажется, Андрееву конец.

На лестнице снова стоял грустный Юрик Семенов. Я, было, испугался, что он снова проигрался. Но он наоборот, внезапно отдал взятую неделю назад взаймы, тысячу. На мое удивление, удивил еще больше. Сегодня утром Костик Покровский пришел к нему в комнату, с этими его двумя парнями, и Ефимом с Витей. И, в их присутствии, вернул ему деньги. С просьбой, считать произошедшее недоразумением. И пояснил, что он переводится, после сессии, в холодильник (Технологический Институт Холодильной Промышленности). Мир, дружба. Грустно Юрику от того, что он опасается еще какой-то подляны. На тебя можно рассчитывать, если чо, Колян?

Закурил, и заверил, что конечно, Юрец. Только свистни. А потом задумался. Непонятно. Но, похоже, агент Покровский ментам дорог, и они ему приказали ситуацию тупо погасить, и не допустить скандала.

Докурив, глянул на часы и пошел в буфет. Там уже сидели эти две, ясное дело, отличницы, и трескали эклеры с какао. Рассказал о Проничевских заскоках. Вместо сочувствия, мне сообщили, что будут ждать у меня дома. У тебя никакого нового кино нет? Посмотри там, «Терминатор» называется. Там несколько кассет, разберетесь. И не слушайте Тамару. Вы же знаете, я убирался.

Девчонки ушли, а я пошел снова на лестницу. Дурацкая ситуация, и не уйдешь и заняться нечем. Когда Проничева закончила, она даже не дала мне билет. А просто попросила проводить в буфет и угостить кофе. Я в мрачно подумал, что пахать придется все лето.

Все оказалось иначе. Попивая кофе, Наталья Олеговна сначала достаточно введливо проверила уровень моих знаний. Произвольно задавая вопросы из разных разделов Теории Кредитования. А вот потом приступила к настоящей цели нашей беседы.

Рассказала, что в июле-августе, в Москве будет очередной Всемирный Фестиваль Молодежи и Студентов. От нашего института едет группа из пятнадцати человек. Ты, Коля, в списке. Торжественное заседание, концерты, общение с иностранными ровесниками. Я поинтересовался, почему не приглашена Лишова. Проничева пояснила, что она может внести в список только одного человека. А у остальных преподавателей свои предпочтения. Видя мое не очень довольное лицо, рассказала, что она хотела бы что бы я выступил на круглом столе по вопросам экономики. Там будут студенты Гарварда, Оксфорда, Сорбонны и МГИМО. Мы, с Академией Внешней Торговли готовим совместный доклад. Познакомишься, Коля, с ректором и проректором ВАВТа.

Всесоюзная Академия Внешней Торговли сейчас, место, чуть ли не более блатное чем МГИМО. Небольшой ВУЗ на Мосфильмовской улице, прочно входит в пятерку лучших московских вузов. Причем, в неформальном рейтинге, считается более престижным, чем МГУ, Плешка, и Бауманское.

Понятно. Проничева никогда и ни за что не признается, но ей нравится мой подход к научной работе, и мои

лихие выводы, сплошь и рядом на грани скандала. Она же не знает, что я исхожу из знаний двадцать первого века. И то, что для меня очевидно, у них на кафедре называют Андреевским нагележом. Который, исходя из нынешней идеологии, трудно воспринимаем. Но, что еще хуже, практически не опровергаем. Ну, ничего такого. Частная собственность. Малое предпринимательство. Глобализация, как результат движения капиталов. Страновая специализация, в рамках открытых рынков. И избавиться наконец от ножиц цен!

Мне не понравилось другое. В процессе изложения моих тезисов у нас на кафедре, меня пару раз обещали выгнать из института, и из комсомола. Разные деятели. Но вот показать меня иностранцам — самое оно. Чтоб не думали, что у нас тут, в совке, дремучий госплан и все. Типо, и мысль наша, в СССР, смела и задорна. И совершенно очевидно, что по завершении этого Фестиваля, меня хорошо если попросят заткнуться и не умничать. А то еще и на заметочку возьмут. Как вольнодумца. Ну, то есть, я буду эдакой потемкинской деревней от плановой экономики.

В Союзе это модно. Берется какой то крендель, и демонстрируется миру, как пример отсутствия какого либо давления на интеллигенцию. Они все на слуху. Евтушенко, Семенов, Абалкин, Шаталин. Ездят по миру, рассказывают, как в СССР все прекрасно. Хотя, и не всегда. Ходят слухи про скандальные выступления Евтушенко. Но выезд ему не запретили.

В то время, как остальные сидят и не смеют вякнуть. Ну, я уже говорил, за фразу, что частная собственность рано или поздно появится и у нас, меня обещали сгноить.

— Наталья Олеговна! Ну нафик нам с вами это? Пускай другие красуются. А вы спокойно закончите докторскую. И я и Вика, да и Ленка- мы же вам знаете как поможем? А слоняться летом по Москве. Да кому это нужно?

— Ничего, Коля. Изучишь муниципальное кредитование, заодно подумаешь о системе казначейства. Ничего сложного. В конце концов, от учебы еще никто не умирал!

— Я знаю, но рисковать не стоит.

— Андреев, не зли меня. Время у тебя- до конца сессии. Потом придете с Леной и Викторией, и возьметесь за концепцию международных экономических муниципальных связей. Понял? Забери свою зачетку.

— Пятерка? Подкуп? Наталья Олеговна, я вас не узнаю. А если я откажусь?

— Я договорилась, что никуда, кроме как смотрителем сортира на Балтийском вокзале, тебя в Ленинграде не возьмут.

— Фрунзенская Овощебаза?

— Это для элиты и настоящих интеллектуалов. Прекращай. Или я позвоню твоей маме, и расскажу про твои выкрутасы.

— Наталья Олеговна. Вы ступили на зыбкую почву шантажа.

— Коля — сказала она так ласково, что захотелось быть на Чукотке — вот-вот я пойду тропой членовредителя...

Дома меня встретили вкусные запахи и взрывы с пулеметной стрельбой из гостиной. Понятно, дамы смотрят «Терминатора». Так и есть, все, включая Тамару, едва обратили внимания на мое появление. Вдобавок, пьют чай с умопомрачительными булочками, что делает Тамара. И, до того мгновения, как Рэнглер с Сарой Коннор и собакой, не уехал в сторону гор, я мог делать что угодно. И сделал. То есть, голышом, из спальни, прошел в ванную, и вернулся, обернув чресла полотенцем. Мог и не оборачивать.

К тому моменту как я пришел обратно в гостиную, кино не только кончилось. Дамы оживленно обсуждали, что бы еще посмотреть. Причем младое поколение хотело чего ни будь такого же, как «Терминатор», а Тамара настаивала на мелодраме «Влюбленные» с Де Ниро и Мерил Стрип.

— Вот видишь, Коля. — сказала мне Вика — Тамара любит романтическое кино.

Вика подлизывается к Томе. Вообще то девицы ее побаиваются. И всячески демонстрируют уважение. Дело в том, что хотя Тома к ним искренне доброжелательна, иногда она как ляпнет что то эдакое... на что народ не знает как реагировать. Вот и сейчас Тамара отождгла:

— Ты хочешь сказать, что во мне живет маленькая девочка, мечтающая стать балериной?

— А что, живет? — растерялась Вичка.

— Да, я ее случайно съела, но так и не сходила в туалет.

Потом Тамара взяла блюдо, с которого я стащил последнюю булочку и величественно удалилась. А Вика и Ирка наконец вспомнили причину киносеанса. И взялись за меня с двух сторон.

Рассказал про беседу, и про свое нежелание заморачиваться. Лишова, вона, Петергоф, не видела, а меня в Москву гонят. Перед мелочью пузатой, из Гарвардов, щеки надувать. За что, совершенно неожиданно получил совершеннейшее осуждение, от обеих девушек.

— Я, Коля, в Петергофе уже была. Когда ты еще сопли рукавом вытирал.

— Я и сейчас вытираю, подумаешь. Представляешь, тут сорбонцы, там гетингенцы, и я такой — рукавом

сопли до колен. С озвучкой.

— Не смешно — сказала Вика. — тебе наверное еще не говорили, но на таких круглых столах всегда бывает Лодыгин, из МВЭС. Он так себе сотрудников ищет. Это шанс.

— Ладыгин — он член нашей институтской комиссии по распределению- пояснила Ирка. — те кого он берет, очень круто устроились. Я знаю про Персиянова, что закончил наш институт недавно. Он сейчас в Будапеште на три года. А кто то и в Вене. Нужно быть полным придурком, Коля, что бы не выступить. Если он тебя заметит, то считай, ты в шоколаде.

Блин, ну не рассказывать же им, что через пару лет эти круглые столы будут идти раз в неделю повсюду. И, что терять время, на то, что бы оказаться сотрудником СЭВ в Монголии, в девяностом — ни к чему. Не говоря о том, что у меня полная Бельгия контактов, что выведут меня куда хочешь. И знакомится с прыщавым сорбонцем, в надежде на приглашение во Францию- это просто унизительно. Я и так это все легко организую.

Сказать, что Вика с Иркой были удивлены моим нежеланием ехать в Москву — ничего не сказать. Они вынесли мне весь мозг, тем, что я единственный парень к которому Проничева отнеслась нормально. И что пора уже задумываться о жизни. А я сказал, что это все бессмысленная возня. И что мне интересней дома. А ты, Виктория, если хочешь, езжай и выступай вместо меня. За это меня холодно назвали дебилом, и она начала собираться домой. Ирка тоже возмущенно фыркнула, и пошла за подругой. Я вышел вслед за ними, и заявил, что хоть между нами все кончено, я их отвезу.

Чего то я не догоняю. Хотя, и думать не хочу. Посадил гневно сопящих фемин на заднее сидение, и отвез по домам. Получив от Ирки хотя бы спасибо. А Лишова со мной не разговаривает. Ну и шерман. Нашли, понимаешь клоуна для иностранцев.

Возвращаясь домой. я не то что бы злился. На что злитесь? На послезнание? Но совершенно не переживал из за разлада с Викой. Помиримся.

Хотя, конечно, мстительно представлял, как плюну на все, перейду границу и свалю в Италию. Склею малоизвестную ещё актрису Моника Белуччи. Она будет рада богачу-бойфренду, что поможет ей с продвижением в кино. Хотя, конечно, Лишова, покраше будет. Но где мне там лучше Лишовой искать?

Потом мысли свернули в практическую плоскость. Съезжу к маме. И нужно Иво навестить. А то вдруг его кто из девок уже кастрировал? И лежит он обессиленный, истекая кровью. Да и курсовик завтра пойду сдам. Через пару дней Вика успокоится, и можно будет мирится. А пока- найду как развлечься.

Я обычно паркуюсь недалеко от парадной. Места, сейчас, ещё достаточно. Причём соседей из них- всего трое. А так, какие то авто, непонятно чьи и откуда.

Поэтому я не обратил внимание на зачуханый микроавтобус-фургон РАФ, с надписью «Продукты» на боку. Закрыв свой авто, и вышел на тротуар. Из за РАФика появился какой то парень- азиат, что принято называть гостем нашего города.

Вдруг меня жестко взяли сзади за оба предплечья. А парень-азиат подошёл вплотную, и, не особо скрываясь, ткнул мне в живот наганом. Хотя второй час дня, народу вокруг почти нет.

— Поедешь с нами — почти без акцента сказал парень со стволом — или я выстрелю.

— О! Развлечение, — подумал я.

Парень с наганом отошел и открыл боковую дверь РАФика. Тот, что сзади, затолкал меня внутрь. А потом и связал мне руки. Спереди. Вышел из фургона, захлопнул дверь, и, судя по всему, уселся за руль. Боец со стволом уселся напротив. Детский сад.

Я всегда любил наган. Простая, надежная машинка. Как по мне — идеальная, во внезапных, скоротечных столкновениях. Мне нравилось даже то, что считалось его недостатком. Тугой спуск.

Сейчас это и вовсе радует. Чувак, что сурово держит ствол, выставив его в мою сторону — не выстрелит случайно. Да и спецом не успеет.

Вырубить обоих захватчиков можно было без труда. Вот только непонятно, а что дальше? Звать ментов? И что сказать? А еще, гораздо интереснее, что этим ребятам от меня понадобилось?

Автомобиль тем временем завелся и поехал. Салон микроавтобуса, предназначенного для перевозки продуктов, совсем без окон. Даже перегородка с водителем металлическая. Меня с конвоиром освещает тусклая лампочка под потолком. Он очевидно нервничает. Я тоже делаю лицом испуг.

На первый взгляд, происходящее можно принять за попытку банального захвата богатенького ленинградца, чтоб поговорить про средства, что можно с него поиметь. Да только я недавно посетил Среднюю Азию. И, боюсь, есть связь.

Машина ехала минут пятнадцать. Потом остановилась, раздался какой-то шум, и боковая дверь открылась. Прямо напротив, была открытая дверь в кирпичной стене. Водитель РАФика развернулся и скрылся в ней.

— Выходи, иди за ним. — сказал мне спутник с револьвером.

Я встал, выпрыгнул из машины. По сторонам ничего разглядеть не вышло. Слева дверь — справа стена, к которой прижался микроавтобус. В спину меня чувствительно толкнули. Войдя в дверь, я прошел пару метров и увидел лестницу в подвал, освещенную лишь лампой, ватт в сорок. Пошел вниз, слушая сзади топот сопровождающего.

Ощущения меня не подвели. Это оказалось какой то продовольственной базой. Подталкиваемый в спину, я прошел коридором. Мимо дверей с надписями «Промежуточный склад овощей», «Кладовая № 2», еще какими то, пока не вышел в большую рекреацию. Прямо передо мной оказались большие, железные двери. Холодильники №№ 1-2-3. Коридор уходит влево, и теряется в темноте. Справа, у стены, столовский стол и три стула. Свет под потолком, от все такой же сорокаваттной лампочки на голом проводе. Все крайне зловеще и сурово. Меня посадили на стул у стены справа. Между столом и углом помещения. Я же говорю, детский сад.

Со стеной за спиной, я почувствовал себя совсем уверенно. И еще раз окинул взглядом захватчиков. Вооруженный парень, азиат между тридцатью и сорока. Худощавый, резкий и нервный. Наган ухоженный. Держит уверенно. Но нет. Не убивал он людей. Не тот взгляд. Второй — немного старше меня. Склонный к полноте здоровяк. Скорее всего, борец — вольник. Уши, захват за предплечья. Тоже азиат. Он повернулся и скрылся в левом коридоре. Ну вот, сейчас я и увижу, кому я понадобился. И узнаю зачем.

Парни, что меня захватили одеты просто. Брюки фабрики «Большевичка», обувь «Скорород». Причем тот, что старше, и вовсе в сандалиях с носками. На нем серая рубаша. А на борце — байковая, в красную клетку. Посидели в тишине. Спустя минут пять, в сопровождении борца, появился чувак, для которого меня привезли. Персона иного калибра. Спортивный костюм «Адидас», и кроссовки. А потом я его узнал.

Это один из людей, что летели с Пьянковым из Ленинграда. Я почувствовал раздражение.

— Привет, Николай. — сказал этот зрелый спортсмен. — даже не думал, что так легко тебя найду.

— Чего меня искать? Я не прятался.

— Ты, наверное, ничего не понимаешь. Или понимаешь? А?

Он говорит по-русски совершенно свободно. Но все равно слышно, что речь не родная. И еще, он не умеет интонировать. Кажется, он сейчас хотел подпустить угрозы в голос. А я чего, мне изобразить испуг не трудно.

— Вы о чем?

— Ты мне сейчас расскажешь, зачем тебя привез Петя Пьянков. О чем вы с ним договорились. И что произошло девятнадцатого у него на даче.

— Конечно. Я подрабатываю младшим специалистом здесь, в одном КБ. В Кизил полетел оформить документы по сделанным работам. Товарищ Пьянков, узнав о том, что я к вам собираюсь, предложил лететь с ним. Девятнадцатого, в пол — седьмого мы сели завтракать, но приехали менты, или кто там. Забрали Пьянкова и еще каких то людей и увезли. Заодно отвезли меня на аэродром. Я там, у начальника, подписал документы и улетел на военном самолете обратно.

Спортсмен повернулся к борцу, и кивнул ему головой в мою сторону. Тот подошел, и, с богатырским размахом засадил мне кулаком в живот. Дебил. Человеку со связанными впереди руками. Даже если не сопротивляться, и то

фиг попадешь. А я и плечо подставил. Приятного, конечно, мало. Но ему, вроде, как бы не хуже. Кулак бо-бо. Но я принялся страдать изо всех сил, с поскуливанием. Потому что- чего ему нужно то? Спросит, или уже класть их, и приступить ко взрослому разговору?

— Не будь дураком. Петя специально тебя к нам вез. Зачем? Что он хотел?

— Да откуда я знаю? Я сказал, что мне пустыня нравится. Правда я ее и не видел. Он и говорит, поехали, посмотришь.

Это деятель подошел к парню со стволом и забрал у него наган. Пришел ко мне, и приставил ствол ко лбу.

— Рассказывай, или сейчас в холодильнике появится новая туша свиньи. Карим — он кивнул на того, что был с наганом- тебя быстро разделает. А потом продаст бабам, у магазина субпродуктов, на Загородном.

Спортсмен засмеялся и я, вблизи, увидел его глаза. Дело плохо. Он, кажется, с головой не дружит.

— Рассказывай!

— Да что рассказывать то?!

Он размахнулся рукой с пистолетом. Ну нет. Синяки и шишки, что остаются от таких ударов, мне не нужны. Я уже давно развязался. Говорю же, несерьезно как то у них все. Еще бы бантик оставили. И я, блокировав руку с револьвером, ткнул ему кулаком по яйцам, а потом и по шее. Выбил ствол, и двинулся к старшему из захватчиков. Он пытался принять стойку, вот по ноге и получил. И, тоже, по шее. Борец попробовал взять меня, для начала, в захват. Печень — челюсть. Все.

В темпе откинул ствол ногой, и добавил всем по лицу этой же ногой.

А потом застыл в недоумении. И что теперь делать? Убегать? Что бы они в следующий раз лучше подготовились? Валить всех троих? Менты меня точно возьмут. Хотя, может он не шутил, и у них здесь безотходное производство? Типо, трупы разделяют, и продают как свинину на рынке? Бгг...Похлопал по карманам. Чорт!!! Забыл сигареты в машине. Посмотрел на лежащих людей, в смысле нет ли у них курева в карманах.

Потом опомнился. Веревкой, что я был связан, скрутил руки за спиной так и не знакомого спортсмена. Огляделся. Это тебе, Коля, не Туркмения. Здесь скотч днем с огнем. Ну да ладно, байковая рубашка- отличное сырье для веревок и кляпов. А потом побеседуем.

Тут в коридоре, которым меня привели, и в коридоре слева, раздались шаги. Вот простой вопрос — брать ствол с пола? Или это посторонние идут в холодильник? Три дебила, бля. Даже нормального места для допроса не нашли. Решил с задумчивым видом стать над наганом.

Да только это все оказалось ни к чему. Из левого коридора вышел Фред, собственной персоной, в сопровождении пожилого узбека, наверное. А из коридора что ведет на улицу, появился Игорь Ан, и еще с пяток каких то азиатских мужчин. И пожилой узбек и азиатские мужчины выглядели людьми опытными. У них бы я так просто не развязался. А Фред, тем временем, изучил предложенную мизансцену, и сказал:

— Даже интересно, что бы ты, Коля, стал сейчас делать?

— Дай, Фред, закурить.

— погоди. — он повернулся к пожилому узбеку- Маджид Акбаевич! Разрешите представить вам моего друга Николая. Коля, это Маджид Акбаевич, преподаватель техникума.

— Очень приятно, Коля. — пожал мне руку пожилой узбек. Никакого акцента. Мягкое рукопожатие, интеллигентная улыбка. Да только, мне было понятно, этот дед, перережет мне горло с точно такой же доброй физиономией, и, не задерживаясь, вернется к изысканной беседе о тонкостях творчества Рене Магрита.

— Я волновался, что мы можем не успеть, и они тебе сумеют навредить. — продолжал он. Я, разумеется, не поверил. Сохраняя, впрочем, самое светское выражение лица.

Пятеро азиатов, тем временем, споро скрутили за спиной руки моих захватчиков, и поставили их на ноги. Рты у них уже были заткнуты какими то тряпками. Я же говорю, серьезные люди.

Увидев взгляд, которым Маджид Акбаевич, посмотрел на этих троих я поежился. Он, тем временем, кивнул. И их увели на улицу.

— Ну и что это было? — спросил я — и дай уже закурить, Фред.

— Вы знаете, друзья, мне, пожалуй пора- сказал между тем пожилой узбек — Коля! Я был очень рад познакомиться. В случае, если тебе понадобится хоть какая то помощь, смело обращайся. Андрей Сергеевич знает, как меня найти. Или, на Некрасовском рынке, во фруктовых рядах найди продавщицу Зейнуру. Скажешь, что хочешь видеть Фархада. И я с тобой быстро свяжусь. Андрей Сергеевич, Коля!

Он церемонно кивнул Фреду и мне, и пошел к выходу на улицу. Из коридора вышли Игорь и ещё какой то азиат. Фархад обернулся:

— Если что то захотите, скажите Эдику — он кивнул на азиата — он все устроит.

После этого, вежливо поклонившись, скрылся с глаз.

Мы остались в пустой рекреации. Фред протянул мне пачку Marlboro и зажигалку.

— Нужно съесть чего ни будь. — заявил он. — не пообедаете со мной, Дух?

— Здесь?!

— А чего такого? — пожал плечами Фред — бегать еще... А здесь, днем, никого не бывает.

Повернулся к парню Эдику, и сказал:

— Обед на двоих. Овощи, лагман, шашлык. — глянул на меня- выпьешь, Коля? Я — то не буду, еще дел полно.

— Коньяк — ответил я, пребывая в некоем недоумении. Чистый сюрреализм — и, мне чебурек, вместо шашлыка.

Эдик кивнул. В темпе отодвинул от стены стол. Поставил к нему два стула, напротив друг друга. Сообщил, что он сейчас вернется, и исчез. Я наконец закурил.

— Игорь- сказал Фред, — присмотри там...

Игорь тоже исчез. Фред уселся за стол. Я сел напротив, и сказал:

— Этот дядя, к которому меня привезли, сказал, что тут торгуют человечинной под видом свинины. А потом ты мне пообедать предлагаешь...

Фред заржал:

— Вот же фантазия у людей! С другой стороны, Коля, действительно — нет тела, нет дела.

— Этих, похитителей, на мясо не пустят?

— Не выдумывай. Будут отрабатывать. Где ни будь в отдаленных аулах. Лет, эдак, несколько.

Из коридора появился Эдик, с какой-то женщиной в белом халате и с подносом. Они быстро накрыли стол белой скатертью и сервировали его на двоих. На столе появилась пепельница, графин с соком, приборы, графинчик коньяка и бокалы. Большая лепешка, и какие то холодные закуски.

— Лагман будет минут через пять- произнес Эдик и удалился.

Я плеснул себе коньяка, взял бокал и затянулся сигаретой.

— Рассказывай, Фред. А то я весь в недоумениях. Ты мне сказал, что эта история закончилась.

Андрюха, отломил кусок лепешки, налил себе сока.

— Она и закончилась, если б некоторых на подвиги не тянуло- проворчал он, кусая лепешку.

— В смысле?!

— На прошлой неделе ты, Дух, попал в ментовку на Марата. История простая. Менты хотят внедрить игрока в Ольгино. А потом сделать содержанием катрана. Ну, чтоб за преступностью не бегать, а находить у него, за игрой. Да только некий Андреев, этому игроку чуть руки не сломал. И, не исключено — ломает.

— Мы про что сейчас разговариваем?

— Да про это, про это. Просто, раз уж разговор зашел. Ты, Коля, сдурел, на ментов наезжать. Но, с другой стороны, они быстро поняли, что запугать тебя не выйдет. И решили поискать на тебя управу. Я не буду говорить, что и как они делали, но они решили к тебе не лезть. Однако ты, Дух, будь очень осторожен. Пронину ты даже понравился. А вот Исаев — тот еще мент.

Я откинулся на стуле. Надо же. А я думал наоборот. Но к чему мне это все? Снова появился Эдик с подносом. Поставил передо мной и Андрюхой по тарелке с лагманом. Он взял ложку и запустил ее в тарелку. Потом отложил. Горячо. А я и не начинал. И так видно что суп огненный.

— Когда ты, Дух, уходил из отдела, ты столкнулся с группой жителей Средней Азии. Что задержали на Кузнечном рынке. Среди них был, не замеченный тобой Максат Асаев. Вот этот самый. — он кивнул на пол, где несколько минут назад лежал мужик в спортивном костюме.

Я хмыкнул. Что такое не везет. На ровном месте попался на глаза мудаку, что, судя по всему, в бегах.

— Что бы ты понимал. Товарищ Асаев до недавнего времени возглавлял в Кизил — Арвате райпотребкооперацию. И занимался у товарища Пьянкова реализацией прибывающих из Питера товаров. Он был не в курсе источника средств, на которые это все приобреталось. Но ему было страшно интересно. На него, как на еще пятнадцать приближенных Пьянкова, выписаны ордера. Остальных взяли, а он оказался то ли самым умным, то ли самым везучим. Сумел скрыться. И вот, объявился здесь, в Питере.

И мы принялись хлебать лагман. Страшно вкусный. О чем я и сказал, Фреду. Ну, что понятно, оттуда у тебя такой цветущий вид. Так питаться то.

— Да уж, не Сурков, слава богу. — заявил Андрюха. — в любой столовке кормят лучше, чем его жена. Скажи мне, Коля, к чему эти страдания?

Я хмыкнул про себя. Хоть чего-то Фред не понимает. Если Лишова, в одних чулках, подаст мне всего лишь макароны, я их съем мгновенно, даже если она забудет их сварить. Фред, закончив с супом, дождался, когда тарелки унесут.

— Дальше все было просто. Среди приезжих из Средней Азии прошел слух, что нужны люди, захватить одного парня от его дома. Товарищ Асаев проводил тебя от отдела до самого дома, Дух.

И вправду. Я, тогда, не сумел поймать тачку, и поехал на троллейбусе по Дзержинского. Получается, сам

привел к дому.

— А когда я узнал, кого собрались брать гости нашего города, то не мог не заинтересоваться. А вдруг тебя пытать начнут, а я не смогу поучаствовать и насладиться? В общем, обратился к знакомым. И они отследил момент твоего захвата. Остальное, я думаю, тебе понятно.

Чебурек оказался...божественным. Золотисто-желтый, хрустящий. Когда я откусил, на пальцы потек сок. А запах...Пока я его ел, я не мог отвлекаться. Фред тоже, только что не урчал, лопая шашлык. Поэтому, он снова заговорил, только когда наши тарелки оказались чистыми:

— Спрашивай, Коль.

Но сначала мы попросили у материализовавшегося рядом Эдика кофе. И закурили.

— А где это мы?

— Ты не видел куда тебя привезли? Забавно. Это Сенной Рынок. Склады под главным корпусом. В общаге, при рынке, сдают койки приезжим продавцам. Асаев здесь и кантовался. Я подозреваю, думал пересидеть немного, а потом дальше скрываться.

— А от меня он что хотел?

— Хе, товары из Питера, в Туркмению, поступали всегда после появления рядом с Пьянковым русского курьера. Асаев не дурак, сообразил. Вот и решил, вдруг ты его к деньгам приведешь.

— Ты, Фред, даже не делай вид, что я тебе теперь должен. Это ты меня втравил во все это.

— И не думал. Я этого Асаева искал. А тут такая оказия. Так что это я тебе должен.

— Слушай, а с чего вокруг меня какая то фигня все время?

— Ты поел и на философию потянуло?

— А когда еще то?

— Хм. Ну, если интересуется мое мнение... Ты сам выбрал, что с тобой будет происходить. Уже два раза. Первый раз — когда обнес начальницу райпо. А второй раз, когда вернулся из Хельсинки. Вот уж удивил. Ты вообще странный стал, Коль.

— Даже интересно, какой будет третий раз. Я только надеюсь, Андрюха, что он не будет связан с тобой. И вообще, давай попросимся до Нового Года, а?

Я не поехал с Фредом, а пошел пешком. Сейчас это выйдет как- бы не быстрее. Погода была вполне сносная, и я решил, что после подвалов прогулка мне не помешает. Глазья по сторонам я размышлял о том, что фильм «Прохиндиада», с Калягиным, идущий в кинотеатрах, не отражает. А может быть, киношники побоялись показать действительность. Хотя, даже в фильме, герой Калягина, мелкий клерк, решает вопросы министерского уровня.

На самом деле, именно сейчас появляются люди, занятые согласованием интересов самых разных сил. И которых позже будут называть решальщик. Вот и Фред оказался серьезным решалой, занятым вполне себе важными вопросами. А на самом деле — он связующее звено между двумя реальностями, что исподволь сложились в СССР. Между иллюзорной социалистической страной, что не может дать гражданам самое необходимое. И реальными, но загнанными вглубь проблемами.

С Фархадом вот познакомил. Я про него только слышал. В девяностом его грохнут. Сейчас он занимается, по большому счету, отстаиванием интересов приезжих из Средней Азии в Питере. Эдакий Дон Карлеоне узбекского разлива. Если к нему обращаются, помогает, и защищает. Не задаром конечно. А еще следит, что бы земляков не притесняли. Обеспечивает расчеты и доставку товаров в Ленинград. И занимается еще тысячей разных вопросов. И понятно его участие в истории с моим захватом. Всплыви она — мало не покажется. Разгонят все рынки, в целях профилактики.

В общем, заключил я, придурок ты, Николай Петрович. И приключения у тебя совершенно дебильные. Нет бы преодолевать и превозмогать.

Проходя Банковским переулком, увидел за стеклом двери моей любимой рюмочной картонку с надписью «Учёт». На второй из трёх ступеней, задумчиво сидел визуально знакомый постоянный клиент этой рюмочной. Работяга соседней типографии. Даже беглый взгляд позволял разглядеть, что он то ли уже пьяный, то ли с похмелья. Он курил сигарету «Астра», и смотрел вокруг с видом герцога, озирающего лужайку у своего поместья. Увидев меня, он еще приосанился:

— Добрый день, коллега!

— Привет, — я остановился.

— Вы знаете, дружище, я тут в легком недомогании. Нет ли у вас возможности поспособствовать мне, в улучшении самочувствия?

— Скажу честно — ответил я — все, чем могу вам помочь, это три рубля.

Мужик задумчиво затянулся, глубокомысленно прищурившись.

— Пожалуй, я соглашусь — веско произнёс он.

Я полез в задний карман джинс и сунул ему трёшник. И мы с достоинством раскланялись. Он пошёл в сторону

Апраксина, а я домой. Питер такой Питер.

Потом я наметил план дел, что нужно будет сделать. Но вообще то, нужно позвонить Лишовой. Узнать, как там обстановка. С другой стороны, я же ухожу к Монике Белуччи. Ладно.

Время после похищения полетело со свистом. Вика позвонила тем же вечером, и заявила что умные мирятся первыми. Я ей позавидовал. Какая у тебя жизнь насыщенная, Виктория. Ссоры, расставания, примирения. А у меня сплошная скука, ни с кем не ругаюсь. На что она гневно бросила трубку. Но одного раза бросить трубку ей показалось недостаточно, и она снова позвонила. Обозвала придурком, и бросила еще раз. В общем, помирились.

Я, конечно пошёл к ее дому. Как бы мимо проходил, да решил заскочить, пригласить на прогулку. Но оказался на семейном ужине. Светлана Артуровна, под утку с вишневым желе, развлекала светской беседой своего мужа и дочь. Заодно и ее бойфренда.

К ее досаде, оный бойфренд в очередной раз оказался не таким тупым, как ей хотелось. По крайней мере, я поддержал разговор о Кнута Гамсуне. Высказав тонкую мысль, что гении вне идеологий. Ну, как Пушкин. Не за тех, не за этих. Сам по себе Пушкин. Хотя, перед царём лебезил. С чем мы и были отпущены в Викину комнату. Ибо в присутствии крупного партфункционера разговор получился весьма скользкий.

Гулять мы не пошли. Викуня сочла что я еще мало страдал. Я был ей даже благодарен. Все же несколько напряженный день выдался. Экзамены, похищения...

В один из дней позвонила Верка, продавец комиссионки с Лиговки. Коля, ты знаешь, что самые модные сейчас штаны- с карманам на бёдрах? У меня есть несколько, приезжайте с Серёжей.

У девчонок как раз была консультация перед экзаменом, и я не стал звонить Суркову, а просто пошел встречать Вику. Появившийся Сурков был как всегда великолепен:

— Жена! Ты прекрасна! Вика, ты сегодня очень красивая. Дух! Эээ...помни, внешность — не главное!

Поехали, Сурков, штаны добудем. Отвезем барышень, и помчались. А то ходишь, как последний лох, без карманов на бедрах, как ты его еще не выгнала, Ир.

Брюки- карго, сейчас, ещё невиданный зверь. Кажется, даже названия такого ещё нет. Они станут повальным увлечение позже. Но я подумал, что пора уже побыть иконой стиля. И мы отвезли Викуню с Ирккой к Сурковым. Хотя Ирка и орет, что я не больна, а беременна, Серега старается не оставлять ее одну надолго.

Штаны понравились даже Суркову, но оказались велики. Но Верка тут же связалась с дилером. Он вас ждет через пол- часа на Льва Толстого, мальчики. У аптеки. Поехали на Петроградскую. Продавец нас ожидал. Представился Олег. Лет тридцать, если не больше. Белые кроссовки, голубые джинсы, желтая футболка. Блондин. Тот тип фарцовщиков, что я называю «Виталик». Ходит по конторам трестов и заводов в договоренные дни. К его появлению женщины сбегаются отовсюду, и ведут примерки в туалетах. Сурков свернул с Большого проспекта направо, и остановился. Вышли из машины. Этот Олег лишь мгновение смотрел на нас. Потом достал из сумки двое штанов и бросил на заднее сидение. Это ваш размер, ребята. Отвечаю. Вот телефон, если что звоните. И подбросите меня обратно к Ленсовету. Обратно его везли по Малому. Рассказал, что на Ваське люди более козырные. Ходят не только по малому и большому, но и по среднему.

По дороге обратно поведал Суркову про свои приключения. Он много смеялся. Вот приедем, Дух, и уже прыгни с крыши. Чтоб не мучиться. История про пустить меня на мясо, вызвала просто истерику. Хоть кто-то хочет сблизить людей и общепит. Добавить, так сказать, человеческого. В меню.

Штаны мы продемонстрировали методом дефиле в стиле модных показов. Вызвав скрытую досаду. Ибо номенлатуре такие модные ништяки завозят не так оперативно.

— Зависть, это пережиток. — заявил Сурков — Ну да, барышни, ни в синем зале Гостинки, ни в спецсекции Пассажа, такого не купишь. Несите свой крест с достоинством. Не всем доступны наряды прямо из Парижу.

Не откладывая в долгий ящик, Викуня заложила меня Суркову. Про нежелание делать международную карьеру.

— Коля заболел, Сереж. Не хочет ехать в Москву с докладом. Хочет валяться на диване.

Но жалоба вышла не по адресу. Потому что, что может быть более здорового, чем нежелание ехать в Москву?

— Да ладно тебе Вик, чего ты сердце рвешь? Пусть с ним Проничева разбирается — сказала Ирка — посмотрим, как он от нее будет бегать.

— Ты, Ирина — фыркнул я — не понимаешь эстетской составляющей Натальи Олеговны. Чтоб от нее отвязаться, достаточно, глядя ей в глаза, съесть козьявку из носа. И все.

— Ты, Дух, полегче. Нельзя сразу главным калибром. Для начала нужно попроще что ни будь.

— Я плохо плююсь. Точность низкая.

— Вика! Куда ты смотришь?! Даже плевать не умеет...

Наверное, от этих разговоров, сдачу очередного экзамена Викуня решила отметить походом на балет. В Кировский, понятно. Ирка не очень хорошо себя чувствовала, поэтому с нами пошли Ленка и Паша. В Кировском давали «Дон Кихота». Мы с Пашей заявили, что без коньяка балет не имеет смысла. И, пока сидели в буфете, Паша

рассказал, что балет нынче не тот. Вот раньше!

Как выяснилось, театральную жизнь Ленинграда, восьмидесятый год разделил надвое. В восьмидесятом году на сцене Кировского, во время спектакля, случился скандал. Оказывается, раньше Дон Кихот и Санчо Панса ездили по сцене на настоящем жеребце и осле, соответственно. Но, в один недобрый день, жеребец занемог. И его, не долго думая, заменили, выписав коня из цирка. Но этот конь, на беду, оказался лошадь. В первом же совместном с ишаком появлении на сцене, эта лошадь невероятно потрясла осли. И он тут же принялся эту лошадь трахать, со всем ослиным упрямством и пылом. Остановить процесс не мог ни кто. Ни Санчо Панса с Доном Кихотом, пытающиеся за хвост утащить осли за кулисы. Ни, чуть не умершие от смеха пожарные, что в процессе ржания просто не сумели развернуть рукава и дать воду. Ни рабочие сцены, по той же причине не сумевшие вовремя дать занавес.

Через пару минут, в самый разгар ослиного торжества, занавесь всеж опустили. Зрители разделились на три группы. Одни в обмороке, ну там старые девы, и прочие синие чулки. Другие умирают от хохота. И иностранные туристы, что требовали поднять занавес и дать досмотреть, раз уплачено.

Последствия оказались грандиозными. Потому что в западной прессе прошла волна статей о смелом нававторстве русского балета. Который, душит железной рукой свирепая партийная верхушка. Ну и товарищ Романов, и так не жалуемый творческую интеллигенцию, совсем озверел. Юрский, Захаров, Нуриев, Райкин Герман... всем досталось.

В общем, после этой истории, увиденный балет нам показался пресноват...

Время текло приятно и ненапряжно. Виктория не оставила попыток сделать меня звездой Фестиваля Молодежи и Студентов. Я лениво отбивался. В результате, мы пару раз поговорили всерьез. В смысле, впервые поговорили про состояние дел в стране. Она умная, начитанная и информированная. Поэтому мои прогнозы будущего ее не очень удивили. Вика тоже думает, что СССР вползает в системный кризис. Просто она считала, что впереди еще много времени, и, оказаться в академической среде в период потрясений — не худший вариант. А я ей объяснял, что разницы никакой, всем прилетит. Но, ты, Виктория, со мной. А у меня есть план на все случаи жизни. Значит, я в твоих планах есть? Конечно, будешь себя хорошо вести, возьму тебя секретаршей.

Ирка, неожиданно, чуть не угодила в больницу. В результате, украинская родня делегировала в Питер семейную пару, что будет помогать молодой семье. А Сурков объявился у нас в институте. Познакомился с нашими деканом и замдекана. Ирке зачли оставшиеся экзамены автоматом. А Елена Сергеевна Коротаева предложила Суркову перевестись к нам на факультет. Всем, Дух, нужна на тебя управа. Совсем ты достал руководство. Готовы даже меня терпеть.

Потом мы с Сурковым ходили на Сенной рынок. Вообще то, семейству Сурковых привозят спецпаек, что отписал Ирке дедушка. Раз в неделю, им приносят на дом кучу пакетов с дефицитом. Там, всяко-разное. Но приехавшая родня потребовала от Суркова, кроме всего прочего, еще и свежего. Чтоб рацион был-огого!

Еще возле входа на рынок, мы услышали- «Кручу — верчу, поиграть хочу! Ставим не стесняемся, выигрываем и наслаждаемся!». Наперсточник собрал вокруг себя неслабую толпу. Я оттащил Серегу, объяснив, что тут не выигрывают. Не ведись Сурков, не нужно. Подтверждение чему тут же подоспело, в лице полубандита Кролика, что крышевал прошлым летом риэлторов неподалеку.

Светски поздоровались. Я представил Суркова — вот, парень будет тут закупаться, не думайте чего. А Кролик рассказал, что наперсток — выгоднее риэлторов. Так что это у него повышение. Отходя я показал Суркову бойцов из кроликовой бригады, ненавязчиво оттаскивающих проигравших. И мента в отдалении, что тоже следил, чтоб игрокам не мешали...

А потом объявился Иво. Мы встретились на Горьковской. В кафе, возле «Ленфильма», в обстановке глубокого подполья.

Да только никакой конспирации не было. В кафе попросил встречи продавец лодки «Зодиак». Оказывается, там тоже требуется оформление, и бывший хозяин передавал Ивику документы.

Мы были оскорблены. Ты, Бааль, что себе позволяешь? Мы думаем, что ты без устали пошел по девушкам финансово-экономического института, а ты?!

— Да ладно, Дух, чего пристал к несчастному? — буркнул Сурков- Он мыслит на перспективу. В домах престарелых на одного старика приходится до десятка старух.

— Сурков — снисходительно сказал Ивик- не оглашай свои влажные мечты.

— Правильно, Иво! — вступил я — придумает тоже. Тихая скромная жизнь, с журналом «Плейбой» под подушкой. Что еще нужно обычному мотористу питерского порта?

— Знаешь, Дух... Отдай ключи от квартиры. И вообще, я уже механик.

— А где ж ты пропадал то, надежда пиратов?

— Отстаньте пацаны, меня вообще в городе не было. Я в Днепропетровск летал.

— Ах вот оно что! — воскликнул Сурков — это то, что я думаю, и её зовут Олеся?

Иркину школьную подругу, что была у неё свидетельницей на свадьбе, зовут Олеся. Красивая, стройная брюнетка волшебных пропорций, с огромными глазами и чувственной улыбкой. Учится в Днепропетровском политехе. Я с ней перекинулся едва парой слов. А на мои сдержанные расспросы мне никто ничего не сказал. Только Вика с Ирккой улыбались загадочно.

А теперь и загадочности не стало. Кому у нас в институте нужен трепач-моторист, а не штурман? А что, как выяснилось, вовсе не Иво рассказал про то, что он штурман, значения не имеет.

— А Дар-Эс-Салам?

— Так я же на «Крузенштерне» всем курсом туда заходил.

— Учись, Дух, вопросы решать. Не журишь, Иво. Олеся, так Олеся. Подумаешь, решила родиться в Днепропетровске! С кем не бывает, в таком то возрасте? Но глядишь, привыкнет к приличной жизни. А в нашем Политехе я ей помогу.

Я внутренне ухмыльнулся. Осев в Питере, любой провинциал обретает некий изыск и, если угодно, утонченность. И изрядные понты. Сурков не исключение. Извиняет его, да и других питерцев то, что питерский снобизм, достаточно деликатен и ненавязчив. В отличие от московского. Большинство москвичей любят сравнивать Питер с Москвой. А с городом, откуда они в Москву приехали, не любят сравнивать.

В общем, мы славно посидели. Даром что вокруг были сплошные актеры с актрисами, и прочие гении. Заодно решили, что ивину лодку на полуприцепе будет таскать «Волга» Суркова. Нужно только купить и установить форкоп.

Так нас занесло аж на Ириновский проспект. Сложной цепочкой созвонов, мы вышли на человека, что взялся установить форкоп на ГАЗ-21.

Посещение Гаражного кооператива меня умилило. Эта атмосфера напрочь исчезнет в эпоху подземных парковок, и сервисного обслуживания.

Посреди гаражного двора стоял ослепительно белый табурет. На нем лежала коробка передач, от автомобиля «Москвич», насколько я видел. Тщательно отмытая, и соответствующая табурету. Вокруг, на ящиках, сидели трое мужиков в грязных спецовках, с испачканными смазкой руками. Задумчиво курили, и разглядывали КПП, с видом Родена пред началом процесса. Неискушенный зритель, заглянувший во двор ГСК решил бы, что работа в разгаре. Но мы — искушенные. И сразу разглядели бутылку с водкой и стаканы. На верстаке одного из гаражей.

Один из мужиков и оказался мастером фаркопов. Загоняйте. Придете послезавтра. Все будет готово. Показал куда загнать машину, посмотрел привезенный комплект. Работа будет стоить сто рублей. Я позвоню, а сейчас прошу извинить, занят. Бывайте.

Спуск на воду лодки прошел в дождь. Вроде бы с утра было солнце, но ... Мы с Сурковым девушек даже звать не стали. Любому понятно, что если собрался плавать по каналам — жди дождя. Но нам все равно понравилось. Правда, плавать по Неве — несколько экстремально. Нет, ничего такого, но это не прогулка. А вот по Фонтанке, каналам, и Мойке мы пронеслись с удовольствием. Даже не смотря на дождь...

Мы с Викой сидели у меня дома, и смотрели «Полицейский из Беверли-Хиллз» на английском. Вообще то, Вика учит французский, и весьма преуспела. Но то, что я свободно говорю по — английски, а она нет, ее раздражает. И она, потихоньку, вполне себе освоила второй язык. Ну, и мы иногда смотрим кино, на английском.

Я снял трубку зазвонившего телефона. Думал что кто то из девчонок Вику ищет. Но это оказался Игорь Ан. Не мое недовольство, он засмеялся и сказал, что Фред его предупредил, что я буду ругаться. В общем, Коля. С тобой завтра хотят встретиться. Не спрашивай, тебе все скажут. Просто не удивляйся. А Фред завтра утром позвонит. Ты уж не бросай трубку Это важно.

Моя футболка Вике страшно идет. Хотя бы потому, что руки все время тянутся проверить, что там? За утренним кофе она попытку проверки пресекла. Но я не мог успокоиться. Звонок раздался в тот момент, когда мы друг на друга рычали. Я — таким горловым рыком, не предвещающим ничего доброго. А она — рычанием сквозь зубы, обещающем множественные укусы. Ясно дело, что я бы ее скрутил и уволок в спальню. Но вмешался ЦК. Тс есть раздался звонок.

На мое отрывистое — Андреев, слушаю. Мне тихо сообщили, что беспокоят из ЦК. И как то сразу стало понятно, что это не ЦК профсоюзов или там Молдавии. В Союзе есть один просто ЦК. Вот он мне и позвонил.

— С вами, Николай Петрович, хотят встретиться. С двух до трех, вам будет удобно? Куда прислать машину?

Собеседник не сомневался, что мне удобно, и записал адрес, куда подать машину без десяти два.

Фред беспардонно позвонил еще в семь утра, когда я вернулся с пробежки. И сказал, что мне позвонят из ЦК, попросят подъехать для беседы. Не кочевряжся, Дух. Просто поговори. Расскажи про свои Кизил-Арватские приключения. Все расскажи. Ничего не скрывая. О чем молчать сам знаешь. На мой вопрос, а с кем разговаривать то? Он ответил что сам увижу. Захотят, представятся. А нет, и не спрашивай. В общем не нервничай. Это всего лишь беседа. Единственное- не пытайся избежать.

Изрядно заинтриговав, отключился, оставив меня в недоумениях.

И вот — звонок. Вот всегда так в Союзе! Партия лезет в личную жизнь граждан, не считаясь ни с чем.

Время до встречи мы провели с пользой. Тем более что Вике предстояло сдавать статистику. А мне политэкономии. Перед тем, как выйти из дома, я даже нашел все учебники. А потом ушел. Не знаю когда вернусь, Виктория. Меня вызвали на заседание малого совнаркома. Я позвоню, если что.

За мной прислали ГАЗ-31. Солидно. Крепкий водила в черном костюме распахнул мне заднюю дверь. Я важно уселся. Даже интересно, куда и к кому меня везут. Ни маячков, ни спецотметок на машине не было. Обычная черная Волга. Правда- тридцать первая.

Автомобиль между тем, нарушая все что можно и нельзя, выехал на Невский, после Дворцовой свернул на набережную. Потом, опять не заморачиваясь знаками, с набережной свернул на Кировский мост. Гаишнику на съезде с моста оказалось достаточно того, что водила взял висящий на торпедке микрофон, и в него подул на всю улицу. Мы выехали на Кировский проспект. Ага. Меня везут на Каменный остров. Там расположены резиденции городской верхушки.

В царские времена это было дачное место, застроенное богачами и царскими приближенными. Сейчас там живут первые лица и важные гости города.

Проезжая Кировским проспектом, я гадал, куда меня привезут. В будущем ФСО введет жесткую индексацию всех резиденций. Объекты охраны на Каменном острове будут идти под литерой «К». Там их, вроде бы, будет десять. Несколько за управделами Президента, а основные — за питерской администрацией. И еще объект «К-0» — особняк компании «Русское Виедео», жалованный Собчаком. А еще там есть пара санаториев. Так что гадать бессмысленно, скоро все сам увижу.

Автомобиль остановился возле глухих железных ворот. В кирпичной ограде, рядом — калитка. Из которой вышел подтянутый мужик, тоже, ясное дело, в костюме и галстуке. Одного взгляда было достаточно, чтоб понять, что шутки кончились. Встречающий был очень круглым бойцом. Гораздо круче меня. Он, впрочем, тоже оценил меня. А потом сказал:

— Николай Петрович? — увидев ответный кивок, пригласил — прошу за мной.

Ах, эти тихие голоса людей при власти!

Участок порос высокими соснами. В дом, виднеющийся чуть левее, мы не пошли. А повернули вправо. Обошли дом и подошли к стоящей на открытом месте, среди сосен, большой беседке.

В беседке стоял стол, с лежащими на нем папками. Несколько кресел. На тумбовом столе у стены стояли какие то бутылки, закуски, и электрический чайник. В одном из кресел, рядом со столом сидел бритый налысо мужик, которого я бы назвал дедом. И читал какую то бумагу. Мы остановились на пороге беседки.

— Андреев! — тихо проинформировал сопровождающий, и мужик у стола поднял голову. Он не изображал, что не слышит. Он и вправду работал. А теперь посмотрел на меня. Во взгляде этого мужика была такая власть, что гнулось окружающее пространство.

Забавно то, что объем власти, к примеру, Горбачева — неизмерим и грандиозен. На территории СССР он более чем всемогущ. Но личное обаяние, и навык публичности, это успешно скрывал от зрителей. А сейчас, передо мной, был человек не публичный, и свою власть не скрывающий. И, очевидно, ее применяющий. Мне сделалось зябко. Чтоб хоть как то встряхнуться, отвел глаза и успокоил себя тем, что мужик ведет беседы на улице, а не в доме.

Погода сегодня не задалась. С утра моросило, потом подул ветер, но тучи так и не растащил. И в воздухе висела обычная питерская влага. Раз человек, что вызвал меня на встречу, сидит на улице, в беседке — стопудов не хочет быть прослушанным и записанным. Это мне показалось забавным. Поэтому, снова взглянув мужику в глаза, я вежливо улыбнулся.

— Я представляюсь — тихо и безэмоционально сказал мужик. — меня зовут Геннадий Федорович Сизов. Я возглавляю Центральную Ревизионную Комиссию ЦК.

Я растерянно сморгнул. По его взгляду я предположил, что со мной говорит душегуб сотого левела, откуда ни будь из КГБ. Хотя и его должность — тоже ничего себе. Если строго формально, то он оценивает решения ВСЕХ партийных органов, на соответствие нормам процедуры. Включая Политбюро. Не считая контроля за прохождением документов. И кадрового контроля. Черт, я как то никогда не задумывался. Ну, есть там товарищ Пельше, всех пугает. А есть вот товарищ Сизов. В состоянии завернуть любой партийный документ. И погрозите пальцем кому угодно. Да и вообще...

Я не успел продумать всех возможностей должности собеседника, как со стороны дома пришел еще один мужик. Но тут гадать не пришлось. Брюки с лампасами. Из под вязаной кофты на пуговицах, виднеется армейская рубашка с галстуком. А на Сизове тоже свитер, из под которого видна белая рубашка с галстуком. Типа аристократия на отдыхе. С учетом погоды. Тем временем генерал подошел и протянул мне руку:

— Вы- Андреев? Меня зовут Виталий Михайлович.

Учтиво и почтительно пожал протянутую руку. Чувак — как бы не маршал. Хотя, кого я из маршалов в лицо знаю, кроме Устинова?

— Садитесь, Николай Петрович — так же тихо и равнодушно сказал Сизов.

— У меня к вам просьба, товарищи. — сказал я- обращайтесь ко мне на ты и по имени.

Казалось бы совершенно невинная фраза в устах двадцатитрехлетнего студента. Да только не все так просто. Дело в том, что в партийной номенклатуре давно сложилось обращение вышестоящего к нижестоящему на ты, и по имени. А наоборот- на вы и по имени отчеству. Есть одна тонкость — это работает только среди своих. С посторонними, партийная номенклатура, разговаривает на вы и по имени отчеству, или обращение — товарищ. Так что это я такой тест закинул, на отношение ко мне.

— Ты прав, Николай. Так проще. — сказал Сизов — присаживайся.

Я сел в стоящее чуть в стороне кресло. Генерал Виталий Михайлович тоже уселся, достал из кармана броек папиросы «Беломор», и закурил, прикурив от спички.

По неуловимым нюансам поведения, было видно, что оба моих собеседника давно и хорошо знакомы. И, мне показалось, что генерала тяготит подчиненное положение. Но может я и придумываю.

— Мы хотим, что бы ты рассказал нам про твою поездку в Кизил-Арват. — между тем продолжил Сизов. — Подробно.

Я хотел встать, но мне махнули рукой сидеть.

— Семнадцатого мая ко мне обратился мой друг Андрей Александров, с просьбой... — начал я.

И дальше сжато, но подробно рассказал про мой анабазис. Умолчал я только про сумку, что утащил из дома Пьянкова. А в остальном старался быть максимально точным.

— ...Потом я поджег лампу, и мы уехали. С аэродрома на Ленинград шел военный борт. На нем мы, спустя два часа, и улетели.

— А ты где служил, Коля? — как бы между делом спросил генерал, гася папиросу в пепельнице.

— В Эстонии, Выру. Первая база РТБ, взвод охраны.

— Это у Герчика? — заулыбался Виталий Михайлович.

— Ээээ... — я растерялся — я командующего ни разу не видел. Разве что его вертолет, когда он скрытность проверял.

— Это ваш взвод действовал на «Синева», при испытаниях пятьдесят восьмого изделия? — деловито спросил генерал — у командира ещё фамилия...

— Лейтенант Батура. А командир бригады — майор Кольцов.

Не знаю, что произошло, но обоих моих собеседников вдруг очевидно отпустило. То есть у них не дрогнул ни один мускул лица, но куда то пропало напряжение, висящее в воздухе.

Почудилось видно, но генерал вроде как кивнул Сизову. Тот задумчиво уставился мне в лицо. И даже собрался мне что то сказать. Но тут за моей спиной раздались шаги. Я обернулся. Охранник, что меня привёл.

— Гидаспов. — доложил он.

— Иди, Коля. Спасибо. — он пару мгновений смотрел на меня. Обменялся мгновенным взглядом с Виталием Михайловичем, и прощально кивнул.

Я встал, исполнил общий поклон и попрощался. Охранник повёл не туда, откуда пришёл, а в другую сторону.

Направляясь к выходу, я растерянно думал, что наши учения в Архангельской области, совмещённые с

испытательными пусками, тогда вышли знатными. Даже коллега Сизова про них знает. Мы тогда на объект проникали, нам противодействовали. Батура говорил, что всем люлей по итогам отвесили..

С другой стороны дома оказались ещё одни ворота и калитка. Сопровождающий открыл калитку и сказал мне: — Вас ожидают. До свидания.

Я вышел, калитка за спиной закрылась. Рядом с воротами стояли Жигули- шестерка Фреда. Он и вылез из за руля.

— Мы, Андрюха, вроде бы решили до нового года не видеться. — проворчал я, пожимая ему руку.

— Да ладно, Коль, жизнь сильнее планов. Садись, я тебя отвезу.

Я огляделся. Заборы с двух сторон, ближайшие следующие ворота, метрах в трехстах. Несмотря на низкое небо, все вокруг дышит покоем. Уселся рядом с Фредом, и он тронул машину.

— И что это было? — спросил я закурив.

— Бгг... познакомиться с такими людьми тебе не интересно? — Фред вырулил с набережной Невки на Кировский.

— Кончай, Андрюха. Зачем я им понадобился?

— Ты не поверишь, они хотели тебя увидеть.

— А смысл?

— Да какой вообще смысл во всей этой истории? — Фред неожиданно пришел в раздражение. — а ты им понадобился как подтверждение реальности произошедшего.

— Это как? Они думали, что мешка с наркотой не было?

— Запросто. Товарищ Адылов вон, семь лет план по хлопку перевыполнял, а ни одного вагона сверх плана не отгрузил. Поневоле захочешь сам убедиться.

— И для этого мне звонили из ЦК?

— Да какой ЦК?! Тебе Комиссия звонила. Это серьезней.

— Комиссия?! Слушай, Фред. Что происходит? — он помолчал, а потом сказал:

— Расскажи мне все, что сейчас видел и слышал.

Чего там рассказывать? Когда я закончил, мы остановились перед светофором на мосту через Карповку.

— Потом меня отвели к воротам. А там стоял ты, Фред. — закончил я. Фред покрутил головой.

— Понятно. Они и вправду хотели убедиться в достоверности произошедшего. И, заодно посмотреть, а не стукачок ли ты. Боятся утечек.

— А кто этот, генерал Виталий Михайлович? Он про мою службу, похоже знает. И что было бы, если бы они решили что я при ГБ трусь?

— Отвечаю по порядку. — мы миновали «Петроградскую» — генерал армии Виталий Михайлович Шабанов — зам министра обороны по вооружениям. Любимец товарища Устинова, за пять лет ставший из простых полковников генералом армии. На учебных пусках новой техники он присутствует по должности. Так что вы, получается, пересекались. Как раз если бы ты был стукач, то ничего бы не было. Просто товарищам руководителям пришлось бы это учитывать.

— А с чего они решили, что я не при ГБ?

— Видимо, их это и заинтересовало. Подготовленный парень — кто такой, откуда? Но ты, с генералом армии, — Фред заржал — знаете вещи, которые вряд ли может знать простая агентура. В документах отражено, что ты фигура случайная. Да и в Финэке ты реально, а не для галочки.

— Бред какой то.

— Это тебе кажется. Гордись. Люди на два дня приехали в Питер. Все расписано по минутам. А на тебя целых десять минут потратили.

— Я внесебя от восторга.

— Да ладно тебе. Главное, никаких ментов, никакого КГБ не просматривается. Все нормально.

— Ктати, а действительно, по стране таскают наркоту и денжищи, а где комитет? Чего это они?

Фред неожиданно опять засмеялся.

— А у них шпион сбежал. Вот его они и ловят. Какой то Гордиевский. В десять утра выписан особый ордер на арест. С войны таких не выписывали. А они уверены, что он у нас объявится. Так что им не до глупостей.

Фред меня высадил на углу Гостиного Двора и улицы Ломоносова. Я побрел к дому, нижней галереей Гостиного. Встреча состоялась и вправду интересная. И дело не в чинах собеседников. Хотя и это внушало.

Вообще-то Фред проговорился. Слово Комиссия он произнес с придыханием. Не только с большой буквы, но и с огромным пиететом. И это не трепет перед Центральной Ревизионной Комиссией ЦК КПСС. Все гораздо сложнее.

На первый взгляд, все просто и понятно. Свертывание операции ГРУ пошло слегка не так. И ситуацию решили изучить старшие товарищи. Со мной беседовали представитель минобороны и контролирующих органов. Фред

прав, им хотелось понять, а не туфту ли им впаривают, с целью далеко идущей интриги? Я, как источник, идеален-ничей. Что видел то и рассказал.

Да только это — лишь первый слой событий. Вторым слоем идет возникшее после смерти Брежнева противостояние, грубо говоря, ВПК и более-менее вменяемых политиков. Экономика трещит по швам, под непомерными оборонными расходами. И любой косяк одной из сторон качнет чашу весов в пользу тех или этих.

С этой точки зрения, кстати, Горбачев — совершенно компромиссная фигура. Романов, которого прочили в генсеки, очевидно и жестко связан с ВПК, и кроме Минобороны никого не устраивал. Гришин, ещё один кандидат в генсеки, пугал ЦК и политбюро аскетизмом, демократичностью, и решительностью.

И все бы хорошо, если бы не слово «Комиссия». Слухи о существовании неправительственной и, если угодно, надправительственной структуры, ходили давно. Говорят, что она появилась чуть ли не по инициативе Сталина, в тридцатые. Там, выражаясь современным языком, в режиме онлайн, решались вопросы снабжения, расчетов, и кадровых решений. Опуская слухи, которых я слышал предостаточно, я вспомню только Юлия Дубова, который впервые написал об этой организации в своих мемуарах. О чудовищно влиятельной общественной комиссии, что заседает ежедневно, без выходных, и решает оперативные вопросы. В частности готовит кадровые и логистические рекомендации для правительства. Точнее, для правительственного комитета по оперативным вопросам.

Некоторые из участников этой странной организации были на слуху. К примеру, Александр Вольский. Не имея хоть сколько то значимой должности, он, тем не менее имел личные кабинеты на Старой Площади, в Минфине, и Академии Наук, а потом и в Правительстве.

Ещё есть апокриф, что в конце девяносто первого, начале девяносто второго, именно эта комиссия управляла страной, пока не была окончательно утверждена новая власть.

Это странно и невероятно, но именно я, сам, желая быстро срубить бабла, и слегка проредить питерский бандитский бомонд, это все и устроил.

В прошлой жизни, в это время, всех забот было, ехать в строяк, или ну его. А здесь я тыркаюсь наугад, вызывая неконтролируемые последствия. Причём, в прошлой жизни мне не хватало движухи и приключений. А сейчас все, чего я хочу — посадить Викуню себе на колени, и зарыться лицом в медные волосы. А без всего остального я прекрасно обойдусь. Да только, кажется, все остальное так не думает.

Лес вдоль Приморского шоссе густой. После Зеленогорска трудно поверить, что недалеко Ленинград. В нулевые, по берегу залива, будут сплошные коттеджные поселки. Сейчас я заметил всего один дачный кооператив, километрах в трех от побережья.

Вчерашний день, закончился на минорной ноте. Позвонил Викин отец и увез ее на дачу, под Всеволожск. Он и меня звал, но я вежливо отказался. Борис Сергеевич рано утром уедет на работу, а я попаду в лапы Светланы Артуровны. И ладно бы она заставляла копать или носить. Ей нужен слушатель. Желательно восхищенный и потрясенный. А у меня с этим не очень. Одна ухмылка, которую я безуспешно пытаюсь прятать.

Когда Борис Иванович подъехал, мы спорили с Викой о научной работе, и моем выступлении в Москве в частности. Её заело мое нежелание. Настолько, что она рассказала отцу. Закончивший трудовой день чиновник был благодушен, и решил выкурить сигарету в моем обществе. Мягко поинтересовался, кем я хотел бы быть. Ну не скажешь же ему, что хочу замутить небольшой расчетный банчок, который потом продам какому ни будь монстру. А на вырученные деньги, куплю остров в Полинезии, и стану вождем местных племен. Провозгласив его дочь местной богиней. Пришлось отшучиваться. Читать стихи:

— «Не хочу ни богатства, ни света, ни тени,
Не желаю ни слова, ни вздоха, ни мысли,
Я хочу быть невнятной лесной хренотенью
И под ёлками жрать непутёвых туристов.

А когда надоест — то сожру сразу много.
Пусть менты на меня устроят облаву,
Я их сколько-то съем и уйду прямо к богу,
Что бы он подыскал мне другую забаву.

Бог меня превратит, странно судеб плетенье,
В небольшого песка, килограммов на триста,
Что питается странной лесной хренотенью,
Что под елками жрёт непутевых туристов...»(с)

Они посмеялись, и уехали. А я пошел учить политэкономии. Да только как то не лежало у меня сердце к учебе. Сделал чаю, и включил телек. В программе «Время» героически повышали удои, бились за плавки, и боролись за дОбычу. И вроде бы легкий ветерок перемен уже подул. Но миру явили какого то комсомольца, с какой то комсомольской сходки, что грустно глядя с экрана сообщил:

— Мы, рожденные в шестидесятые — потерянное поколение. Отцам и дедам достались битвы и подвиги. А мы просто живем. И мещанство у нас часто не находит отпора.

Любому смотрящему телевизор сразу было ясно, что чувак читал и Хэма, и Ремарка, и что единственное достойное дело в Союзе — это битва. Действительно, взрастили целый народ с мыслью что главное — это подвиг. А без него и жить не стоит. И чего потом удивляемся, что патриотизмом считается желание воевать, а не работать. Мысленно плюнул, и парадоксально решил, что яж комсомолец. Хотите подвига? Я попробую. И пошел собираться.

Встречу на Каменном острове я выкинул из головы. Я согласен с Фредом. С высоты небожителей, что со мной беседовали, я не различим, и мне нечего опасаться. Но, когда мы ехали обратно, Андрюха обронил фразу о том, что Гордиевский все же сбежал. Я, честно говоря, разозлился.

Олег Гордиевский — настоящий и ничем не прикрытый враг моей именно страны. Я думал, уж с моей-то наводкой, его возьмут. Но, как водится, КГБ не пляшет против настоящих врагов. То ли дело диссида, или прворовавшиеся менты. А тут, мало того что не сдался рыдая, еще и сбежал.

Когда то, достаточно случайно, я подробно ознакомился с историей его предательства. И, что интереснее — побега. Если он сбежал сегодня утром, то завтра утром я его возьму. Всемогущее ГБ ведь обделается, к удовлетворению врагов.

Вот так и вышло, что я сел в авто, и поехал в город Сестрорецк. Где перночевал на даче, в компании Софьи Игоревны Гейнгольц. А в пять утра я ушел, как бы на прогулку, оставив машину во дворе. Неторопливой трусцой добежал до Белоострова. И, на первой выборгской электричке доехал до станции Ушково.

Я исхожу из того, что вряд ли у него изменился план побега. В той реальности план отлично сработал. Да и здесь, пока, вполне успешен. Хотя я гбешникам передал, что он будет скрываться в лесу, между Зеленогорском и

Выборгом, в лесу нет никого. Группы поиска и прочие мероприятия я умею определять. Нету их.

В другой реальности, Гордиевский приехал на поезде, следующим утром после побега, то есть сегодня. На Витебский вокзал. На электричке доехал до Зеленогорска, и приехал сюда на маршрутном автобусе.

Я решил попробовать его все же поймать, по двум причинам. Он олицетворяет все то, что я ненавижу. Все то дерьмо, что никогда не тонет. И идет по головам. Даже думать не хочу, скольким вполне приличным людям этот урод сломал жизнь.

А вторя причина его поймать — тоньше. Его побег вызвал грандиозный скандал. И куча вполне крепких профессионалов из советских спецслужб вынуждены были уйти в отставку или поменять место работы. Приведя к руководству в органах людей никчемных и пустых. Типо Крючкова и прочих. Двинув по служебной лестнице вверх и вовсе отстойных персонажей. И вот этого — не будет, если Гордиевский останется в Союзе.

Теоретически, его можно было бы слепить на выходе из поезда. Но — вокзал, оживленное место, пассажиры, у него ксива. Боюсь, менты мне не поверят. Не считая вопросов, что мне будут задвать. И это даже если я его сумею опознать. Насчет проследить до безлюдного места, я не заблуждаюсь. Он преподавал и писал учебники по контрслежке.

Но, я знаю место, где он залезет в багажник дипломатического Шевроле, едущего в Финляндию. На Приморском шоссе, за Зеленогорском. Вот в лесу, он против меня не канает от слова совсем. Я не сомневаюсь что его не только найду, но и упакую.

План его побега прост и эффективен. На длинном правом повороте Приморского шоссе, две дипломатические машины Английского посольства, на целую минуту скроются из виду машины наблюдения и сопровождения. Вполне достаточно, что бы встать из кювета и запрыгнуть в открытый на ходу багажник. Причем делалось все среди белого дня. В одиннадцать утра.

Я услышал его издалека. Да он не сильно и скрывался. Сидел под сосной и покашливал. Спортивный костюм, кроссовки Адидас. Хе. Любой случайный человек решил бы, что просто турист приبلудился.

Проблем я не видел. Разве что раздражала балаклава, что я натянул на лицо. Я подошел сзади и сказал:
— Медленно лечь, руки за голову.

Он, понятно вскочил, и завертел головой. Никого и ничего, кроме меня, не увидел. Спросил:
— Ты кто?

— Не твое дело. Давай, мордой в землю. На Лубянке локти до плеч сгрызли, от нетерпения, поговорить хотят. Это во мне мягкотелость развилась. Не смог подойти и звездануть по голове человека. Пришлось провоцировать. Он на меня бросился, ясное дело. Он, значит, у нас занимался самбо. Попытался захват-рывок-бедро-удушение. Ну и получи за ухом. Раз подставляешь.

Дальше я достал из рюкзака, что даже не снимал, длинную веревку. И крепко его упаковал. Тщательно следя, что бы не забыться, и все узлы были морскими. Потом примотал его к дереву. К редкой в этом сосново-еловом лесу березе. Для эстетичности фот, что будут делать. Потом похлопал его по щекам. Он открыл мутные глаза. Достал припасенную тряпку, и заткнул ему рот. Глянул на часы, начало десятого. Отлично. как раз у ментов все пересменки с разводами закончились.

А потом я ушел. Где то час он точно не развяжется.

Зеленогорск и в двадцать первом веке не сильно впечатлял. А сейчас я и вовсе вышел к каким то полуразвалинам, барачного типа, образующим что то типа пустынной улицы. Стараясь не попадаться на глаза женщинам, что стояли у водяной колонки, я, за домами, пошел в сторону Ж/Д.

Тут мне повезло. В открытом окне барака, что я проходил, вдруг зазвонил телефон. И, не переставая, звонил раз пятнадцать. Беглый взгляд указал, что это что то служебное, типа прорабский. Ага «Дорожный Участок № 17». Дорожная служба. Вон, поодаль техника, скрепер. Запрыгнул в окно, в пустой кабинет, и снял трубку. Набрал 02. У меня были приготовлены двушки, мало ли. Но где в этом Зеленогорске автоматы искать?

— Милиция. Дежурный, капитан Юсупов.

— Слушай внимательно, Юсупов. На шестьдесят пятом километре Приморского шоссе, в трехстах метрах, в глубине, к березе привязан преступник. Его фамилия Гордиевский. Повтори — рыкнул я. Я ващет умею. Хотя бы потому что он без запинки повторил.

— Немедленно позвони в КГБ, они его ищут. Срочно высылай наряд, что бы они его задержали. Держать в наручниках. В разговоры не вступать. Передать КГБ. Хочешь, сам езжай. Как хочешь, но если он уйдет, я тебе нахер погоню оторву. Повторяю, любые действия после задержания- только в присутствии КГБ. Просто назови им фамилию. Гордиевский. Все блять понял?

Главное в этой истории, это вовсе не поймать этого козла. Главное было не попасться. Искать меня будут изо всех сил. Но вряд ли у них выйдет. Уходя после звонка, я вышел к железной дороге, и с километр бежал по шпалам. А потом ушел в лес с левой стороны. Миновав Зеленогорское кладбище, я несколько раз пересек ручьи. И лесом добежал до Комарова. Ну, в которое, на недельку, до второго. В лесу переоделся.

На битву с Гордиевским я вышел в кирзачах, трикотажных штанах, тельняшке, брезентовой спецовке, балаклаве и перчатках. С брезентовым рюкзаком за спиной. К платформе Комарова, со стороны санатория, пришел парень в костюме Адидас, кроссовках Найк, бейсболке и с рюкзачком Спидо. Любому с первого взгляда понятно, что какой то мажор, возвращается в Питер с гламурного отдыха.

Электричка шла на Питер без захода в Сестрорецк. По вагону пару раз прошел наряд ментов, внимательно разглядывающих пассажиров. Может, уже и меня ищут. Но дорого одетый чувак, дремлющий у окна, их интереса не вызвал.

Я вышел в Белоострове, и, в ожидании состава на Сестрорецк, купил и заточил мороженое с розочкой. И об чем восторг? В Риме, на площади Навона — кафе, где впервые сделали мороженое в том виде, что он существует. Бывая там, я всегда покупал большую плоскую вафлю, с семью разноцветными шариками, политыми вишневым сиропом. Стаканчик с розочкой — не конкурент. Вот чебуреки, что делают на Большом, Петроградской стороны, это да. Париж с Римом отдыхают. Заеду, пожалуй, на обратной дороге.

Когда я вошёл в дом, Софья Игоревна гоняла чай. Её давняя подруга — соседка, которую я называю баба Таня, испекла пирожков. Хотя, понятно. К Софье Игоревне приехал внучатый племянник, и его хотят побаловать. Уплетая второй, с мясом, я подумал, что, пожалуй, останусь здесь до завтра. А завтра поеду на экзамен прямо отсюда. Мы сидели на веранде, с видом на залив, и болтали о всякой всячине.

Мое появление в ее жизни, Софья Игоревна восприняла с тревогой. Находясь в тяжелой депрессии, после кончины мужа, она не ожидала больше ничего хорошего. Но потом появился я, с предложением сложной цепочки разменов. В результате она получала деньги на приличную жизнь, а я ее квартиру.

Да только я привязался к старухе. А она, будучи женщиной умной и опытной, меня вмиг расколола. Разговор вышел забавный. Она просто спросила, ты где деньги взял, Коля? Только про наследство не ври. А мне страшно надоело врать всем. И я рассказал ей часть правды.

Что спер деньги у вороватой заведующей сельпо, которая виновна в гибели деда. И все подробно поведал. Её реакция меня изумила и развеселила. Мы сидели в гостиной на Грибоедова, и, как сейчас, пили чай. Она взяла из моей пачки сигарету. Вполне умело прикурила и затянулась. А потом жена академика Гейнгольца, ответственный сотрудник питерского издательства художественной литературы. Женщина, приятельствующая с Ахматовой, знакомая с Пастернаком, Граниным, Бертгольц, и, практически всем околосредовым Питером, сказала:

— Я таких сук, Коля, по зоне бушлатом гоняла. Не казись, ты все верно сделал.

Только тут я вспомнил, что она была репрессирована, в тридцать седьмом. Отсидела почти десятку. И, почему то, сразу ей поверил. Было в ее осанке нечто.

Кроме всего прочего, мы уже вместе наврали моей маме, что я Софье Игоревне выплачиваю деньги на старость, а она прописывает меня к себе. В общем, отношения практически родственные.

Вдобавок, познакомившись поближе, она отписала в завещании мне и эту дачу. Хотя я искренне отказывался. Но она настояла. И теперь, как бы невзначай, интересовалась, что вот Сурков строит себе дачу. А ты, Коля что же? А я, запивая уже третий пирожок чаем, отвечал, что вот не дачник я. Тогда она заходила с другой стороны, а что Вика думает? А я ответил, что вы правы, пойду, позвоню. Узнаю, что она там думает.

Бредя улицами дачного кооператива, я с удовольствием вдыхал пахнувший соснами и морем воздух, и и думал, что нужно будет как ни будь с Сурковым поговорить про загородное строительство.

В Советском Союзе телефон имел далеко не всякий дачный кооператив. Наш с Софьей Игоревной — имеет. Днем его выносят из домика правления, и ставят на полку у двери. Что бы товарищи дачники могли позвонить в город, и попросить близких привезти продуктов, или вызвать на прополку огорода родственников. Возле телефона всегда небольшая очередь, и все греют уши списком покупок, или описанием старческих болячек. По молчаливому уговору, один разговор не больше трех минут. Внучатый племянник Софки Гейнголец, вызвал в массах оживление. Меня пустили без очереди.

На даче у Викиных родителей, сняли после первого гудка.

— Это я. — говорю, не сомневаясь, кто снял трубку.

— А это я — фыркнула Виктория — привет.

— Дай угадаю. В кресле у окна, с книжкой, сидит Светлана Артуровна, и делает вид что не слушает, о чем ее дочь болтает с этим Андреевым.

— Не угадал, мама пошла валяться, после обеда.

— Это полностью меняет дело! Быстро расскажи как ты скучаешь.

— Ничего подобного! Не скучаю а удивляюсь. Почему ты не приехал и не забрал меня отсюда?

— Тебя в Москву тянет.

— А тебя нет?

— Меня, Вик, тянет в Венецию. Нужно будет нам с тобой съездить.

— Ты же говорил в Париж?

— Послушай, раз ты со мной связалась, Париж тебе и так надоест. А вот Венеция — это изредка. Мы с тобой туда приедем не как лохи какие то, через Местре, или катером прямо из аэропорта. Мы с тобой поедem с Пунто Сабioni. И не на пошлом такси-катере, а на пароме. Вылезем на верхнюю палубу и я тебе все покажу. Бурано, Мурано, Лидо, и Крепость Святого Андрея. Прямо из центра Венеции на нас выплывет океанский круизный лайнер.

— Меня укачает, Коль.

— Во первых, там всегда шгиль. А во вторых, мы же не сразу на паром попремся. Там, рядом с пирсом, забегаловка Джузеппе. Он нальет тебе апероля. А меня угостит граппой. После этого не укачивает. Солнце будет отражаться в воде, и мы не заметим как причалим рядом с Сан Марко. Пойдем мимо Дворца Дожей, и направо. Я тебе покажу, где у них привязаны катера для перевозки трупов. Вот объясни мне, солнце, причем здесь Москва?

— Ты приедешь?

— Не, я в Сестроречке. Завтра, после экзамена поедem с тобой есть мороженое в ДК Кирова, там Аукцион выступает.

— Ну и ладно! Передавай привет Софье Игоревне.

Очередь с вниманием и одобрением выслушала мои речи, и не успел я отойти, приступила к обсуждению. А я побрел в домик к старухе, надеясь провести тихий вечер за неторопливой беседой, и лечь пораньше.

Да только зря надеялся. Ещё на подходе к участку меня перехвалил председатель дачного кооператива. Сказал что тоже к Игоревне идёт. Поделился, что участки будут газифицировать, вы будете подключаться? И я понял, что дом строить все же придётся. Дом на берегу залива, в черте города, со всеми коммуникациями, в нулевые, будет стоить конских денег. А сейчас газификация участка стоит тридцать семь рублей. Представил торжествующую рожу Суркова и грустно согласился подключаться. Я уже строил себе загородные дома, и знаю какой это гимор.

Но Серафим Петрович шёл к Софье Игоревне вовсе не за этим. Приехала Тамара, и у группы пенсионеров просмотр по видуку фильма «Роман с камнем». И я уехал.

Ни пробок, ни какого либо усиления, на въезде в город не было, так что добрался быстро.

Преподавателя по статистике зовут Иосиф Абрамович Ватник*. Он преподаёт не только у нас, но и в инженерно-экономическом, и в универе. Слывет полным пофигистом. Это выражается в том, что перед экзаменом он выстраивает группу в аудитории, и раздаёт студентам билеты. Потом сообщает, что вернётся принимать экзамен через два часа. Прошу товарищей студентов согласовать очередность, что бы мне не сидеть без дела. И идёт в буфет. Там он два часа читает газеты, или что то пишет, запивая кофе.

Студенты, в процессе подготовки к ответу, вольны делать что угодно. Андрюха Ефимов, из Викиной группы, к примеру, взял такси и уехал к знакомому специалисту, что согласился решить ему задачу. Подготовившись, идут к Ватнику и сдают. Его не колышет способ, которым студент подготовился. Его интересуют знание и понимание статистики. Может поэтому статистику у нас более-мнее знают. Потому что зубрежка у него не прокатывает.

Вернувшись домой, я пол ночи трепался по телефону. Сначала с Иво, потом с Викой. И поэтому на экзамен позорно проспал. Когда я пришёл в институт, Вика сидела с ногами на подоконнике, в коридоре, и, положив на колени тетрадку, строчила ответ на билет по статистике. Увидев меня засмеялась, и съехидничала про такому человеку даже тройку не поставят. У меня экзамен по политэкономии, которую я не очень люблю.

Несколько человек из нашей группы уже отстрелялись, и я пошёл в аудиторию, сделав умное лицо. Потянул билет.

Деньги и их существенные черты. Закономерности формирования и развития монополистического капитализма. Ерунда. Уселся у окна, и задумался. Что то сместилось. Гордиевский в той реальности сбежал двадцатого июля. А сейчас на месяц раньше. Ушёл я вчера чисто. Не найдут они меня. Единственный человек, что меня видел — сам Гордиевский. Да и что он сможет описать? Рост, вес... все. Веревку я спер в Питере. На глаза я никому не попался... вдобавок секретность. Эта история катастрофически позорна для КГБ. И они ее постараются замять. Нет, предателя не пожалеют. Но меня будут искать вполсилы. Чтоб не всплыли причины поисков...

Ответ на билет препода не устроил. Он попытался углубиться, я скучно отбрехивался. В общем — четверка.

Препода полистал мою зачетку, и сообщил, что пересдать можно будет только через пол года. Пожал плечами и пошёл искать Вику. «Аукцион» сейчас — самая стильная питерская команда, в смысле музыки. Ей понравиться.

Но все планы разбились. У Виктории дачная жизнь, вечером ее с мамой ждут в гости соседи. И расписание визитов расписано на три дня вперед. Сейчас подъедет машина за мной, Коль. Поехали, не съест тебя мама.

— Увы, Виктория, есть парни двух типов. Одни поедут с тобой по первому свистку и куда угодно, другой- суть монстр без души и сердца. Или у нас в планах разрыв? Она засмеялась, прижалась и укусила в шею.

— Никуда не денешься! Нам ещё доклад Проничевой писать. Через недельку и начнём. А пока- не обижайся. Маме там одиноко.

— И даже не думай, что ловко мной проманипулировала! Я и так уже собрался согласиться на Проничевское предложение. Оделся в чистое. Вспомнил жизнь, где был, что видел. Кто знает, как оно там, в Москве, и хороши ли москвички. Почти готов.

Мы стояли у моста через канал, и болтали ещё минут двадцать. А потом она уехала.

Я закурил и решил сходить в Апраксин. Там, в комиссионном отделе электроники, тусуются продавцы видеокассет. Вдруг что найду? Проходя Банковским переулком, с изумлением увидел открытую рюмочную. Зашёл, конечно. Нас не закрыли, Коля! До следующего года спокойно работаем. Махнул рюмку коньяку на радостях.

Топая к Апрашке, я размышлял о том, что нужно бы узнать, нет ли какой суеты с Чернобылем? Сделать это не очень сложно. А то будет глупо. Эти все, могучие ведомства обложатся бумажками, из которых будет следовать что — сделано все, и даже больше. А что блок рванул, ну, так вышло. Гордиевского вон- упустили, и никто не виноват. Так что съезжу ка я домой. Позвоню Суркову, вместе веселей.

Я купил «Амадей» в переводе Володарского, «Клуб Коттон», и «Человек со звезды». Вике понравится. Возвращаясь домой, прикидывал, стоит в Обнинск звонить, или завтра утром. Нормальный, мобильный гамма — датчик, по любому дело хорошее. Нужно будет Татищева пнуть.

Сурков позвонил сам. Пока ты там, Душина, невесть чем занимаешься, у меня тут женский клуб. Девки после экзамена к нам в гости приперлись. И мне теперь срочно нужно выпить. Я никогда не хотел знать все эти подробности. Давай, Серега, в Фиглю подтягивайся, ее не закрыли.

— Как там Ирка? — Сурков не выглядел особо подавленным.

— Обошлось. Хотя с капризами она совсем уже. Да ладно, не долго осталось.

Мы выпили. Дальше разговор пошёл о простой и ясной ерунде. О музыке, про одноклассников, и про футбол. Посплетничали про Иво, и я вспомнил, что так и не прокатился с Викой по каналам. Сурков рассказал, что залил под свой загородный дом фундамент. Для строительства, сейчас, используется забавная схема. Ты, разными способами, находишь бригаду. Дальше договариваешься с местным колхозом, или ещё каким предприятием. Они

официально принимают найденных тобой людей на работу. И, за не очень большие деньги, заключают с тобой договор на строительство. Которое ведут найденные тобой люди. С ними ты, понятно, рассчитываешься дополнительно. Эта схема исключает вмешательство ОБХСС. Все законно.

Вот Сурков и договорился с председателем совхоза в Бронке. Рассказывая мне все это, Серега оживился, и даже как то воспрял. Забавно, но ему и вправду всю жизнь нравилось строить. Меня, человека строившего себе загородный дом не раз, его воодушевление веселило.

— Ты на пороге гибели, но я тебя спасу, Сурков.

— Ты же ещё не видел проект и чертежи.

— Сурков, в строительстве загородного дома проект — это сущая ерунда, и не имеет значения!

— А ты то откуда знаешь?

— У бабушки, на Кубани, я участвовал в пяти замесах.

— Замесах?!

— Дикарь. Замес- это перемешивание глины, соломы, песка и воды. Для изготовления самана, из которого строится саманный дом. Осуществляется методом верховой езды на лошадях, по кругу из этой самой глины. Дело опасное — ты, на лошади, в плавках. Чуть зазеваешься, и ты уже в стогу, с селянкой, что утащила тебя вместе с лошадью. И, пока ты борешься с крестьянкой в недрах копны, конь флегматично объедает стог. И запросто может укусить твой голый зад, Сурков!

— О, так ты гуру архетиктуры?

— Корбюзье — жалкий паяц мечтавший со мной поработать.

— Ты вообще о чем?

— Я о том, что существует тайная инструкция, для ступивших на тропу строительства своего дома.

— Огласи.

— Если только фрагментами. К примеру, вот эти твои расспросы председателя совхоза, кто и что из его строителей может.

— А что не так?

— Первая нанятая тобой, Сурков, бригада должна состоять из четырёх — пяти рослых, можно толстых, мужчин. Профессиональные кондиции ни к чему.

— И в чем суть?

— Приведи их на участок, расставь в художественном порядке, и убей. Ты через пару дней их все равно грохнешь. Страшно жалея, что не сделал это сразу. Так что не откладывай.

— Всех?

— Абсолютно. У следующей бригады уже можно поинтересоваться навыками. Но, скорее всего, это не к чему.

— Почему?

— Ты приведёшь их на участок, покажешь трупы, прикажешь их отнести к болоту. И закопать в трясине.

— Закопать в трясине?!!!

— Вот когда они тебе это скажут, вот этими словами, и таким же тоном, сразу их кончай. Прямо на этой трясине, чтоб не мучаться.

— Но зачем?!

— Затем, что третья бригада, увидев судьбу двух первых, минут за пятнадцать осушит трясину и закопает трупы так, что никто не найдёт. Но не обольщайся. Все только начнётся.

— Что?

— Ты думаешь, что они будут хорошо работать? Отнюдь.

— Полагаешь, их тоже придётся исполнить?

— Вот откуда в тебе эта звериная жестокость, Сурков? Простые переломы, легкие увечья, и постоянные побои. Что бы к появлению отделочников, они непрерывно орали от боли и ужаса. Ты прикажешь отделочникам их грохнуть и закопать, чтоб не мучались. Так отделочники будут осознавать спектр возможностей. Это конечно не поможет.

— Да ладно тебе!

— Серега! Готовься к тому, что приказав что то покрасить в зелёный, ты увидишь там красный! Но страшно не это.

— А что?!

— То, что все окружающие, включая пролетающих ворон и бесхозных собак, будут тебя уверять — какой это красный?! Это ж зелёный!

— Да ладно!

— Пойми, Сурков, все население, в радиусе десяти километров, будет иметь сыто- пьяные морды и мечтать только об одном.

— О чем?

— Что бы это строительство никогда не кончилось.

— То есть, отделочников тоже непрерывно избивать?

— Азиат! Мы — европейцы. Поэтому нужно будет применить метод индивидуального террора.

— Выбрать одного?

— Ну вот же, Сурков! Короткая лекция, и ты почти постиг дзен дачестроителя. В общем, больше всего подходит электрик. Чуть зазеваешься, и в сортире висит люстра «Каскад». А спальня хаотично утыкана двадцатью восемью бра.

— Список мер?

— Поэтапная кастрация.

— Публичная?

— С продажей билетов.

— Наверное ты прав. Опять же на оплату самой работы. А если всех рабочих грохнуть- экономия.

— Сейчас я скажу страшное, Сурков. Готов?

— Что ещё?

— Ты смету прикинул?

— Конечно, с запасом.

— Даже если ты, Серега, ни копейки не потратишь на рабочих, стоимость строительства смело умножай на три.

— На три?

— Вообще то, лучше сразу на пять. Но не хочу тебя расстраивать.

— Я не пойму, ты меня пугаешь, что ли?

— Нет, всего лишь намёк. Не делай глупость, Сурков. Брось ты эту дачу. И дело не в деньгах.

Серега налил нам ещё по одной, и закурил, откинувшись на стуле.

— Знаешь, Дух. Когда ты уехал в Хельсинки, все, абсолютно все, понимали, что ты уезжаешь навсегда. Тетя Таня с тех пор красится регулярно. А я, на следующий день после твоего отъезда встречался с Фредом. И поспорил с ним, что ты вернёшься. На тысячу рублей, между прочим.

— Что, так видно, что я без Вики никуда?

— Причём здесь Вика, Дух?! Ты ведь, даже сейчас, ее запросто через все границы на себе перетащишь. Хотя, я думаю, ты бы что то экзотичное придумал. Ну как с Сорбонной предлагал.

— Да? А с чего тогда такая уверенность? Ты редкий человек, Сурков, которому Фред проспорил. Я про таких и не слышал.

— Да ни с чего. Я просто подумал — а вдруг Колян вернётся?

— Ну и к чему этот спич?

— Да просто я все равно дачу построю. Вдруг она получится охуенной?

— Ну нет, Серёг, я не буду с тобой спорить. Тем более, что Софье Игоревне газ будут подводить.

— Ах вот оно что! Вот к чему все эти страшилки! Так и знай, Дух, я не буду строить вам с Викой дом. Сами.

— Пф... Сурков, я тебе предлагаю задаром отточить навык управления строительством!

— Насчет задаром, мне особенно понравилось.

— Что?! Ты хочешь с друга деньги требовать?!

— Блять, вот как у тебя так выходит?! Мы уже не обсуждаем, строю я тебе дом или нет. Мы обсуждаем мой гонорар!

— Бгг, Сурков. Я как раз сейчас сочиняю блюз. Он будет начинаться так: «Когда то я был веселый и умный, теперь я давно женат...».

— Дух. Только такой как ты, мог превратить третье мужское предназначение — построить дом, в грех, после которого адовы муки — награда. По сравнению с которым, беспорядочный трах и бесконечный алкоголизм-невинные шалости. Скажи, ты хорошо спишь?

— Сейчас не очень. Родители Вику на дачу увезли. Вот и болтаем ночами, по телефону. Слушай, давай поедem, настучим тамошней вохре по тыкве, и ее украдём?..

Когда я, поздно вечером позвонил Виктории, она пыталась делать вид что спала. Рассказал ей, что дело сделано, мы с Сурковым разработали план захвата вашего дачного посёлка. С целью твоего похищения. У тебя, Вик, нет шансов. Но зачем?! Хочешь, я сейчас приеду? Какая ты не романтичная! Комсомол требует от членов и членок подвигов и преодоления. Так что вот тот ковёр, в твоей комнате, всегда держи вычищенным. Я буду тебя в него заворачивать. Когда? На днях. Завтра мы с Сурковым отправляемся в свои поместья, в глубинке. И куда вас несёт? Толком не решили. Порыбачим наверное. Ведь это женщины любят ушами, а мужчины любят рыбалку. Я

позвоню Татьяне Васильевне, предупрежу. Правильно! Стать моей секретаршей — архивное решение, Викунь, может я даже решу тебя соблазнить. Не пыхти, короче нас пару дней не будет. Не переживай.

* — совершенно реальный профессор, по фамилии Ватник. Я только забыл имя. То ли Иосиф Абрамович, то ли еще как то. Я сдавал ему статистику в описанном формате.

Протоколы Сионских Мудрецов писали вовсе не сионцы, а весьма талантливые ребята. По заказу жандармов. Ничем иным не объяснить, что высасывая жуть из пальцев, они смогли предугадать почти все что случится в России, в двадцатом веке. Полицейско-придворные круги, всего лишь хотели провести пропагандистскую компанию, для укрепления единства. А получилось столь точное описание будущего, что, и в конце двадцатого века, политологи не переставали объяснять. О том, что отслеживая тенденции, легко угадать предстоящие события. И развал Империи, и гибель царской семьи, и кровавых правителей и вторую мировую.

История учит тому, что ничему не учит. Потому что в недрах КГБ, занятых идеологией, в конце шестидесятых был изготовлен аналогичный документ. Только назван он был «План Даллеса». Сочиняли его, обложившись секретными сводками и запрещенной литературой, группа писателей и журналистов, под руководством украинского писателя Дольд- Михайлика. В целях конспирации, называлось это — семинар молодых писателей Союза Писателей СССР. Ходили слухи, что именно на этом мероприятии, новый председатель КГБ товариш Андропов, заметил и ласково потрепал за холку полярно- милицейского романтика Юлиана Семенова. После чего началось триумфальное шествие по миру Штирлица, и сына его, майора Вихря.

Но речь не об этом. Речь о том, что в этом «Плане Даллеса» были подробно предсказаны все события, что случатся на территории СССР с восьмидесятых, и вплоть до двадцатых годов двадцать первого века. В частности, в этой писулке много говорилось о центробежных тенденциях внутри СССР. И необходимости всячески содействовать противостоянию Украины и России. Которое приведет к краху Союза, и последующему распаду. О невозможности, из — за этого конфликта, для России, быть полноправным участником международных отношений.

Я вполне допускаю, что где ни — будь, на Уолл-Стрит с этим документом ознакомились. И воскликнули — «А неплохо придумано! Давайте так и поступим».

Но, шутки — шутками, а техногенные катастрофы на Украине в этом плане были прописаны. А сам план пошел гулять по книжкам и статьям как не вызывающий сомнения. Я его фрагменты читал у того же Семенова и Дольд-Михайлика. Еще у кого то...

Мы едем с Сурковым домой, и лениво обсуждаем его строительные идеи. Я, заодно, размышляю о том, с кем лучше всего поговорить, что бы узнать, пошел какой-то шухер по реакторам РБМК, или все как обычно.

Сурков генерит про кирпич, бетонные плиты и штукатурку. Судя по всему, предполагается, что его дом выдержит обстрел небольшим линкором, одновременно с авианалетом. Вот если бы еще на чердаке какой крупняк поставить, то все. Хотя, нужно честно сказать, в набросках его дом выглядит вполне приятным коттеджем. Никаких башенок, и средневековых бойниц.

— А Ирка то что говорит?

— А то ты не знаешь мою жену! Она так меня хвалит, что хочется ее придушить.

— Было сразу понятно, что одним борщем, дело не кончится.

— Ты это, Дух, фильтруй.

— Не злись, просто, ты же знаешь, что про женщин говорят.

— А что говорят?

— Не знаю. Я думал, ты знаешь.

— О! Я тебя придушу. И жена жива, и мир без тебя вздохнет.

— Пфф... Проще отказаться от строительства, я то пригожусь еще.

— Это да. Я думаю с твоей мамашей поговорить, насчет стройматериалов.

— Рисковый ты парень, Серег. Сразу прикинь, где у тебя лучше будут смотреться следы побоев. Ты их получишь от мамани, как только откроешь рот.

— Ха! Твоя мать била меня больше, чем мои родители.

— Видимо, мало била.

— Ты кругом прав, Дух. За исключением одного нюанса.

— Ооооо? И чего же я не знаю?

— Следующим летом вы с Викой тоже начнете строить дом.

Я хмыкнул про себя. И вправду. Нужно будет с Вичкой обсудить, как она его видит. Вообще то, мне очень нравится их дача, что выделил им обком. Большой бревенчатый дом, построенный в тридцатые. На чуть запущенном большом участке, с вековыми соснами. Паровое отопление из поселковой котельной, общая канализация, газ. Насколько я помню, по выходу на пенсию, распоряжением Рыжкова, эти дачи будут передоваться чиновникам, что их занимают. Будет страшный скандал в Верховном Совете. Но решение не отменят. Однако, быть приживалой при Светлане Артуровне? Фи...

В нулевые, больших денег будет стоить именно участок. Рядом будет жить вся питерская верхушка... А мне нравился именно дом. Очень напоминающий тот, что снял Михалков в «Утомленных Солнцем». Что то похожее я себе и построю. Только типа альпийских шале.

— А причем здесь ты, Сурков?

— Заметь, я скромно молчу о гонораре, что нам нужно еще обсудить.

— Я построю себе альпийское шале, из валунов и бревен. Зачем мне ты, вымогатель?

Сурков крякнул.

— Красиво! — молодец какой. Не зря учится. Сейчас в союзе не всякий поймет о чем речь. — Сразу видно, что ты с Викой общаешься. Сам то ты тупой, и до этого бы не додумался.

— Страдай молча, Сурков. Потому что это- только малая часть новаций, что потрясет Ирку до глубины души. И она с тебя спросит, почему у вас нет ни зонального освещения, ни галогенок на кухне. Она то спросит тебя, Сурков, почему не разу не слышала от тебя слова — фурнитура!

— А ты где нахватался?

— Одни едут в Хельсинки и Стокгольм что бы побродить, разинув рот. Пожрать пива, потискать скандинавок. А умные люди изучают вопрос комплектования загородного жилья! Там, у лапландцев — не протолкнутся от строительных магазинов.

— И ты в них был?

— Да я в них уже деталь пейзажа!

— На обратной дороге доложишь, что и как.

Мы подъехали к моему дому, и я вылез из машины. Сурков уехал, договорившись созвониться. Мама, понятно на работе. Но уж на обед я ее выдерну.

Войдя домой, я не стал откладывать, а сразу набрал мать. Её, естественно, на месте не было, но секретарь сказала, что мама просила передать что будет в три. Я сел за столик в прихожей, и взял в руки телефонную книжку. Длинный и узкий блокнот, с помеченными буквами страницами. Немного подумав, сначала набрал АЭС, один из отделов. И попросил к трубке Михаила Павловича. На том конце сообщили, что начальник со вчерашнего дня в отпуске. Если что то срочное — звоните домой, завтра он уезжает в Судак. Полистал блокнот, и набрал домашний.

— Папа ушел в «Таллин», покупать надувной матрац. — сообщил мне детский голос. Потом трубку взяла женщина. Я представился. Мы с его женой не знакомы.

— Он к отдыху закупается. — ответили мне — то приходит, то уходит. Вы звоните, может застанете.

Михаил Павлович Тарасов — человек легендарный и выдающийся. Режим секретности, что заполнил все поры Союза, не позволил согражданам в должной мере оценить его подвиг. Но ему плевать. А мне иногда было жаль. Героя ему, можно было давать запросто.

В ноябре семьдесят пятого, на ЛАЭС, произошла такая же, как на Чернобыле, авария. Все было почти так же. Вывод турбины из эксплуатации, неконтролируемый рост мощности, разрушение каналов. Никаких сомнений, что замешкайся персонал, реактор бы взорвался. Но Михаил Павлович Тарасов, старший инженер управления реактором, понял и точно оценил то, что происходит. И приказал глушить реактор.

Что бы сообразить, что он сделал, нужно осознать, что он выключил на долгое время из энергосистемы страны один блок станции. В финансовом выражении потери грандиозны. Решится на это, смог бы далеко не каждый. Достаточно сказать, что уже осознав, и поняв, какую беду Тарасов отвел от Ленинграда, Обхсс и Прокуратура пытались возбудить дело. Обошлось, слава богу.

В народе осталась только фраза Тарасова, сказанная оператору, в ответ на сомнение в необходимости экстренно опускать стержни, и включать АЗ.

— Исполнять, блять, сука! Немедленно!

Обошлось одним разрушенным, и несколькими поврежденными каналами. И серьезным радиоактивным выбросом.

Мирозданию, задумавшему устроить армагеддон под Питером, пришлось утереться. Все прошло почти незамеченным. Ветер снес выброс в залив, притащив его к берегам Скандинавии уже почти безопасным. Мироздание не пляшет, когда на нашей стороне ветер и Палыч.

Я знаком с Михаилом Павловичем лет с десяти. Он работал с отцом, да и город маленький. Все всех знают. Поэтому, немного подумав, встал и пошел к Торговому Центру «Таллин». И оказался прав. Я подошел как раз когда он вываливался из дверей с пакетами и сумками в руках.

— О, Колюня! Ну-ка, взял у старого атомщика сумки! — яж говорю, решительный товарищ. Мгновенно придумал как лучше. Ему сейчас нет пятидесяти, так что он кокетничает.

В нулевых, я организовывал отраслевые конференции для специалистов, вместе с Агенством. Расходы пополам, но с меня программа, размещение, культмассовые мероприятия. Конкуренты с опозданием сообразили,

что лучшего продвижения своего продукта придумать трудно. Я общался со всеми ведущими спецами, и рассказывал про свои ништяки. Заодно делал доклад, в рамках основного заседания. Но и без всяких далеко идущих замыслов, я искренне наслаждался, общаясь с этим удивительными дедами, типа Палыча. Он как раз, во время банкета мне говорил:

— Ты, Коля, ничего не понимаешь! Коньячок, икорка... Нас разве этим подкупишь? Чтоб в следующем году, у гостиницы, персонально для меня стоял полный автобус блядей. Понял? Иначе не приеду.

И дядя Вася, доктор физматнаук, человек участвовавший в испытаниях «Кузькиной Матери», вскидывался и орал:

— Это какого, позвольте, куя? А я? Петрович- два автобуса! Да и Мишка пи@дит, куда ему с автобусом справится. Или ты, Палыч, РАФик имеешь ввиду, пятиместный?

Палыч наливался краской, и холодно интересовался, с чего это Василий Михайлович вдруг озаботился? или автобус для остальных участников? Потому что Вася, тебе за семьдесят давно, береги себя, мы скучать будем. Все ржали и начинали обсуждать кондиции претендентов...

А на конференции было реально интересно. Они двигали науку без всяких оговорок...

Я встряхнулся. Это все еще будет. А сейчас, нужно у Палыча узнать, как и что там с реакторами.

Мы шли в сторону его дома. И он меня осуждал. Что я ушел из Обнинска. Пришел бы ко мне работать, Коля, я бы из тебя человека сделал. А то — финэк! Позор. Я, Михал Палыч, после учебы устраюсь в бухгалтерию на станции. Буду распределять талоны на обеды. Вот тогда-то мы и поговорим про позор. Весь отдел гордиться будет, что начальник с таким полезным парнем дружит. Кстати, у меня тут вопрос чисто научный, не проконсультируете?

Я думал посидеть в мороженнице — стекляшке, но «Щель» оказалась открыта. Пойдемте, Михал Палыч, за отпуск махнем. В рюмочной было несколько человек. С половиной из них Тарасов поздоровался. Чокнувшись коньяком, я поинтересовался, с чего это отпуск сейчас, а не в августе. Ответ порадовал.

С августа, в Обнинске, будут идти трехмесячные курсы по управлению реакторами РБМК. С акцентом на нестандартные ситуации. Меня, Колюнь, сам понимаешь, первого читать лекции позвали. А чего, дело хорошее, заодно отдохну от генштаба, и дачных раскопок. Я вспомнил, что его жену ни разу не видел, только слышал, как он ее называет — мой генштаб. А он рассказывал, что у них комиссия за комиссией по безопасности эксплуатации, и учения. Задрали уже.

Мне стало легче. Все же меры принимаются. А он продолжал. Что какая то чехарда началась. АЭС выводят из подчинения местным минэнерго, и сливают в какую то новую структуру. Вся атомная энергетика будет под единым управлением. А не как раньше. Мы вон, были в ведомстве МинЭнерго РФ. Зарплаты, ясно дело, вырастут Александров уже четыре раза прилетал. Славский был. Так что пожалеешь, ты, Коля, что в бухгалтера подался. Ой пожалеешь!

А я думал, что похоже, что то сдвинулось. Ай да я! Но, пока суть да дело, решил, что проконсультироваться не помешает.

— Михал Палыч! Я, еще когда в Обнинске учился, вот такую штуку придумал.

Дальше я рассказал, что мы с приятелем придумали мобильный гамма — датчик, с индикатором, и шкалой. Подробно остановился на технологичности, и простоте эксплуатации. Достал из рюкзака листы с примерной схемой и эскизными рисунками.

— Вы, Михал Палыч, конечно гений. В семьдесят пятом, почувствовали что дело труба, никого в реакторный не пустили. Но вот же- простой прибор.

Тарасов закурил и задумчиво посмотрел на схему.

— Тогда, до моего останова, два раза АЗ сработала. Любому ясно, что весь цех фонит. Но эта железка сильно поможет- он оглянулся к трём мужикам, весело выпивающим неподалёку. — Вова! Совет нужен, иди сюда. — обратился он к невысокому крепышу, может лет на пять меня старше, выпивающему в компании пары мужиков неподалёку.

— Знакомьтесь- это Владимир, работает в Радиационном Контроле. А это, Вова, — Николай. Почти и не человек уже. Но смотри какую штуку придумал.

Я снова рассказал про датчик. Палыч, в это время, ушел к стойке и принес еще три рюмки. Мы чокнулись и пригубили.

Володя рассказал, что что-то типа этого разрабатывается. Но там multifunctional и по второму классу безопасности. А такой ширпотреб он и сам бы таскал по станции. А я признался что опытный образец уже есть, в Обнинске. Его б на источниках проверить. Все хмыкнули. Пронести непознанную железку к источнику излучения, к примеру в НИИ, или на станцию — практически невозможно.

Дальше в дело вступил великий Палыч, и сказал что говно-вопрос. Ты, Колян- договорись чтоб как студрабату оформили. А ты Вова- уж займись оформлением. Кто там в Обнинске у тебя это делает?

В общем, Валера Татищев, связывается с Вовой. Оформляют документы и КД, а потом Палыч возвращается с

курсов, и ведет всех в реакторный. Премия за рауху — на троих. Колян — бухгалтер, он обойдется. Ладно, в ТУ запишем соавтором.

За что мы и выпили, и разошлись. Я помог Пальчу дотащить до дома сумки и мы попрощались.

Мама ворчала. Ну, как все матери великовозрастных чад. И даже то, что к ее приезду я сумел забодяжить рыбу по-монастырски, ее не смягчило. Ей утром позвонила Вика, предупредила, что мы едем. На моей смешок по этому поводу, она вышла из себя и заявила:

— Вот только попробуй ее бросить, остолоп! В кои то веки, на тебя обратила внимание нормальная девушка, а ты- хихикать?!

Я заверил, что и не думаю. А маманя не могла успокоиться, и продолжала бурчать что весь в отца. Такой же тюфяк и мямля.

Что бы перевести разговор, рассказал, что у неё в приемной сейчас сидит Сурков. Мам, не убивай его. Он, как женился, слегка крышей поехал. Втемяшилось ему дом построить, вот и лезет куда дотянется, вдруг что полезное выйдет. Маманя было расверипела, но быстро взяла себя в руки. У ее нежелания заниматься такими мелочами, много причин. Главная, как по мне, потому что это мелочи. Ну и очевидный блат, в своём лице, ей страшно не нравился.

А потом, вдруг, мама сказала:

— Какой Сережа молодец! Не то что ты, олух.

Не откладывая, сняла трубку и позвонила. Коротко с кем-то переговорила. Потом пришла на кухню. Я поставил перед ней тарелку. С удивлением увидел, что мать в затруднении. Она взяла вилку, и принялась молча есть. Потом отложила прибор, и сказала:

— Запиши телефон. Подполковник Лосев, Владимир Андреевич. Пусть Сережа с ним встретится, и переговорит.

Я деликатно сделал вид, что не заметил, как моя мама, эта Маргарет Тэчер всех окрестностей, покраснела. Из другой жизни я знаю, что этот мужик- мамин сердечный друг, с которым она и будет коротать старость. Но сейчас она стесняется мне про него рассказывать. Как всякий парень, я очень любил отца. И она в затруднении. Выбрала такой способ нас познакомить.

— Мам, ты только его из приемной прям пинками не гони. Сурков, он хороший.

— Да уж получше некоторых. Женился, скоро ребенка родит, и дом строит. — фыркнула мама — не бойся, я вообще на водозабор поехала. Ты сам его оттуда забирай.

Поцеловала и уехала. Как всегда забыв поблагодарить за прекрасный обед. Но я не расстроился. А позвонил ее секретарю. И попросил сообщить Суркову, что там сидит, что Андреев ждет его дома.

Сурков, появившись, и узнав что и как, воспрял.

— Поехали, Дух, быстрее. Переговорим, и в Питер метнемся. Тут тебя Вася Уральцев ищет. Говорит, дело срочное.

— Ты, Сурков, езжай к подполковнику. А я на электричке. Быстрее получится. А вечером созвонимся.

-

Анатолий Александрович Собчак изволил задерживаться. Вчера вечером, мы договорились, встретиться на Университетской набережной в полдень. У меня будет минут пятнадцать, Коля, успеем все обсудить?

Электричка до Питера, место медитативное. Знай сиди, да смотри на залив, или лес. Было немного неудобно перед мамой, но я надеялся, что она не обидится. Я вспоминал ее бойфренда, и внутренне улыбался. Высокий казак, кося сажень в плечах. Вылитый Григорий Мелехов. Веселый и решительный.

Все мы, в нежном возрасте пытаемся представить, как будет выглядеть твой спутник жизни. Воображение рисует даже не образ, а ощущение. Которое, потом обрастает чертами. Потом ты взрослеешь, чередой людей вокруг стирает этот образ. И ты его забываешь. Но потом, иногда, случается как в анекдоте. Я встретил девушку своей мечты, а у меня уже жена, трое детей, и ипотека. Правда, иногда, мироздание дает тебе второй шанс. Как в случае с моей мамой. Я не сомневаюсь, что именно так, как подполковник Владимир Андреевич, и выглядели грезы совсем еще сопливой Тани Шавлюковой. Я знаю, она любила моего отца. Но, через некоторое время после его гибели, она оглянулась. И увидела того, кого уже забыла. И не ошиблась, кстати, насколько я помню. Жили они вместе славно.

Да что говорить? Я сам то? Словив по башке, оказавшись в прошлом и приняв данность, первое, что увидел, окончательно вжившись в себя — принцессу которую себе и представлял. Правда, задаваку с непростым характером, ну да никто не обещал наоборот.

Зайдя домой, я, не глядя на автоответчик, набрал Лишову на даче. Виктория! Я договорился, тебя отчисляют. Приезжай страдать и плакать. Заодно сходим в ДК Железнодорожников, на «Кино». Нет уж, Коленька, я попрошу Проничеву, она подговорит Ватника, и вылетишь ты на улицу! Подумаешь, буду разводчиком. Кем?! Ты просто забыла, я главный по разводу мостов. Будешь мне носить ночами узелок с едой? А днем нельзя? Днем у тебя будет очень довольное лицо. А вот ночью, все как надо — страдание, самоотверженность, и желание убивать. Лицо настоящей пролетарки. И где то даже символа революции. Вот если мне кто то не прекратит мешать готовится, и я завалю политэк, я от желаний перейду к стрельбе, как и просил Сурков. Ты понимаешь, Вика, что это манипуляция? Сурков сам боится меня убивать, а тебя подговорил. Ты видишь, что мировое масонство тобой управляет?! Что?! Сурков — масон? А там еще в масоны записывают?

На автоответчике было несколько звонков, и три из них от Васи. Он просил позвонить по номеру телефона, что продиктовал. Набрал. Попросил пригласить Уральцева. Он подошел спустя минуту. Привет, Дух. Я думал, ты свалил куда. Не подъедешь в «Жигули»? Тут у нас проблемы. Может, посоветуешь что. Просто нетелефонный разговор.

В «Жигули» я приехал на авто. Парковка на Владимирском, возле театра запрещена. И я не стал искать приключений. Приткнул машину возле церкви, и вернулся к ресторану.

Вася Уральцев — выдающийся боксер, карьере которого остановила травма. Он женат на нашей с Сурковым однокласснице, и мы дружим. В прошлой моей жизни, много позже, я узнал, что Васю занесло в питерский криминал. Где он играл не последнюю роль. Хотя, прилагал гигантские усилия, что бы не ассоциироваться не только с Тамбовскими, но и бандитами вообще. В прессе он практически не упоминался. Но все, кто имел хоть какое то отношение к Тамбовским, про него знали. И побаивались.

В прошлой жизни мы виделись изредка, раз в год где то. Оставаясь в душевной приязни друг другу. Сейчас, перебравшись в Питер, я с ним вижу чуть ли не раз в неделю. Не специально, а просто Питер такой город. На каждом углу встречаешь знакомых. Скажу еще, что я не очень представляю чем он сейчас занимается. Разве что очевидно не бедствует.

В баре Жигули из колонок звучал Розенбаум. Недавно в народ ушла запись его выступления в бардовском клубе «Восток», что в ДК Невский. И теперь эта запись звучала из каждого утюга. Вот и здесь ее крутили. Кстати Вика, пару раз внимательно послушала и вынесла вердикт — унылое позерство. К моему удовольствию. В машине мы слушаем Dire Straits. А вообще — европопсу, что неожиданно заполнила город летом. Какие то «Аребески», Лауры Брениган, и прочее. Но, для пивбара, Розенбаум — самое оно.

Вышибала, по прозвищу Хитрый, меня проводил в угол второго зала. Там, в компании с Вовой Мухиным, сидел Вася. Поздоровавшись, Вован ушел, а я попросил официанта принести мне кофе и яблочный сок. Вася засмеялся:

— Ты со мной, поэтому тебя не послали подальше.

— Да ладно тебе, не первый же раз. — я закурил. — рассказывай, чего такого случилось.

Помолчали, пока официант расставлял кофе и сок. А потом Вася рассказал простую историю. Как выяснилось, он, и еще несколько боксеров, работают чем то типа охраны на Некрасовском рынке. Схема известная. Ребят — спортсменов нанимают на мелкие должности, типо уборщиков, грузчиков, или слесарей. Но занимаются они присмотром за порядком, обеспечивают охрану директора рынка, от горячих продавцов с Кавказа, и других

ликих людей. Директор, неофициально, платил неплохие деньги. Вроде как сменная работа. Через день. Но три дня назад случилась неприятность. Три каких то пьяных в дупель уroda, устроили скандал во фруктовых рядах главного корпуса. Опрокинули лоток. Парни уродов скрутили, настучали в бубен и выкинули с рынка. С вежливой просьбой больше не приходите.

На следующий день парней взяли. Хулиганы оказались ментами — операми из отдела на Лиговке. Проблема в том, что директор рынка, мгновенно ушел на больничный и теперь лечит сердце в больнице, в отдельной палате. И без большого шума его оттуда не достать. Да и смысл? Все с ним ясно. А парней нужно вытаскивать. Хотя даже непонятно что им предъявляют

За два дня не удалось толком даже выяснить, где их держат. Вася помолчал, а потом продолжил:

— В принципе, в случае неприятностей каких-то, с ментами, я обычно обращался к Куму, или Могильщику. Ну, они в «Розе Ветров» терлись. Они могли сказать, посоветовать что и как делать, или контакт какой дать. Но сейчас Кум сидит, а Могильщик куда то пропал. Говорят, грохнули его. И толком и обратиться не кому.

Забавно. Сейчас еще то смешное время, когда барыги- цеховики относились к нанятым спортсменам как к расходному мусору. И без малейших сомнений подставляли их под раздачу. Не понимая, что это совсем не те придурки, с которыми можно так поступать. По крайней мере, с Васей директор Некрасовского рынка сильно ошибся.

— Я чего искал тебя, Дух. У твоей Вики отец- заведет административных органов. Он наверняка может посоветовать к кому обратиться.

Ай да Вася! Все то он знает. Любопытно, а про жену Суркова он тоже в курсе? С другой стороны, даже если да, мелковат вопрос. Я потушил сигарету.

— Вася. Давай договоримся. Как бы не ложились расклады, что бы не произошло. Ты про мою девушку и ее семью забываешь. Это не обсуждается.

Гм. Если он мне сейчас перемкнет левой, я труп. Ну, то есть всю жизнь буду лечить челюсть. Черт, нужно было отодвинуться. Видел я его удар со стороны. Не смогу среагировать. Мгновенный. Но Вася подтвердил, что я про него не ошибался. Он вздохнул и сказал:

— Конечно, Дух. Не обижайся. Но делать то что?

— А с Фредом поговорить?

— В жопу этого Фреда. — буркнул Вася. — если уж совсем край.

— А чего такого? Он нам с Сурковым работу подкидывает. Прибыльно.

— Скоро ты поймешь, что придется отработать ему вдесятеро.

Я не смог внутренне с Уральцевым не согласиться. Как то у меня выходит, что я Фреду отрабатываю достаточно простые услуги с риском для жизни. Я подумал.

— Вась, здесь вон, бармен Илья. Вроде бы всех в Питере знает.

— Да говорил я с ним. Он в основном с ворами трет. Те обещали в Крестах поддержку. Да только нет их там.

— А кого закрыли?

— Славку, и Эдика Петрова.

— А Вовка Мухин? — вообще то это три друга, что постоянно тусовались вместе. Наверняка Вовка тоже ментов бил. Вася вдруг засмеялся.

Случай вышел фантазмагорический. Выкинув ментов с рынка, парни как обычно устроились на лавочке возле входа. Где Вовка, от нечего делать, зацепился языком с забредшими на рынок финскими туристами. Тремя огромными, нетрезвыми мужиками. Предложил продать ему джинсы. Пожаловался, что не может найти размер. Вовка- крупный парень, больше Васи. В общем, слово- за слово, и Мухин пошел к ним в гостиницу. Где купил штаны Лии Купер. А потом он стал с ними отмечать покупку. Собственно, за закуской финны на рынок и забрели. И так они нажрались, что Вован очнулся уже в автобусе, везущем финских туристов домой. Прикол в том, что очнулся он уже не территории Финляндии. Пограничник зашел в автобус, проставил штампы в паспортах, не потрудившись посчитать по головам пьяно спящую публику. И, Колян, точно так же он и вернулся. В Торфяновке погранцы вообще мышей не ловят. Вот сегодня и приехал.*

— Не думаешь, что ...

— Нет. Гадом буду, что нет там никакой операции. И Вовка не при делах. И менты просто перепили.

Я задумался. А потом в голову пришла мысль, если уж взялся менять реальность, то чего останавливаться? Если по Чернобылю пошла движуха, почему бы не попробовать питерскую преступность сделать более человеческой?

Я глянул на часы. Девять вечера. Полез в бумажник, и нашел визитку.

— У меня Вась, мысль есть. Позвоню вот, и поделюсь.

— Ты Ильюху попроси, он тебя в кабинет отведет.

У Собчака было занято минут десять. А потом трубку сняли.

— Здравствуйте, Анатолий Александрович. Меня зовут Николай Андреев. Я прошлым летом помог вам, под Сестрорецком, колесо менять.

— Коля! Помню- помню, как же. Мне нравится, что ты не сказал, что избавил меня от побоев. — засмеялся Собчак. — у тебя что то случилось?

— Тьфу-Тьфу! Нет, но я хотел бы с вами переговорить, так сказать приватно.

В общем, мы договорились, что встретимся завтра, в полдень на набережной. У меня будет минут пятнадцать, перед заседанием кафедры. Уложишься?

Я вернулся к Васе, и сказал:

— Есть один мужик. Фамилия Собчак. Завкафедрой юристов в универе. Достаточно серьезный чувак. Преподавал в милицейской школе, и вообще дружит с ментами. Если он согласится помочь, я бы тебе, Вася, для беседы с ним, посоветовал пригласить Фреда. А я постараюсь его убедить, что с тобой сотрудничать не плохо.

Вася подумал и кивнул. Он не мог не оценить изящества решения. Как не повернется, но Фред останется с Собчаком в контакте по любому. И даже, что почти невероятно, нам должен.

Собчак был весел и раскован. Мы попершучивались про сложности автожизни. А потом я сказал:

— Я Анатолий Саньч, напросился на встречу не просто так. У меня прогноз.

— Надо же! — заулыбался он — предсказатель? А! ты же в финэке, правильно? И что вы там прогнозировали?

Я уложился в пять минут. Что системный кризис экономики толкает власти на реформы. Что через пару лет будут выборы в Верховный Совет. Это откроет путь к политической карьере многим. И я бы рекомендовал вам, об этом задуматься уже сейчас. Рассказал как будет выглядеть конфигурация власти и что будет с экономикой.

Выдавая, понятно, за прогноз. В общем, Собчак проникся.

Мы стояли, опершись о гранит набережной и он смотрел на Неву. Когда я закончил, он молчал пару минут.

— И кем ты меня видишь в твоих прогнозах, Коля?

— Мэром Санкт-Петербурга.

— А что с Ленинградом?

— Переименуем. Народ узнает о Ленине нелицеприятное. Да и советская власть уже совсем не справляется.

— Зачем ты мне все это рассказываешь?

Теперь уже я засмеялся.

— Впечатляет, правда? Поверьте, это все более чем реально. А рассказываю я вам об этом ...ну вот например.

И я изложил историю, что приключилась с пацанами.

— Дело в том, что такого рода ребят будет много. — заявил я. — я сильно сомневаюсь что им можно что то вменить реально. Да и Юриспруденция и Законотворчество не поспевают за меняющейся ситуацией. Но, с такого рода людьми, вам все равно придется иметь дело. И я подумал, Анатолий Александрович, а почему не эти ребята. Честные, не глупые, свои. По крайней мере я вам гарантирую, что подлостей они вам не сделают.

Собчак не зря стал Собчаком. Он быстро все понял. Спросил только, может он и на меня рассчитывать.

— Давай, Коля поступим так. Я встречусь с твоим другом. И переговорю. Если мне удастся им помочь, то мы с тобой в расчете. А про остальное, я с тобой с удовольствием потом побеседую.

— Окей, Анатолий Александрович! Если сегодня, во сколько организовывать встречу? И где бы вам хотелось?

— Между семью и восемь вечера. А место на твое усмотрение.

— На вскидку два варианта «Жигули» и «Метрополь».

— Ого! — он глянул на свои босоножки с дырочками — лучше "Жигули". Я подъеду. Позвони мне на кафедру в пол-шестого.

Я приехал снова в «Жигули» на такси, к семи. Только успел поздороваться с Фредом, как такси привезло Собчака. Оказывается, в «Жигулях» есть отдельные кабинеты! А Вася, надел костюм(!). Тем не менее все были серьезны, и я, представив участников разговора друг-другу, сказал что подожду у стойки. Пояснив, что все равно не очень ориентируюсь в этих делах. Потому что простой студент. Все согласились с моим желанием. И я уселся у стойки. Бармен Илья поставил предо мной налитый по всем правилам бокал:

— Двин, за счет заведения- пояснил он. Илья Травер не зря станет тем, кем он станет. Он вполне точно понял мое состояние, и четко и адекватно мне помог. Я почему то разволновался.

Отхлебнул и подумал, что кто его знает, может и Шутова удастся не подпустить к Собчаку. Вроде и плевать, но почему нет? Взглянул на Травера. Только он в этом раскладе поймет все, что имел. Редкий везунчик.

Разъехались все через час. При этом Фред мне ехидно ухмыльнулся. А я пешком пошел домой. Хорошая погода, Невский, чего не пройтись?

Вася позвонил спустя сутки. Мы с Викой как раз смотрели «Жажду Смерти» с Чарльзом Бронсоном, и собирались завтра, после экзамена, поехать в Сестрорецк, к Софье Игоревне в гости. Я специально ей купил первый сезон сериала "Агенство "Лунный Свет".

Вася сказал, что пацанов отпустили без каких либо обвинений. Против оперов начато служебное расследование. Они там много еще где отметились. Похоже, Дух, этот Собчак серьезный дядя.

— Похоже, Вась, он всерьез к тебе отнесся. И ты ему понравился.

Минула сессия. Народ разъехался по домам и стройотрядам. Если зимой Виктория что такое говорила про Юрмалу, то теперь уже все. По крайней мере, до середины августа. С первого июля мы приступили к созданию эпической работы «Муниципальная экономика современных советских городов».

Точнее, сначала меня рано утром разбудила Вика и сказала, что пора собираться в институт. За всякой суетой я забыл уточнить, во сколько нас ждут на кафедре. Оказалось, как на первую пару. А я еще даже не бегал!

— Виктория! Ты не можешь мучить кого-нибудь другого?

— Нет, я уже выбрала тебя.

— Но за что?!

Наталья Олеговна Проничева, была деловита и немногословна. Приступаем к статье в обычном режиме. Вот список вопросов, что нужно проработать до послезавтра. Гм. Мне нужно проработать девятнадцать позиций. Если даже по часу на вопрос, с учетом посещения библиотеки, то- се. Спать не придется. О чем я и заявил. Что у меня ващет каникулы.

— Прости что? — не поняла Проничева.

— Это, Наталья Олеговна, такое время года, когда завтракаешь в час дня. А лучше в три.

— Я могла бы тебе рассказать о мерах, что будут применяться к тем, из за кого в Москве Ленинград будет выглядеть дурно. Но нам же это не нужно. Правда, Коля?

— Фильмы с кошмарами называются ужастик, Наталья Олеговна. Я их и без вас могу посмотреть. Но хотелось бы знать, про меры поощрения. Свободное посещение, там... Отлично по экономике автоматом.

— Сначала поделись, что ты намерен говорить перед всемирным студенчеством.

— Дык, немного теории, примеры из практики, примеры расхождений.

— А подробнее?

— Все просто. Уважаемые дамы и господа! Теория социалистической экономики у нас — прекрасна и удивительна, но ничего не работает. Практика наша — когда все как то работает, но никто не знает почему. Теперь объединяем теорию и практику — ничего не работает, и никто не знает почему! В чем дело господа? Давайте разберемся!

Девицы начали фыркать, и в аудитории установилась нормальная летняя обстановка. Но у Проничевой не забалуешь.

— Андреев! — от ее тона в городе, и Ленинградской области, температура упала на пару градусов- Я хотела бы серьезного отношения. Шутить и веселиться будем после. Или ты намерен продолжить?

— Наталья Олеговна! Знаете это чувство, когда стоишь вот так, на самом краю обрыва — и тянет прыгнуть? Так вот, у меня его нет.

В общем, со скрипом и визгом, но мы приступили к работе.

Когда мы попрощались с преподам, и уже уходили, Ленка Овчинникова похвасталась. Что ее муж распределился в ПромСтрой Банк. Я хмыкнул, и сказал, что наши перспективы все радужнее. Значит так, слушаем умного человека, девушки. Паша сейчас освоится, а через год мы создадим филиал институтского СНО. Вопрос зачем — неправильный вопрос. Правильный вопрос- каков размер кредита, что нам сможет выдать Паша? Что значит какая разница? Если речь о жалких сотнях тысяч, то придется запускать схему с вениками!

Боже мой, и эти девушки претендуют на звание ученых- экономистов! Следите за руками. На полученный кредит наше СНО проводит научный эксперимент. То есть- заказывает в одном из совхозов крупную партию березовых веников, для банных утех трудящихся. И тут же продает на наш любимый Сенной рынок. Да. Всю партию, договор с директором. Торговая наценка всего пятнадцать процентов. Но, ты помнишь Виктория, что рынков в Питере два десятка? Совершенно верно, Овчинникова. Сенной рынок, всю партию веников, еще даже не собранных селянами, сразу же продает Некрасовскому рынку. А он- Сытному. Потом Кировскому, и так далее. Сделав круг по рынкам, мы имеем два с половиной конца, рассчитываемся с кредитом. Вы пишете кандидатские, а я это дело конвертирую, и едем в Монте- Карло! Как зачем?! Проиграть все в казно! Потому что следующий круг веников, что в это время еще только сушатся, будет по районным продбазам.

Вот, Лен! Правильный вопрос, а если мы уболтаем ПСБ на крупный кредит в двадцать- тридцать миллионов рублей? Тут все просто. Заключаем пятилетний фиктивный договор с бельгийской фирмой на производство и поставку какой ни будь хрени. Закупаем на все деньги доллары. И оплачиваем это договор. За пять лет рубль упадет минимум в пять раз. То есть, тупо продав пятерку баксов, рассчитываемся с кредитом. А нам остается больше двадцати миллионов долларов в Бельгии. А?

Девчонки ржали, и говорили, что «Тристан, которому обман, по смерти памятник воздвигнет...»(с) — это про меня. Хорошо, что тебе долго учиться. А я говорил, что вы представляете, что будет, когда я выучусь?

И у меня дома Вика не могла успокоиться. Бурчала, что я с такими разговорами, не в Москву поеду, а в места не столь отдаленные. А я возьми да скажи, что все равно Союз скоро развалится, и экономические статьи отменят. И с чего такие выводы, Коля? Дык сейчас пойду на рынок, куплю пару десятков яиц. В магазине нету. А при чем здесь развал Союза? Ну это же признак!

— Союз и не такие проблемы переживал, Коленька, и ничего. То, что ты сегодня с утра без яишницы, ничего не значит.

— Ха, этих мелочей уже столько, что непонятно, чем же государство занимается? И почему оно не может с этими мелкими проблемами справиться?

— Потому что есть вещи поважнее!

— Это какие? Какие вещи нашему государству более важны, чем покой и благополучие граждан?

— Мир во всем мире, например!

— Вот ты самая умная, да?

— И добрая, и красивая. А еще, я омлет научилась делать.

— Тогда ответь мне с точки зрения омлета. Откуда ему взяться, если сельское хозяйство — убыточно?

— Но можно же как то стимулировать куроводство!

— Ага-ага. И увеличить яйценосность, показывая петухам куриц без перьев.

— Деревенский жлоб! Умные люди скрывают, что в детстве коровам хвосты крутили.

— Расскажи мне, кто, как и зачем, крутит коровам хвосты?

— Андреев! Не зли меня. Какое отношение коровы, курицы и омлет имеют к распаду СССР.

— Вот офигенная ты, Лишова. Вот даже слов подобрать не могу, насколько. Но умения мыслить стратегически в тебе, как умения варить борщ — нет, и не предвидится.

— Сковородкой в лоб?

— Молчи. Просто вспомни, что каноническая ленинская работа «Основные Задачи Союзов Молодежи» — это ответ Ленина на вопрос из зала — «Почему в деревнях нет колесной мази?». И — вуаля! Агитация, собрания, взносы, стройотряды и вот это вот все. А тут- омлет! Глядя на него, открываются такие бездны, куда там колесной мази!

— Ты можешь простым языком сказать, что ты имеешь ввиду?!

— Цены на продукты, товары и услуги определяются нормативно. Расходы на производство этого всего в разы выше. Ты лучше меня знаешь, что это чистый убыток.

— Но есть же какие то производства или регионы...

— Профильные отрасли не в состоянии обеспечить население ТНП и продуктами. Все и повсюду. Причём, даже неважного качества. С некоторых пор существенная часть зерна, в частности, закупается у врагов. И много чего ещё.

— Но финансируется то это, за счет прибыльных отраслей!

— Назовите мне их, Виктория Борисовна. Я жду, не стесняйтесь! У меня, где-то «Известия» завалялись, с бюджетом на следующий год. Могу предоставить.

— Не нужно. Я поняла. Кроме нефтяной и газовой промышленности доноров нет.

— Не очерняй. Там еще рыбаки, и полезные ископаемые. Апатиты всякие, бокситы и уголь. Пароходства различные. Но профицитом и не пахнет. А внешнеторговое сальдо в минусе.

— А нефть второй год падает.

— Вот, же, Виктория! Стоит тебе отвлечься от неприличных мыслей про меня, ты начинаешь думать.

— А если тебе надеть на голову кастрюлю, и стучать в нее половником, это больно?

— А смысл?

— Очень хочется.

— Вот я и говорю. Нашему государству много хочется, а возможностей уже и нет. В Афгане поставленные цели не достигнуты. Поэтому с Польшей сделаем вид, что все нормально. Социалистический лагерь и неприсоединившиеся страны, хотят подачек, можно нефтью. А население Союза звереет от дефицита. И сказанная тобой, Виктория, мысль будет овладевать массами.

— Какая?

— Что можно же взять отдельную республику и в ней все хорошо. Особенно, если не делать этих бессмысленных отчислений в бюджет этого колхоза, под названием СССР.

— И что, Республиканские Центробанки не станут перечислять деньги в союзный бюджет?

— Нет, Солнце, не станут.

— И что дальше?

— Через год после этого СССР прекратит существование. Все просто. Союзное правительство лишится ресурсов. И республиканские правительства просто от него откажутся.

— Ерунда какая то! Есть же партия, КГБ, армия наконец!

— Системный кризис-это кризис всей системы. Бюджет трещит под непомерными расходами при отсутствии доходов. Нужны реформы. А реформы никак не запустить. Генералы готовятся воевать со Штатами, и под это заточена вся экономика. Да только в Афгане — не могут победить пастухов. Казалось бы, пора подумать, как будет выглядеть война в двадцать первом веке. Но нет, они — собираются танковые армии по Европе гонять. Любая другая военная концепция потащит за собой свертывание военных производств. Да даже политика разрядки к этому приведет. Короче, Вик, грядет дикая турбулентность во всех сферах. А вы с Проничевой — социалистический муниципалитет...

— Так вот оно что? Ты мне это все рассказывал, что бы спустя рукава готовится?!

— Не только. Еще в Сестрорецк хочется. Искупаться. Ты тоже едешь. Доставай купальники. Будешь ходить в них вот здесь вот, я выберу, в каком ты не очень страшная.

Убедить этих ученых маньячек, что мне нужен отдых оказалось не просто. Наталья Олеговна! Я, как спикер и хэдлайнер нашей группы, должен выглядеть свежо и привлекательно! А вы делаете все, что бы мировая общественность решила, что я книжный червь, чуждый всему светлому! С другой стороны, я не понимаю, что вам мешает доверить выступление Виктории? Ей же достаточно встать рядом с трибуной и злобно прищуриться, вот как сейчас, видите? И все! Все вменяемые студенты мужского полу, включая преподавателей и прочих функционеров, столбятся в очередь, за право поцеловать ее стопу. Статья в «Экономист», обложка Нью — Йорк Мэгазин. Ленинград форева!

Но они были глухи к голосу разума. И в конце концов я начал капризничать и скандалить. Говорить, что миф о хрупких испуганных женщинах придумали жирные наглые тётки, которые тайно правят миром. Скажите мне, товарищи, кто та женщина, что вам приказывает изжить меня со свету?

Дело, между тем, шло удовлетворительно. Стало понятно, что за две недели мы успеем. Потом наш доклад изучат в инстанциях, и примут решение. Поэтому такая спешка, вдруг переделывать придется? Так что нас милостиво отпустили на выходные. И в субботу мы уехали в Сестрорецк.

Я заявил Вике, что едем, даже если будет снег с дождем. Но с погодой как раз повезло. Случилось редкое явление. Всю неделю погода была так себе, а на выходные вдарило солнце. Обычно то наоборот. Я ожидал что Виктория будет капризничать, рассказывать, что нужно к родителям поехать. Но, утром в субботу, мы, весело болтая всю дорогу о разной фигне, приехали к Софье Игоревне.

Пляж Сестрорецка в нулевые обживут отвязанные кайт-серферы. Но сейчас мелкий и теплый залив, песок и сосны, сделали его идеальным семейным пляжем. По крайней мере компаний гопников, встречающихся в других местах, я не заметил. По крайней мере там, где мы лениво валялись на песке.

На закате, впрочем весьма условном, мы гуляли по берегу, как и куча дачников, а потом пили чай с Софьей Игоревной. Вечер в ее компании, это вовсе не скучно. Она рассказывала нам про то, как сажали Бродского, и как психовал Даниил Гранин. Ему светила Ленинская Премия. А партийные органы требовали разобраться с тунеядцем. История с Бродским со всех сторон захватывающая. А некрасивое поведение Гранина, как по мне, потом с лихвой искупили его пронзительные мемуары о войне «Мой лейтенант».

Довольные и веселые, мы уехали в воскресенье вечером. Еще подъезжая к городу, Виктория заявила что хочет есть. Дело обычное. Разносолы от Тамары, и пирожки от соседей, на свежем воздухе, ухнули как в пропасть. Проблема в том, что и у меня не выйдет наскоро что то приготовить. Разве что, картохи нажарить. И я решил, что можно и в ресторан.

На Выборгской набережной, недалеко от гостиницы «Ленинград», у причала болтаются ресторан-поплавок «Океан». Увидев его, я и решил, что проще будет зайти сюда, чем с колес братья за чистку картошки.

Чисто визуально ресторан не выглядел переполненным, хотя возле трапа толклось человек десять, желающих попасть внутрь. Я запарковлся поодаль, и, взяв Вику за руку, уверенно подошел к закрытой двери. На воротах стоял еще представитель старой гвардии. Толстый пожилой мужик, мельком глянувший на нас, и молча пропустивший за трешник. Подошедший мэтр предложил нам выбирать, между верхней палубой, и залом в трюме. Мы выбрали палубу. Изысканная Виктория заказала свиной бифштекс, и побольше пожалуйста. А я скромно попросил бефстроганов.

От Вики не укрылось, что я сунул денежку вратарю. И как то сам собой разговор опять свернул на скорый развал Союза. Хотя она все же человек весьма не глупый. И теперь ее интересовало, как и что будет после развала.

— Ну как что, Викунь? Смотри. Политические процессы привели к подписанию документов о независимости всех республик. Так? Значит, суверенный долг СССР завис. И не то что в дефолте. Хотя ЦБ СССР его и объявит. / просто даже не понятно, чей это долг. Мы с тобой на территории России. Значит, давай смотреть, что будет в России. На момент развала, у вновь появившейся страны не будет ничего. Коже промышленности. Армии, и огромного госаппарата. В остальном — пустые резервы банков. Пустой ЦБ, который нам достанется от Союза. И вопрос, что и как делать с внешним долгом СССР.

— Жуть какая.

— Ну, ситуация не безнадежная. Просто нужны люди, понимающие, что делать. И политики найдут молодых технократов, которые просто вытащат страну. За это, разные мудаки их будут ненавидеть. Признать, что за столько лет строительства социализма, раздачи неграм национальных доходов, и создания ненужного оборонного комплекса, отвечает вся страна, никто не захочет. И свалят вину на спасителей. Хотя, в чем будет виноват премьер появившейся страны России? В том, что до него все просадили? А он, из того что есть, создаст государственность?

— Да ладно, Коль, не могут быть люди так неблагодарны.

— Могут и будут. Это не говоря о введении института частной собственности. Вот уж кто будет вызывать лютую истерику. Независимо от персоналии. Тот, кто будет заниматься приватизацией промышленных активов. Кого хочешь поставь. Там наши аспиранты с молодыми кандидатами этот вопрос обсуждали. А еще с инженерно-экономического, и из Москвы народ приезжал.

— Это ты про семинары в Змеиной Горке, прошлой осенью? Там Кох с Маневичем были. Рассказывали.

— А чего я тогда распинаюсь? Ты сама все знаешь.

— Я невнимательно слушала тогда.

— А чем это ты занимаешься на учебе?

— Я тогда никак не могла понять, этот Андреев — такой тупой, что меня не замечает, или клинический идиот? Слава богу, просто дурак оказался.

— Это ты злишься, Виктория, что Проничева мне, а не тебе поручила выступать в Москве — засмеялся я — но ей лучше видно, кто умный, а кто просто красивый.

Она фирменно прищурилась и набрала побольше воздуха, что бы мне все про меня рассказать. Но не успела. Рядом со мной, уселся какой-то мужик. И уставился на Вики. Склонный к полноте, дорого одетый брюнет, судя по всему, не великого роста. Сидел за столиком поодаль, в компании еще двоих, спортивного вида, мужичков. Из десяти столиков на верхней палубе, было занято три. Снизу, из основного зала доносилась разухабистая музыка. Но здесь было хорошо, жара спала, легкий ветерок с Невки, и я уже почти все съел. А мужик не сводил с Вики горящий взор. Хм. В легком коротком сарафане, с открытыми руками, собранными на затылке волосами, открывающими шею. Длинными ногами, в легких босоножках. Да. Как то я забылся. Что мужик и подтвердил:

— Девушка, пойдите ко мне за столик, и вы поужинаете по царски, а не будете давиться этой подошвой.

Ну, мы просто заехали поесть. У Вики бокал красного-сухого, у меня и вовсе сок. Выглядим студентами, гуляющими на стипендию. Да только сейчас в рестораны ходят не за поесть. Я как можно более вежливо улыбнулся и сказал:

— Вы знаете, вам лучше уйти. Нам не интересно с вами. — хотя чувствовал, что кажется, будут траблы. И ругал себя последними словами. Картошку мне жарить лень было! С другой стороны что, теперь из дому не выходить?!

Я не ошибся. Мужик встал, и пересел рядом с Викой. И махнул рукой своим спутникам за столиком. Просто показав на меня пальцем. Те встали и направились к нам. Я вздохнул и обратился к Вике:

— Солнце, что бы сейчас не происходило, не кричи, и не пытайся что то делать. Поняла?

Она все поняла. Потому что кивнула, и отодвинулась от мужика, уже положившего руку на спинку ее стула.

Подошедшие спортсмены вообще ничего не говорили. Один схватил меня за плечо, развернул, и просто съездил мне кулаком в подбородок.

И я понял, что дело плохо. Ударивший меня был хорош. Боксер, как бы не мастер спорта. Если и второй такой же, то блин, не поломав их, мне и не выкрутиться. Не говоря о том, что от удара, что пришелся в скулу, я слегка поплыл. Ладно, буду по плану действовать. Легкое оглушение как раз подходит. И, кувырком свалился со стула в проход, что и требовалось. Второй оказался в трех шагах за спиной первого, идущего ко мне, я оперся о палубу и начал подниматься. Нужно, чтоб он еще раз меня ударил.

— Да не вставай ты! — с досадой сказал избивающий меня спортсмен. И еще раз пробил мне в подбородок. Слегка потеряв равновесие в наклоне. А я и не думал вставать. Крутнулся на полу, пробив ему ногой в колено. И, не обращая внимания на него, развернулся с походом ко второму. Уже понятно, что они оба неслабые боксеры. Да только здесь вам не ринг, и поэтому лови ногой в колено, рукой боковым в челюсть, и локоть в почку. Об этом можно забыть, я крутнулся ко второму, но он даже не встал, а баюкал ногу. Надо бы добить. Да ладно, быстро двигаться он сможет послезавтра, не раньше.

Я повернулся к мужику, что сидел рядом с Викой. И взял его за руку, что лежала на спинке ее стула. Если знать как, то получается очень больно. Я знаю. И мужик тоненько заскулил. Я вывел его в проход, и сказал:

— Вам нужно уйти. Мы просто отдыхаем. Все ясно?

Спортсмены, что были с мужиком, кивнули, и потащились к своему столику. Мужик тоже. Что то злобно сказал своим спутникам. Те что то ответили. А тут появился официант.

Хе. Никто и не видел, что произошло, кроме двух пар средних лет, что сидели в отдалении одной компанией.

Однако я ошибся. Официант сказал мне, что могут быть серьезные неприятности. Вас рассчитать? Но тут Вика, голосом, способным заморозить планету, приказала халдею принести миску со льдом и салфеток. Она не издала ни звука, во время сражения. Но было видно, что слегка стрессует. Поцеловала ушибленную щеку, и хотела что то сказать. Но зачинщик сшибки подошел к нам. И заявил:

— Ты щенок не знаешь, с кем связался. И очень пожалеешь. И ты сучка, готовься.

Я встал, и он заткнулся. Повернулся и ушел. Парни что были с ним — следом. Черт знает, кто такой. Потом Викуня ухаживала за раненым героем, и прикладывала к моему лицу салфетки со льдом.

Мы уехали минут через сорок. Вика призналась, что нужно посидеть. А то у нее трясутся ноги. Какой ты, Коленька, смелый.

Возле машины нас, к моему удивлению никто не ждал. И мы спокойно доехали до дома.

Утром только синяк на скуле напоминал о вчерашнем приключении. Вика собралась меня пудрить. Проничева и Ленка смотрели на мою физию сначала насмешливо-брезгливо, а на Вику с сочувствием. Но после перекура, на который я ушел на лестницу- с восхищением. Таким, что я заподозрил Лишову в... эээ... легком преувеличении.

А в три часа дня мне, домой, позвонили из милиции. Сказали что беспокоят из главка, не мог бы я подъехать на Каляева? Сказал Викуне, что вызывают в ментовку. Если что, я тебе позвоню. Сел в машину и поехал.

Не могу сказать, что я сильно встревожился. Но вызов в ментовку, само-по себе, штука неприятная. А тут еще и главное управление. Всю дорогу я ломал голову о причинах вызова. Звонивший представился майором Смирновым, и очень технично ничего не сказал. Сославшись, что разговор не телефонный, и мы вас долго не задержим.

На входе молодой мент направил меня за пропуском. С которым я и поднялся на четвертый этаж, в комнату четыреста тридцать восемь. В небольшом кабинете с двумя столами мне навстречу поднялся крепкий, тридцати с чем-то летний, мужик с простым лицом. Могло бы показаться что он и вовсе валенок. Да только одет он был не без вкуса, и глаза у него были ...весьма цепкие. И было видно, что он, то ли бухал всю ночь, и мается, то ли не спал. В общем, был не свеж.

— Вы Андреев? Здравствуйте, проходите. Присаживайтесь. Давайте знакомиться. Меня зовут Владимир Васильевич, я старший оперуполномоченный. Дайте, пожалуйста, паспорт, я впишу в протокол.

Все это он выпалил одним духом, не дав мне и рта раскрыть. Я полез в рюкзачок и положил перед ним на стол паспорт и пропуск. Он подвинул документы себе, но не успел что то сказать, как открылась дверь, и в комнату ввалился еще один мужик. Прижимающий к себе пишущую машинку «Ятрань», насколько я смог разглядеть.

— У меня праздник, Вова! — сказал он, — я сейчас за час всю бумажную херню сделаю.

Мне показалось, что Смирнов был недоволен, но промолчал и повернулся ко мне.

— Давайте, гражданин Андреев, пока просто поговорим, а потом уже оформим показания.

Я кивнул:

— Давайте. Называйте меня, пожалуйста, Коля. А то я неудобно себя чувствую. Только поясните, в качестве кого я здесь.

— Пока мы просто беседуем. А потом разберемся, Коля. — ловко увильнул майор — Ты не мог бы подробно рассказать, чем ты занимался вчера?

Я не стал умничать, а просто рассказал. Что я со своей девушкой, в субботу, уехали загород. К моей бабушке, в Сестрорецк. Где и провели выходные. Вчера вечером вернулись. Поужинали в ресторане, и поехали домой. Где легли спать в начале двенадцатого.

При упоминании ресторана, Смирнов встрепенулся и за меня взялся. Настоящий мент, как к ним не относишься — это круто. Майор — настоящий. Потому что не успел я оглянуться, как он полностью выяснил все, что произошло в ресторане. Не сказать что я запирался. Но про драку рассказывать не собирался. Однако сам не понял как, но рассказал. Что к моей девушке приставал какой то хмырь. Пришлось его гнать. А Смирнов подвинул лежащую на столе папку к себе, и достал из нее фото. Вчерашнего мужика, что приставал к Вике.

— Ты про этого гражданина говоришь?

— Ну да.

— Расскажи тогда, как было на самом деле. Как двое спутников этого гражданин, а тебя выдернули из за стола, и избили.

Он с благожелательной улыбкой взглянул на синяк на моей скуле. Мужик за соседним столом не обращал на нас никакого внимания. Увлеченно лупил двумя пальцами в клавиатуру. Заполняя стрекотом машинки все помещение.

— Откуда у вас такие байки? — удивился я — да, они попробовали мне настучать. Но не вышло, и я попросил их нас оставить.

— Да? Я официант говорит, что они повалили тебя на пол, и били по лицу.

— Гм. Все не совсем так. Я споткнулся о ножку стула. Но потом встал, и заблокировал их попытки меня ударить. Они, сообразив, что дать по морде мне не выйдет, успокоились и ушли. И этого- я кивнул на фото нас столе- с собой забрали.

Я не то что бы стеснялся. Но драка в общественном месте... так и хулиганку вменяют. Ну его. А майор явно меня разводил. Понять бы еще, на что?

— Коля, кончай врать. Эти двое- бывший чемпион Союза по боксу в полусреднем весе Алексей Саткин, и призер первенства СССР в полутяжелом весе — Павел Уваров. И ты мне будешь говорить, что они ушли по твоей просьбе?!

Я пожал плечами.

— Дык бывшие же. Да и я не пальцем деланный. В армии отслужил. Там учили от таких уклоняться.

— А ты где служил? ВДВ?

— Гм. Не обижайтесь, товарищ майор, но вы допуском не вышли. Или у вас первый допуск, по секретности?

Пошел он. Так-то конечно я слегка приврал. Но с другой стороны — не хер. Нужно- пусть военных

запрашивает.

— То есть ты утверждаешь, что ты их прогнал?!

Я снова пожал плечами:

— С древних времен, поле битвы остается за победителем. А мы с Викой, после их ухода еще час сидели.

Как то, что то, нарушилось в раскладах, что были у майора Смирнова. Потому что он перестал быть похож на гончую в стойке. И уже спокойно спросил, чем я занимался вчера с пол одиннадцатого, до двух ночи. И может ли кто ни будь это подтвердить. Я рассказал, что мы вернулся домой в десять. А в одиннадцать легли спать. Вахтер дома и моя девушка, подтвердят. Вот телефон нашей вахты. Я продиктовал. Она на сутки заступила, часа через два смениться. А сейчас на месте. Из квартиры мимо нее не выйти.

Смирнов снял трубку и набрал вахтершу. Тут в кабинет открылась дверь. И, в проеме застыл мужик под пятьдесят. В дорогом костюме, обуви, ослепительной рубашке и галстук в тон. Явно начальник. Оба мента в кабинете встали. Не отвлекаясь, впрочем от своих занятий. Начальник несколько секунд разглядывал меня. И его взгляд мне не понравился. Он смотрел на меня как на говно, что ему нужно убрать голыми руками. Потом он развернулся, и ушел, не произнеся ни слова. Менты сели. И майор Смирнов, не отвлекаясь от телефона, бросил на меня непонятный взгляд. Потом он заговорил с нашей консьержкой. Которая, судя по всему, подтверждала мои показания. Положив трубку, он сказал:

— Пока все верно, Коля. Давай протокол напишем, и я тебя отпущу.

Он подвинул себе мой паспорт, достал бланк, и принялся его заполнять. И я спросил, что случилось то? Он, не отвлекаясь от писанины, сказал, что вчерашний приставала — это Директор Адмиралтейского Торга, Вайнштейн. Вчера ночью убит при попытке ограбления его квартиры. Ты, Коля, последний, кто с ним разговаривал, перед убийством. Убит также один из спортсменов, что были с ними. Квартира ограблена. А третий их спутник- в больнице, в тяжелом состоянии. Пока без сознания.

Он разрешил мне курить. Я, затягиваясь, и на автомате отвечая на его вопросы, размышлял. Что имя и фамилия Вики, ни разу не прозвучали. Понятно. Убийство сейчас — это ЧП. А тут- двойное. Менты, за ночь, выяснили все, что происходило с убитым, и заинтересовались мной. Судя по тому, что звонили домой, все про меня разузнали. В том числе и про мою спутницу. Примерили меня в убийцы, от обиды за избиение. Не сростается. Вот только, молча заглянувший начальник...не к добру.

В протоколе действительно не упоминалась моя девушка. Только вахтерша. С чем меня и отпустили. Времени было уже около шести вечера. Я уселся в машину, и поехал на Сенной рынок. Твердо намеренный купить говядины. И забодяжить мне и Вике стейк. Говядины я купил, да только зря. Потому что Вику забрал отец, и увез на дачу. На столе лежала записка, с обещанием позвонить.

Меланхолично сделал стейк себе, и заточил, в бессчетный раз посмотрев «Апокалипсис Сегодня». В который же раз размышляя, о том, что фильм вышел ...красивым. Или так и задумывалось? Но ужас и дерьмо — эстетезированны. Поболтал с Викой. Рассказал про ментовку, и причины вызова. А она рассказала, что мама скандалит, так что придется до следующей недели пожить на даче. Нет, на кафедру я приезжать буду. Не злись, Коль. Маме скучно и одиноко.

Потом долго писал о муниципальной экономике, отвлекаясь на разговоры с Сурковым, и попытавшись дозвониться Иво. Раз такая история, то и выпить с друзьями не грех. Решили ориентироваться на среду. Нет, я потом конечно позвонил Лишовой, сказал, что решил с Сурковым и Ивиком предаться ночной жизни. Она смеялась и уверяла, что с интересом выслушает, что там за варьете в Тройке, а то столько слухов.

На следующий день, на кафедре, она была... странной. Нет, все было нормально. Но было ощущение, что она расстроена. А машина, что прислали, чтоб везти ее на дачу, стояла у моей парадной. Я не скрывал досады. Вика фыркала, и говорила, что все ходы просчитали. Уехала.

Проводив взглядом Волгу, что ее увозила, я развернулся в парадную. Да только наткнулся на стоящего, прислонившись к двери, Фреда.

— Фред... я совсем тебе не рад.

— Ты верно сообразил, что у тебя неприятности, Дух.

— А если я скажу — пошел в жопу, и просто пойду домой?

— Будет гораздо хуже. Лучше, если ты сможешь мне с одной ерундой.

— Да и хер с ним, Андрюха. Пойду я. — и потянул ручку двери.

— Андреев! Ты что, и вправду думаешь, что у меня мало дел, кроме как тобой заниматься? Ты не о@уел часом?! То, что я попрошу тебя сделать, нужно — тебе, и только тебе. А мне нахер не стояло. Понял?!

До этого, включая прошлую жизнь, я ни разу не видел Фреда вышедшим из себя. А тут его так расколбасило, что было ощущение, что он сейчас драться полезет. Я с минуту смотрел на него с веселым изумлением. Эка его припекло. С другой стороны, именно он притащил на себе маленького тертьеклассника — меня домой, когда я вывихнул ногу на горке. Он помог Суркову записаться в секцию бокса. Его не очень хотели брать. Старший брат,

которого ни у меня, ни у Сереги не было. Даже не понятно, чего он с нами возился...

— Эх, Андрюха. Не злись, но как то все так складывается, что у меня одни проблемы. Ну да ладно. Что ты хотел?

— Меня сегодня вечером будут грабить.

— Да ты что?!

— Ага. Я прошу, тебя и Суркова, помочь Игорю скрутить грабителей.

— Блин, Фред, ты серьезно? И при чем здесь я?

— Поможешь? Я и без тебя обойдусь. Но, повторюсь, это нужно — тебе.

— Что за люди? Сколько. Вооружение. Как будут действовать. Откуда знаешь? Может, тебя развели?

— Три человека. Возможно- четыре. Но вряд ли. Из оружия- ножи, кастет. Ломик, что не рассуждая саданут по голове.

— Пхе...Простые уголовники? Там и Игорь справится!

— Мне не нужны случайности. Устойчивая бандитская группа. На счету уже есть убийства.

— Хорошо. Что и как делать?

— Это уж вы определитесь сами. Они придут между одиннадцатью и полночью. Я буду в квартире. Они взломают дверь и ворвутся.

— Хм. Откуда знаешь?

— У них алгоритм отработан. И еще, Коля. Аккуратно посмотри вправо. Видишь там Москвич четыреста первый?

— Да.

— Это за тобой наблюдение. Так что, когда пойдешь ко мне. Озаботься не притащить их. Хорошо?

Скинуть хвост оказалось не сложно. Я за год здесь все излазил. Даже не отказал себе в удовольствии понаблюдать, как два парня, потеряв меня, одинаково сплюнули, коротко посоветовались. И здраво пошли обратно к моему дому. А я, с несколькими пересадками, добрался до Фредовской дворницкой. Только заходить не стал. А прошел, в сгущающихся сумерках, в дальний угол двора. Там, у помойных контейнеров запаркована сурковская Волга. В которую, я и уселся. План был прост. Сидим, наблюдаем. Когда бандюки взломают дверь, выдвигаемся, и кладем их на пол. В квартире их встречает Игорь. У меня и Суркова была тысяча вопросов. Но Игорь, которому в такого рода делах мы доверяли гораздо больше Фреда, заверил, что, скорее всего, так и будет.

Я, видимо, отвлекся. И пропустил их появление. В свете фонарей с улицы, было сносно видно. Трое, не особо скрываясь, подошли к двери в фредову квартиру. Противно закрипел металл. Все было распределено заранее. Поэтому, когда первый рванул дверь на себя и вошел, мы с Серегой уже были рядом. Сурков двумя руками дал по шее последнему, и он с каким то всхлипом, начал заваливаться. А я носком ноги подбил ногу того, что входил в коридор квартиры, и добавил по затылку, чтоб он ощутимо встретил пол лицом. Да только чувак оказался на адреналине. Когда я навалился сверху, выворачивая ему руки, он неожиданно мощно стал вырываться. Отпустил, хуле. И засадил ему за обоими ушами. Все, в отключке. Наступив на него, запрыгнул в большую комнату. Третий налетчик стоял прижавшись к стене у входа в комнату. Напротив него стоял Игорь, прижав к его шее острый, даже на взгляд, нож. В кресле сидел бледный Фред.

Я в темпе выскочил обратно, схватил сваленного мной мужика за шиворот, и затащил в комнату. Потому что вслед за мной, своего противника затащил Сурков. Быстро их спеленали скотчем. Сурков глянул на меня и показал большой палец. Я же говорю, скотч вещь.

— Ляг на пол, руки за спину- сказал Игорь. Его противник медленно лег на пол. Игорь кивнул мне. Я обмотал ему руки и ноги скотчем.

— Пойдемте, парни. Игорь здесь сам разберется — открыл рот Фред, и махнул в сторону кухни. На кухне, на столе, стояла бутылка водки, и шесть рюмок. Еще кого-то ждем?

Андрюха, тем временем, разлил по рюмкам, кивнул нам, и выпил.

— И что это было? — спросил Сурков, взяв рюмку.

— Пейте, нужно подождать. — из гостиной было раздался полный боли крик, резко стихнувший. Я тоже махнул. Дело понятное. Игорь занят экспресс допросом. Но я по прежнему ничего понимал. И уселся возле стола, достав сигареты.

— Терпение, Дух. Через пол- часа ты все узнаешь. — буркнул Фред. Сурков сказал, что закроет машину и вышел из кухни.

Игорь пришел на кухню через десять минут.

— Все нормально. По всем эпизодам. Хабар на даче в Сертолово в погребке.

— Давай тогда, Игореша, вези ментов. — ответил Фред — а я пока с парнями выпью.

И налил нам с Сурковым еще по рюмке. Игорь вышел. Я услышал как на улице завелись Жигули.

— Фред! — сказал Сурков — если мой сын родится без меня — тебе пи@дец.

— Рано еще, Сурков. Врачи говорят что в августе.

— Все то ты знаешь. Что, блять, происходит? — я начал не по детски злиться. Фред посмотрел на меня, на часы, и сказал:

— Игорь поехал за майором Смирновым и капитаном Личиным. Они ждут тебя возле твоего, Коля, дома, что бы тебя арестовать. Точнее задержать. Но, сам понимаешь.

— Зачем?! — я слегка окул. Сурков налил себе еще рюмку, и уселся рядом со мной.

— Какой хороший вопрос — усмехнулся Фред — что ты имеешь ввиду? Зачем поехал, или зачем арестовать?

Подожди, сейчас все разъяснится.

В коридоре раздался шум, и на кухню вошли еще двое. Майор Смиронов, и мужик, что печатал на машинке. Видимо Личин. Майор сразу увидел меня, и глаза у него загорелись:

— Парень что нас привез, сказал, что задержал убийц, из квартиры, на Крюковом канале.

— Садитесь майор — ответил Фред — и не только на Крюковом. Сейчас поговорим, и решим, кого же задержали.

— Вы кто такой? — добавил мента в голос Смирнов

— А вы садитесь, наливайте. Заодно познакомимся.

Менты сели за стол. И налили, уставившись на Фреда. Тот открыл рот, и всех представил, пояснив что так проще. А потом сказал речь:

— На новый год, первого января, в пансионате Ольгино, состоялась крупная игра. Я не буду сейчас углубляться, скажу одно. Человек, которого наши гости- он кивнул на ментов- знают как Толика Кочегара, проиграл миллион шестьсот тысяч долларов.

Лично мне показалось, что я ослышался. Но Фред повторил:

— Миллион шестьсот тысяч именно долларов. — повернулся к нам с Сурковым. — уже с этого места милиция к этому делу не имеет никакого отношения и ведет его КГБ. Правильно, майор? — Фред уставился на Смирнова Тот курил опустив глаза. Но кивнул.

— Но дело в том, что у Кочегара было всего триста тысяч. Долларов. Остальное ему, партнеры по игре разрешили выплатить частями, в течение года.

И Смирнов и Личин встрепнулись и уставились на Андрюху. Тот им кивнул:

— Да, так в Ленинграде появилась банда, что с января совершила девятнадцать ограблений квартир ювелиров, цеховиков, и просто Марии Пахоменко. И совершила два убийства. Антиквара Замятния, и начальника адмиралтейского торго Вайнштейна. Погасили еще шестьсот тысяч долларов долга.

— Откуда знаете? — спросил Личин

— Какая вам разница? — ответил Фред. — Дело в том, что все эти ограбления никто не подумал связать, и каждое дело расследуется отдельно. Хотя, вы, майор, давно поняли, что это одни и те же люди бомбят антикваров и цеховиков. Да и, вы капитан, тоже догадывались. И руководство ваше.

— И что? — спросил Личин. — Зачем вы это рассказываете?

— Дело в том, что позавчера, при ограблении, был убит Семен Михайлович Вайнштейн. И к этому имеет отношение мой друг. Вот он, Андреев. Он не причем, за исключением того, что выкинул охамевшего Вайнштейна из ресторана. В результате, он вернулся домой на два часа раньше, и столкнулся с грабителями. Которые сразу пустили в ход ножи.

Фред закурил и подумал. На кухне стояла тишина. Я потянулся и налил себе в рюмку. Сурков подвинул свою. Я по прежнему не понимал, что я здесь делаю.

— Сейчас, Дух, ты все поймешь- засмеялся Фред. — майор Смирнов. Я хочу, что бы вы рассказали, что ждал присутствующего здесь Андреева. Взамен вы почти немедленно получите всю банду, что убила Вайнштейна и совершила все эти ограбления.

— Что значит получу? Вы назовете имена, адреса?

— Вы получите их лично, с признательными показаниями, и указанием места где они хранят улики и награбленное.

Смирнов очевидно занервничал. Да и Личин увел глаза в сторону. Это что же мне такое уготовано. И с чего?

— Товарищи офицеры стесняются. — изрек Фред, — тогда я расскажу, Коля. В главном управлении существует приказ за номером 008. Опуская детали, скажу суть. Как только в деле появляется родственник лица из высшей городской номенклатуры, это дело немедленно передается в КГБ. Где, как правило, спускается на тормозах. В данном случае, неочевидно, как пойдет дело, и захочет ли КГБ его себе забрать. В общем, по всем раскладам, милиции могли не дать толком это дело расследовать. Хотя майор Смирнов про Толю Кочегара знал. И сильно подозревал. Верно?

Оба мента кивнули. Эка оно!

— В общем, вчера утром, когда определился круг фигурантов по убийству Вайнштейна, генерал Горошко

увидел там фамилию Лишова. И подтверждение, что она дочь Бориса Ивановича Лишова.

Я сплотнул. Он только что говорил, что за мной следили. И что Смирнов и Личин должны были меня арестовать. Фред, в это время, смотрел на меня и сочувственно кивнул.

— Да, Коль. Борис Иванович, вчера, обедал в Смольном с генералом Горошко. Он возглавляет розыск в Питере. Сегодня утром, в прокуратуру пришли бумаги, на Андреева. Просили оформить ордер как на наводчика.

Он повернулся к Смирнову.

— Ну, расскажете, майор, как хотели посадить надолго парня, за то, что он вступился за свою девушку?

— Да какой надолго? — поморщился Смирнов- максимум год-полтора бы отсидел. Было решено, что если к убийству его не подтянуть, то пустить по хулиганке.

— Вот так, Коля, я вчера, в ресторане «Чайка», сказал Игорю, что сегодня у меня будет лежать пятьсот тысяч долларов. — засмеялся Фред — а за соседним столом, надо же, как раз сидел Толик Селинцев. Он же Кочегар. И — подслушал сукин сын!

Дальше я не слушал. Да нет. Вика не могла знать. Но папаша то у нее каков! А он мне так нравился. Сурков потряс меня за плечо.

— Ты не обижайся, Андреев. Я еще на совещании сказал, что буду на условку тебя тянуть. Беспредел это.

— Ты, Смирнов, вместе с генералом, чуть не огребли по полной. Прокуратуре уже давно ваши художества не нравятся. И если вы на Андреева покатите, то она будет рада. Хер тогда вашему Горошко, а не перевод в Москву. Да и тебе достанется. Вот для этого я вас всех здесь и собрал. Ты понял Смирнов?!

Из речи Фреда пропала обычная мягкость. И говорил он так, что Личин вытянулся сидя. И даже Смирнов как то собрался. А потом махнул рюмку. А я встал и сказал, что дальше без меня как ни будь. Пойду я.

Фред вышел меня проводить. А Сурков сказал, что ему домой пора. А на машине не стоит. Так что пошли вместе.

— Ты не переживай, Коль. Просто, вот так делаются дела. Я думаю, ты Светлане не нравишься.

— Не лезь куда не просят, Фред. И не делай вид, что я тебе что то должен. Лучше расскажи, что тебе антиквары обещали за то, что их бомбить перестанут.

— Да это я тебе теперь должен. И тебе, Серега. Звоните в любое время.

И мы, с Сурковым, побрели в сторону Лиговки. На часах было начало первого.

Если бы не легкая оглушенность свалившимися новостями, то прогулка по Лиговке была бы даже приятной. Абсолютно пустой Лиговский проспект. Белые Ночи, все дела. Последний трамвай прозвенел, проехав мимо.

Мы, не сговариваясь, повернули в сторону Московского Вокзала. Если надоест идти, там всегда можно поймать тачку. Я курил, и думал, что мог бы сообразить, что Викины родители что то предпримут. Благо и возможностей у них — предостаточно. Но, ожидал что все начнется с разговоров. А тут — эдакая история!

— Она плакала — неожиданно сказал Сурков — когда ты уехал, она так горько плакала, что даже у меня рвалось сердце.

— Блин, Серег. При чем здесь Вика?

— Думаешь, Фред прав, Светлана Артуровна мужа накрутила?

— Думаю, что в кои то веки, Фред неправ. Видимо, просто случай подвернулся. Хотя жена, как водится, капала мужу на мозг. Но все проще и сложнее. Там, с приходом Горбачева, движуха в номенклатуре пошла. Чистота рядов, то- се. Да и простых змеиных радостей, типа подсиживания, никто не отменял. А тут — дочь замешана в убийстве!

— Куя себе! Ты ж ее практически спас!

— Да кого там, в верхах, это волнует? Пойдут разговоры, то ли он вилки украл, то ли у него вилки украли... Оправдывайся потом. Ну, он и договорился, с глав ментом, что Вика не фигурирует, дело расследуют менты. Заодно уберите этого Андреева куда ни будь.

— Это как?

— Да все просто! Вот именно сейчас, Смирнов договаривается с грабителями о том, что про доллары нигде никто не упомянет. А про Вику менты сами промолчат. И все. КГБ, об этом всем, узнаёт постфактум, из сводки. Бандюки уходят из под вышки. Смирнов вешает новую звезду на погон, и становится легендой всей ментовки. Раскрыл такое дело! А Фред, сука, вообще кругом в выигрыше. Ему должны — все. От Лишова, и генерала Горошко, до Смирнова и меня. И не думай, что тебя среди должников нет.

— Как нет? Он мне фурнитуру, для дома, в августе добудет. Сказал, что с какими — то марамоями договорился. Так что сам понимаешь.

— Куркуль ты, Сурков. Я и представить не мог, насколько.

— И что, думаешь теперь Иваныч с Артуровной от тебя отстанут?

— Бгг... конечно нет. Ты помнишь, что Борис Иванович крупный чиновник? Такие обычно решают поставленную задачу.

— А какая задача? Тебя посадить?

— Убрать меня от Вики. По принципу — с глаз долой из сердца вон. Они думают, что за год — полтора она меня забудет. Так что раз огонь не сработал, то попробуют медные трубы.

— Это как?

— Ну, организуют мне, к примеру, какую ни будь стажировку за рубежом. Года на два. Я там, естественно, пойду по проституткам и пушусь во все тяжкие. А ее, здесь, познакомят с каким ни будь красавцем, из приличной семьи.

— Ну не знаю, Дух. Скорее в Певек ты угодишь, или Магадан.

— Не-не. Десять часов лету... должна быть серьезная преграда. Тюремная охрана, к примеру. Но, не срослось. Так что попробуют пограничников.

— Мелко, Колян, мыслишь. Думаешь, раз не вышло достойно сесть в тюрьму, и очистится через страдания — то запачкают через удовольствия, что неплохо, согласен. Да только за граница ведь тоже разная.

— Например?

— Студент Андреев, с визитом дружбы, оказывается в Анголе.

— Бгг..

— Зря смеёшься. Голодные антиправительственные силы, узнав, что привезли белого студента, который всю жизнь питался три раза в день, сразу бросятся на штурм.

— Отобьёмся уж как ни будь.

— Само собой. Но именно тут-то ты и сгинешь в злочных местах Луанды. Там, компромата на тебя наберут, тонны. Только, знаешь, в чем и твоя, и их проблема?

— И в чем же?

— Бгг...Вика тебя простит.

— Черт! Нужно будет пресс подкачать. А то ей будут показывать на меня фотокомпромат, а у меня пресс слабоват... И вообще, нужно будет тщательно поработать над мизансценой, чтоб фото были — восхитительными.

Девушки опять же... только негритянки, в крайнем случае — приятно шоколадные... Сурков! Когда уже Ирка родит?! Мне же там без тебя не справиться!

— В августе же ждем.

— Мальчика ты назовешь Коля? А если девочка — Вика?

— Гм. Мальчика будут звать Павел. А девочку Полина.

— И когда ты собираешься целовать мне ботинки? В надежде, что я тебя прощу?

— Я, Дух, не расскажу сегодняшнюю историю жене. И Вике. Этого достаточно, я считаю.

На этом, собственно, мы отложили произошедшее на потом. И подумать есть о чем, да и успокоиться тоже.

А пока Сурков поведал, что мои байки про строителей загородных домов, сильно приукрашивали действительность. Мамин бойфренд, подполковник Лосев, оказался толковым мужиком. В результате все неплохо, и не только со стройматериалом. И у Сереги теперь, в распоряжении, пять высококвалифицированных военных строителей.

— Я их пиз@dил два дня подряд, с первого же дня. Первое, что они сделали, это продали рубероид, и принялись бухать. А тут — я внезапно нагрюнул. Дух! Они пытались сбежать в лес! — Сурков сладко зажмурился.

Я фыркнул. Нельзя доставить Суркову большей радости, чем попытаться сбежать от него в лес. Специально мы не обсуждали, но насколько я понял, в его программу подготовки как раз и входило обескровливание, малыми силами, подразделений противника в лесу. И я, с некоторой опаской, подумал, что главное, чтоб воины не помчались в ментовку, сдаваться.

— Ты бы, Сурков не зверствовал, а то мало ли. Но, если чо, можешь на меня рассчитывать.

— О! Слушай план. Ты, в выходной приедешь, и сопрешь у меня со стройки какую не будь трубу. Они на тебя кинутся, потому что знают, что если что то пропадет, то я их отмудохаю. Ты их там сложишь рядком. И тут приеду я. И отпи@жу их еще раз. За то, что не смогли отстоять имущество. Исполним план по побоям. А потом шашлыки организуем. Соус этот свой — сделаешь?

— Не слишком ты с парнями?

— Я даже сейчас подозреваю, что они химичат там. Военного строителя сколько не бей, он своей вины не искупит.

— Соберись, Сурков, другие ещё хуже, поверь.

— Да я сам так служить хочу! Жратва от пуза, спи сколько хочешь...

Углубиться в тему истязаний военных строителей мы не успели. Еще когда мы прошли Обводный, нас медленно обогнал милицейский Уазик. Обычный ППСный луноход, не торопясь уехавший в сторону Разъезжей. Пока мы шли и трепались, он, видимо развернувшись, протарахтел с другой стороны, на встречу, уже в сторону Обводного. А потом снова нас догнал. Проехав немного вперед, остановился, и из него вылезло двое ментов. Два сержанта с автоматами.

— И куда направляемся? — спросил тот, что совсем мелкий. Без слез на милицию смотреть было трудно. Два невысоких, щуплых деятеля в форме и при оружии. Отобрать автоматы, и нащепать по заднице обоим, не представляло никакого труда. Как они намерены охранять мирный покой граждан, было неясно. Но сами они про себя так не думали, и были настроены решительно. — Документики имеются?

— Гуляем мы — ответил Сурков — у меня есть паспорт. А у тебя? — он глянул на меня, я залез в рюкзачок.

— А у меня — паспорт и студенческий. Вам что предъявить, сержант?

— Проедемте с нами. Садитесь в машину- ответил сержант. И скинул автомат с плеча. Я глянул на Суркова, он на меня. И мы оба пожали плечами.

— А с чего нам куда то ехать? — спросил я.

— Там объяснят- сказал второй — давайте. В машину. — и открыл дверь отделения для задержанных.

Честно говоря, мы оба слегка растерялись. Идут двое, к ним подъезжают менты, и говорят- поехали. Что, почему- не ваше дело. И попробуй возрази. И мы залезли в машину. Там было, слава богу, не наблевано. Уазик завелся и бодро поехал. Я заметил, что более мелкий мент что то говорит по рации. Из зарешеченного окошка было видно, что мы развернулись, и снова переехали Обводный. И, чуть проехав, остановились возле отдела милиции. Дверь открылась, и мелкий мент сказал:

— Пошли.

Второй шел сзади. Так мы и вошли в отдел. Нас не посадили в клетку, а указали на скамейку в рекреации, напротив окна дежурного. А рядом, в клетке, разделенной на женскую и мужскую половины, в это время пели, плясали, били морду и целовались сквозь решетку. Шум стоял такой, что я с трудом понял, когда второй мент нам сказал сидеть и ждать, к нам подойдут. И ушел. Дежурный в это время выслушал первого ментенка, и кивнул. И мы остались одни в рекреации. Только из клетки какой то синяк тут же попросил закурить. Достал полную пачку, и отдал страдальцам. Потом и прикурить дал. Зажигалку не дал, пожалел все же.

— Как думаешь, Дух. Что это?

— Нас с тобой, Сурков, в чем-то подозревают.

— А че в клетку не сажают?

Тут открылась входная дверь, и менты, под руку ввели мужика с избитым в кровь лицом. И посадили рядом с нами. Он глянул на нас, помотал головой, и наклонился к полу. Из разбитого носа на пол капала кровь. Менты ушли. А мужик так и сидел рядом, безучастно капая кровью.

Тут менты вошли в сопровождении полной тетки. Голос у нее был такой, что перекрывал весь ор вокруг:

— Не, не они. Те оба были brunеты, и помельче.

Я хмыкнул:

— Это у них тут, Сурков, расследование преступлений опережающими методами. Задерживают кого ни будь, и показывают всем потерпевшим. Вдруг кто узнает. Ну, что б не напрягаться особо.

— Скажите пожалуйста, какой новаторство! — засмеялся Серега — как думаешь, нас выпустят, или уже все?

— Ты заметил, что нас не обыскали? Так что, скорее всего выпустят.

— Твоими бы устами — Сурков достал сигарету и закурил. — они, похоже, вообще сбрендили.

Тут наконец открылась дверь рядом с окном дежурного, и оттуда вышел лейтенант, направившись к нам. Только он не стал требовать документы или вообще что-то спрашивать. А сразу начал орать:

— Кто вам разрешил курить в помещении отдела?!

Я и так не особо волновался. А тут, почему то совсем успокоился. Только полез в рюкзак, достал сигареты и закурил. В клетке курили все. В окно дежурного было видно, что и дежурный и его помощник тоже курят. Так что я затаился и взглянул на лейтенанта. А Сурков заговорил своим специальным, мерзковатым, голосом для допросов:

— Вы, лейтенант, сейчас мне объясните, на каких основаниях задержали меня и моего друга. И если я эти основания не сочту убедительными, то я вам гарантирую, что завтра отдел ждет полная, всеобъемлющая проверка. Потому что вы здесь совсем берега потеряли. Первых встречных прохожих задерживать!

К концу Серегиного выступления в помещении наступила тишина. Я с любопытством уставился в лицо летёхи. Он оказался достойным чуваком. Как то встряхнулся и сказал:

— Я приношу вам свои извинения. Давайте я вас провожу. Прошу.

В клетке заулюлюкали. Я бросил сигарету на пол, и встал. Сурков подумал, и тоже встал. И мы пошли на выход.

— Вы извините ребята. У нас подряд три разбоя, два каких то ухаря резвятся. Вот ППС и переусердствовал.

— Не влияет, лейтенант. Пусть нас отвезут где взяли.

Летеха засмеялся:

— И тогда у нас все ровно?

— Да можно и без машины. Мы с пониманием- открыл наконец рот я.

— Ну уж нет. Пусть везут- продолжал говняться Сурков.

Лейтенант махнул рукой, к нам подъехал Уазик. Поновее и без люстры. Коротко переговорив с пожилым сержантом, лейтенант сказал:

— Отвезет куда скажите. И извините еще раз.

Мы уселись на заднее сидение и поехали.

Мне, почему то, смешинка в рот попала, и я, пока мы ехали, по Лиговке, сидел и фыркал. А Сурков не мог успокоиться.

— Окуели в край. Чтоб не напрягаться, скоро всех по клеткам рассадят, и будут потерпевших мимо водить! Чувствуешь, Душина, тонкий криминализм, и следственные уловки?

— Да не быкуйте вы, мужики. — вдруг заговорил мент-водила — У нас, на прошлой неделе, пол отдела отстранили. Работать некому. А тут грабежи в районе начались. Вот все и носятся как ужаленные. ДурЯт. Но вы уж войдите в положение.

— Ты мне, сержант, скажи, — не успокаивался Сурков — я теперь что, по улице в белые ночи прогуляться не могу?! Я что, на грабителя похож?

— Не, я б тебя убийцей скорее посчитал. Но пацаны в ППС- зеленые совсем.

Тут уж я не выдержал и заржал.

— Вот, Сурков. Слушай опытного человека. И держи себя в руках. А то возьмут тебя. Во время прогулки.

Сержант высадил меня на Невском, и повез Суркова домой. Благо у них завязалась оживленная дискуссия о внешнем виде преступности. А я не торопясь перешел Невский и дошел до дома.

На кухонном столе стояли телефон, и недопитая чашка кофе. Это я, еще днем, обсуждал с Игорем и Сурковым план отражения агрессии на Фредово жилище. На автоответчике было несколько сообщений. От Вики. Она просила позвонить. Глянул на часы. Начало четвертого. Утром позвоню. Не торопясь зарядил, и включил кофеварку. Спать не хотелось, так что приму душ, да и сяду ваять науку. Но вместо этого, подошел и уставился в

окно.

Свет я не зажигал, в доме сумрачно. Но прозрачный свет за окном намекает, что скоро между облаками и городом появится солнце. Уселся на подоконник, и закурил. В прошлой жизни, я, в это время, торчал в Обнинске. Из школьных знакомых и друзей, регулярно виделся лишь с Сурковым и Иво. С Фредом лишь изредка. И только теперь я понял, что он спецом выделял время, что бы спокойно со мной пообщаться. Да и потом, став уже солидным и крупным деятелем, прилетая в Москву, или в Испании, он всегда находил возможность уделить время и мне, и Суркову. Мы это воспринимали как данность, не особо заморачиваясь. А сейчас я вдруг понял, что дружба с нами для Андрея Александрова не пустой звук.

Я затянулся. Только теперь до меня дошло. Фред, если и пройдоха, то с золотым сердцем. На поверку выходит, что он, конечно, не самый честный парень в истории. Но он нужный всем клоун, с неистребимым чувством справедливости. Тот, кто слишком много знает о том, как легко можно нарушить хрупкое равновесие в этом мире. И он, в меру сил, это равновесие поддерживает.

Тут, не дав мне впасть в философский пафос, зазвонил телефон. Интересно, кто бы это? Хотя, кого я обманываю.

— И где ты пропадаешь?

— Вик, я же тебе говорил, что в связи с твоим отсутствием, у меня будет напряженная ночная жизнь. Притоны, преступность, драки, и падшие женщины. Все как ты любишь.

— Не ври, Коленька. Лучше скажи, у тебя все нормально?

— Её зовут Изольда, она проститутка в Астории. Тридцать пять лет. Я отказался от ее услуг. Чего же здесь нормального? Я просил кого помоложе. Но в Астории проститутки- только заслуженные товарищи, от тридцати. Куда катится мир?

— Андреев! Кончай свой треп! Мне вдруг, вечером, показалось, что с тобой беда. Звоню, а тебя нет. И что прикажешь думать?

— Ну не знаю. У девушек богатая фантазия. Они отлично все сами придумывают. Вот и ты придумай, а я буду отрицать.

— Мне тебя убить хочется, Коль.

— Каждой девушке хочется убить за свою жизнь хотя бы одного парня. Мне льстит твой выбор, Виктория.

— Ну Коляяя... что случилось?

— Это оскорбительно, Виктория! Почему ты не веришь в проститутку? Хорошо, ты меня раскусила. Это была мотальщица с Красного Треугольника.

— Я не могу громко смеяться. Мама спит. И вообще, эти твои тайны. Давай не будем ничего скрывать друг от друга?

— Да не скрываю я ничего. Я Фреду мусор помогал убирать. И Сурков тоже. Это унижительно, раскрывать тебе всю подноготную! Засыпая, ты должна думать, что я, в черной маске, крадусь по крыше Центробанка, с целью ограбления века! А ты меня заставляешь признаться, что я подрабатываю ночами уборкой мусора. У тебя совесть есть?

— Правда?

— Виктория! Хоть один твой знакомый мужского полу, признается, что таскал баки с помоями?

— У меня нет таких знакомых!

— Вот я и говорю. Как они смеют предлагать мне пожилых проститутку?! За кого меня принимают в этой Астории?

Вика фыркнула и, вроде бы успокоилась. Вот что это? Почувствовала она... А она рассказывала, что у ее мамы обострение язвы, и теперь Виктория привязана к даче. Нет, на кафедру она приедет. Все нормально, Викунь. Я прокрадусь ночью к вам. Тебя поймают, и заберут в ментовку. Меня?! Ты главное, сама не пугайся, когда увидишь меня ночью. Я подумал, что, пожалуй и вправду, залезу как ни будь к ним в дом. Чего уж теперь? И мы еще долго болтали, пока я не погрозил разбудить ее завтра — в семь утра, потому что Проницева тебе покажет. А я буду при этом радостно смеяться. Ну и ладно. Подумаешь! И отключилась.

Спустя совсем немного, телефон зазвонил снова. Я снял трубку:

— Ты отлично знаешь, что я без ума от тебя. Вовсе не нужно лишний раз звонить, что бы это услышать!

— Гм. Скажу честно, Дух. Моя Людка этого не поймет. Поэтому держи себя в руках. — ответил мне Фред. — хотя, я тебе сочувствую. И где то даже понимаю. В меня невозможно не влюбиться.

— Бля, Фред! Хуле тебе то не спится?

— Ты знаешь, Дух, ради твоего признания мне, я готов не спать сколько угодно. — заржал Андрюха. — но не волнуйся, я никому не скажу. Наверное.

— Тут ведь тебе и Игорь не поможет...

— Расслабься. Хорошо, что ты с Викой не стал ругаться. Ни к чему это. И спасибо за приятное окончание дня.

Но я не за этим. Я Суркову не хочу звонить. Ты не знаешь, когда он на свою стройку поедет? Хотел посмотреть, что там и как у него.

— Мы в воскресенье собирались, с утра. В субботу я к маме. А в воскресенье, с утра, на стройку к Суркову. Шашлыки, то-се.

— Отлично! Я тоже подъеду. Расскажи Суркову, чтоб планы не менял. Ладно?

Мы попрощались. И я отпил кофе. Интересно. В то, что Фред собирается смотреть сурковский дом, я не верил ни секунды. С другой стороны раз уж так пошло, то чего от него бегать?

А телефон зазвонил снова.

— И почему ты не перезваниваешь, что бы сказать, как страдаешь без меня?

— Ты еще не спишь?! Я щас приеду и выпорю.

К будущей даче Суркова мы подъехали около десяти утра. У него уже почти возведен первый этаж! Обалдеть! Вспоминая Серегино нытье, я теперь не мог отделаться от мысли, что он приbedнялся. Большой участок, обнесенный капитальным красивым забором. В углу стоит вагончик строителей, рядом скворечник удобств. Вдоль забора вытоптана тропинка. Я было решил, что он, в своем зверстве, заставил бойцов ночами патрулировать забор, для борьбы с расхитителями. Но все оказалось еще веселее.

Загнав машину во двор, и закрыв ворота, Сурков достал боцманскую дудку и, что есть силы засвистел. Внутри дома в это время раздавался какой то стук и работала какая то техника. С первым звуком Сурковской дудки все стихло, и, спустя несколько секунд возле входа в дом построились в одну шеренгу четверо военных строителей в спецовках. Пятый скомандовал:

— Равняйся. Смирно!

Развернулся, и строевым шагом подошел к Суркову. Подойдя, надел строительную каску, и вскинул руку к виску:

— Товарищ старшина первой статьи! Во время вашего отсутствия происшествий на объекте не было. Личный состав занят согласно плана работ! Докладывает сержант Аругтюнян.

— Встать в строй — буркнул Сурков и прошелся вдоль шеренги. Еще когда мы ехали, он просветил, что у него работают: двое каменщиков- армян, белорус — бетонщик, и двое парней — отделочников из Иванова. Под глазом Аругтюняна густо синел уже старый синяк. Сурков, пройдясь вдоль строя, приказал:

— Пять кругов вокруг объекта. Бегом марш!

И бойцы сорвались с места, на ходу перестроившись по двое. Тут до меня дошло, что значит вытоптанная дорожка вдоль забора. Я не выдержал и заржал, доставая сигарету.

— Ты мне, блять, не срывавай работу с личным составом! — вызверился на меня Сурков. — с ними чуть слабину дашь — уже бухие с утра.

— Что вы, что вы, товарищ старшина. И думать не смею.

— Вот, блять, и не смей. Иди вон, шашлыком займись. — он кивнул в сторону.

Под соснами вкопан деревянный стол и две скамейки. Рядом стоит мангал. Со скамейки, на которую я уселся, открывается сказочный вид на залив. Правее виднеются форты Кронштадта. По заливу плывет сухогруз. Над головой шумят сосны. Слева начинается песчаный пляж и дюны.

Я сходил, принес из машины сумки с продуктами и всем необходимым. Достал купленную на барахолке ступку, положил разделочную доску, и принялся за соус для шашлыка.

Я так и не решил, что мне делать со знанием, о том, что Викин отец хотел меня посадить. Поначалу, как только услышал, в голове созрел план. Он, выйдя из дома, переломает себе ноги. Я, в принципе, смог бы это устроить. Еще и бревно какое, блять, на голову упало бы, случайно. Но все это глупо.

Я совершенно уверен, что Вика не то что не знает, а даже не поверит, когда узнает, что сделал ее отец. Я даже думаю, что и его жена об этом не знает. Мне лишь, вполне очевидно, что у родителей, с Викой, был какой-то разговор. Что же я им так не нравлюсь то?

В четверг она приехала в институт как обычно. Сияя улыбкой и лишая воли обаянием. И я решил, что случившаяся жопа — это не событие. Это процесс. И как там потом сложится, мы еще посмотрим. Тем более что я знаю ближайшее будущее. И в нем у меня перспектив и шансов в миллион раз больше, чем у ее высокопоставленного отца. Так что, когда ни будь, проявив милосердие к ее папаше, я не откажу себе в удовольствии. Нет, не откажу. Ну и живем дальше.

Тем более что научная работа, что мы делали, была по настоящему любопытной. Мы рассматривали возможности и принципы кредитования западными банками муниципальных программ. В социалистической стране. Я поначалу удивился, но потом Вика и Ленка притащили кучу материалов по таким проектам в Чехии, Венгрии, и Болгарии. Оказывается, наши социалистические друзья, всегда кредитовались и в МВФ, и в банке Реконструкции и Развития. Забавно то, что, к примеру, события в Чехии, в шестьдесят восьмом, совпали с выплатами по кредитам МВФ. Да и в Польше.

Вывод напрашивался смешной. Что экономика наших социалистических соседей, во многом основывалось на западных кредитах, и наших ресурсных поставках. Ну как у Белорусии, в нулевых. Стоит чуть прикрутить содержание говорливого усача, и в стране начинаются волнения. И денег, для поддержания его экономической модели, нужно не так уж и много. Но с какой снисходительностью белорусские пропагандоны разговаривали с россиянами! Как в самой России оргазмировали от белорусского вождя! О том, что главное — желание народа. И белорусский порядок — пример для всех. Ага — ага. Главное — выклянчить ярд у России. И не проговорится стране, что она на содержании. А Россия чо, она богатая, и не такие деньги просирала.

А вообще, конечно, Лишова, она меня деморализует. Я фонтанировал и искрил. О том, что нужно продумывать систему залогов. Может, женщин будем закладывать? Проничева требовала серьезности, а я ныл что уже практически уничтожен. Что в Москве жара, нелинейные пространства и победа добра над смыслом. А меня — туда. За что?!

А Ленка вычитала новое слово — сексист. И я с удивлением сообразил, что весь этот феминизм еще только начинается, и с удовольствием дразнил моих поделниц. Ни приевшийся набор аргументов, ни избитые стереотипы, еще не въелись в общественное сознание. И спорить с ними о роли женщин в жизни было весело. Но, когда я заявил, что лучше один раз родить, чем всю жизнь каждый день бриться, крыть им стало нечем. И нас с Викой выгнали. Наказав быть в понедельник.

Я собирался затащить ее домой, но у ее папаша не забалуешь. Машина ждала у ворот. Я не удивился и не расстроился. Был готов. Я ее украл ночью из дома и увез к себе. Как я и думал — фигня. Там не охрана, а видимость. И даже дырка в заборе. А утром вернул. Мы очень веселились.

От всех этих мыслей меня отвлек солдат, что принес пару шезлонгов. Расставил их, ушел, принес дров, и развел мангал. Поинтересовался, не нужно ли мне чего? Получив отрицательный ответ, ушел в недра строительства. Как ни странно, он не выглядел страдающим. Как человек отслуживший, я легко вижу тех, кому на службе жизнь не мила. Нет, этот, несмотря на пробежку, выглядел вполне довольным.

Делать соус меня научила бабушка. Ничего сложного. Берешь несколько зубчиков чеснока. Чистишь. Берешь кинзу. Мелко режешь. Потом растираешь чеснок и кинзу в ступке. Подсыпая соль, и немного сахара. Потом вываливаешь туда соус «Краснодарский». И майонез, в треть от соуса. Тщательно перемешиваешь. И ставишь в прохладное место настояться с часик.

Достал лук и принялся чистить. Порезал, сложил в миску. Достал шейку, порезал, сложил в миску, посолил, перемешал с луком. Засыпал приправами, что купил в «Березке» на Наличной, в Доме Дипломатов. Сенной рынок — это прекрасно, но с приправами там всеж не очень. Зира да тмин. Тоже отставил. Тут подошел Сурков.

— Что? Не нашел до чего докопаться? И страдаешь, никого не избив?

— Ха. В жизни, Дух, всегда есть место поводу. Но пока нецелесообразно. Я их во вторник отмудохаю. А сейчас они пока еще в тонусе.

— Разбегутся, и будут жаловаться на тебя в ментовку.

— Да куда им! Я в любой момент их сдам в часть, и возьму других. И пусть эти там ямы под котлован капают. Ты не понял. Это, у них, типа дембельского аккорда. Я договорился, что они в октябре уедут домой. Еще и денег я им заплачу прилично. Да и не поедут они никуда. Норик Арутюнян, вон- подружку здесь себе нашел. Думает здесь остаться. Они у меня по субботам на танцы ходят. Я ж не зверь какой. Дежурного оставляют, и вперед. А я и не против.

— И все равно что то химичат?

— Военный строитель-это в кровь впитывается, Дух. Не вытравить. Он, может, сам и не хочет. А потом приходит в сознание- а доски уже не только продал, но и бухла купил.

Тут за воротами раздался шум мотора, и пару раз пиликнул автосигнал. Из возводимого дома выскочил боец, и быстро скрылся за калиткой. Так же резво вернулся к нашему столу и доложил:

— Человек попросил передать, что его зовут Фред. Просит пустить на территорию.

— Пропустить — буркнул Сурков.

— Серега! Ты уже прям настоящий рабовладелец — засмеялся я, нанизывая шашлык на шампуры.

— Ты бы знал, как мне трудно было, особенно поначалу. Хотелось все самому делать. Теперь заставляю себя не суетиться. А то чуть только дай слабину, и сам не заметишь, как кладешь из кирпичей стену, а эти, блять, воины, бухают и приятно живут.

— Боже мой, Сурков, одни страдания у тебя.

Фред заехал в ворота, вылез из авто. Достал из багажника сумку и какие-то пакеты. Вручил встречающему его солдатику, и пошел к нам.

— Сурков! Я думал тут уже новоселье! — Фред пожал руку Сереге.

— Здорово, Андрюха! — сказал я, размешивая угли в мангале.

— Про новоселье мне понравилось, Фред. Я тебе еще припомню. — буркнул Сурков.

— Чего ты такой унылый? Пойдем, покажешь, что тут у тебя и как. Дух, постарайся, что бы мясо прожарилось. Не люблю сырой шашлык.

— Ты, Фред питайся теперь свежим воздухом. Будешь знать, как оскорблять гуру шашлыка и мастера стейка. А то и в вегетарианцы подайся. Сосновые иголки, они лечат, длинный язык то.

— Ну уж нет. Я однажды был вегетарианцем. Целых два часа. Это страшно, пацаны.

— Интересно, — оживился Сурков — как ее звали? Окупились ли страдания?

— Кто же тебе расскажет? — засмеялся Фред — пойдем, Сурков, посмотрим.

И они ушли в дом. Я перевернул шашлык и закурил. Минут через пять, два рабочих приволокли металлическую бочку и поставили поодаль. Набросали в нее дров и разожгли. Втянули носом запах шашлыка и испарились.

Пока они ходил по дому, вокруг, и на берегу залива, я успел сготовить не только шашлык, но и овощи, и даже картоху. Сложил это добро в миски, и уселся в шезлонг. Они вернулись оживленные.

— Готовься, Сурков. — заявил Фред- с десятков заказов я тебе гарантирую.

— Бгг... он, Фред, об этом и мечтал. И Политех наконец вздохнет спокойно.

— Не даст мне ОБХСС развернуться. — с сожалением сказал Серега. — а строить тебе, Фред, дом, или нет, я еще подумаю.

— Хорошо что напомнил- хлопнул себя по лбу Андрюха, и открыл сумку. Достал из нее большущую буханку каких то денег. И начал пачками швырять в бочку с горящими дровами.

— Это что? — и я и Сурков, мы как то растерялись. Деньги по виду были настоящие, только непонятной страны. — Фальшак?

— Да нет- засмеялся Андрюха- это Югославские динары. В мелких купюрах.

— Так вот что ты сжигать хотел! — почесал репу Сурков.

— Фред, а обменять? На рубли там, или доллары?

— Да эта вся куча- долларов тридцать. У них обед в ресторане стоит двести тысяч этих динаров. Да и вообще, я не деньги сжигаю, а борюсь да твою, Дух, свободу!

— Это как?

— Слушай, Коль, ты потом отсюда куда поедешь?

— В Питер, на электричке.

— Сурков, я машину оставлю?

— В чем суть?

— Выпить хочется. А Игорь завтра тачку заберет.

— А, ну если в этом смысле, то конечно.

Фред полез по пакетам, что лежали на лавке. На столе появилась бутылка Хенесси, пару бутылок Полюстровской. И шоколад таблерон. Я поставил перед ним тарелку с шашлыком, и овощами. Он налил, и мы выпили чтоб дом был на века.

— Толик Кочегар, которого вы поймали у меня для ментов- начал Фред закулив — проиграл сумасшедшие деньги. И носился по Питеру со своей бандой, грабя по первому подозрению в состоятельности. Так он ломанул квартиру некоего Грязнули. Известного среди фарцовщиков жулика. Этот Грязнуля придумал гениальную схему. Предлагал иностранцам обмен по восемь рублей за доллар. В то время как остальная фарца предлагала максимум четыре.

— А смысл? — не понял я- он лиять что ли собрался?

— Да нет- засмеялся Фред. — он где то надыбал вот этих динаров. Цельный мешок. Весь этот мешок ему обошелся долларов в сто. И рассчитывался этими динарами, выдавая их иностранцам за рубли.

— Красиво! — захохотал Сурков.

— А то! Причем это продолжалось не день и не неделю. Ну а что? Полубухой финн и так то не знает, как рубли выглядят. А тут, смотри — он протянул мне бумажку- знамёна, рабочие, надписи на кириллице. Больше того, гидам дано указание — предупреждать. Да только кто их слушает?

— А при чем здесь Дух?

— Как вы может быть помните, основное условие всех сторон по этому делу — что бы оно не ушло в КГБ. Для этого не упоминаются Вика и валюта. Мне трудно навскидку понять резоны Бориса Ивановича. Но ещё, он не возражал, чтоб Духа закрыли. Я с ментами, как вы ушли, говорил долго. Они уверяли, что ты бы поимел, Колян, максимум пол- года. И то не за что то, а по отсиженному. Ну, пока следствие бы длилось. А потом тебе бы впаляли пол года и сразу выпустили. Но, мы отвлеклись. Там же, у меня дома, менты распросили бандитов. Выяснилось что долларов уже нет. Но, после одного из ограблений, у грабителей оказалось много югославских денег. То есть, иностранной валюты.

— Понятно- мрачно сказал я — ты жгешь причину передачи дела в КГБ.

— Давайте тогда выпьем — сказал Сурков — за уничтожение улик.

— Тогда повороши там, в бочке, раз такой умный — проворчал Фред, поднимая стакан- и заведи нормальную посуду. Ну, я сам с Ирккой поговорю.

Мы снова отпили. Мне опять стало ...нет, не обидно. Противно. Невинного человека, засунуть в тюрьму-влёгкую!

— Не знаю, утешит это тебя или нет, но ты, Дух, и трёх дней бы не сидел. И даже из института бы не вылетел. Прокуратура уже давно этого Горошко пасёт. Он себя наместником Бога возомнил. Просто ждут случай, когда он

подставится. Когда пришёл запрос на ордер, на тебя, хотели с тобой договариваться. Но я отговорил.

Я снова закурил, и кивнул. Понятно. Дело даже не во мне. Если сваливать генерала МВД, то без ГБ это не обойдётся. А я только из Туркмении. И, к счастью, решили все тупо замять.

— А как же менты Духа так быстро вычислили? — Сурков жевал шапшлык, но понять его было можно.

Фред неожиданно засмеялся.

— Убийство в городе- чрезвычайные происшествие. И занимается им ГУВД. В главке, была сформирована опергруппа из трёх человек — майор Смирнов, капитан Личин, и старший лейтенант Пронин.

Я хмыкнул. Питер... такой город, где на каждом углу знакомые.

— Убитый был редким говнюком. И достал уже всех. По его деятельности на должности главы базы, уже работает ОБХСС, и обещают с десятков посадок. Он жил широко и богато. И места, где он регулярно бывал, отлично известны. Старлей Пронин уже в три часа ночи имел информацию по конфликту в «Океане». И описание конфликтовавшего с Вайнштейном парня. И девушки, что стала причиной конфликта. И номер их машины. На оперативном совещании, он доложил, что знает этого Андреева и его девушку Лишову. Что устанавливал Андреева по прикрытию агентуры. И что по его мнению, этот Андреев скорее урыл бы потерпевшего на месте, а не устраивал бы инсценировку ограбления. И только потом Пронин узнал, кто такая Виктория Лишова. Смирнов ему любезно рассказал.

Мы, все, не выдержали и заржали на весь залив. Представить как и что почувствовал борзый Пронин, обещавший мне, что Вику затрахают- было и вправду смешно.

— Слушай, Фред, а что Комитет? Чем эти рыцари чистой головы занимаются? По рукам ходят фантастические деньги, экономика в жопе. А ГБ не видно и не слышно.

— Ну, там с идеологией в основном борются. Про экономику, похоже, только недавно что то дошло у них. Отдел, что экономическими вопросами занимался, реорганизуют в Управление. То есть, по большому счету, у них там некому за этим смотреть. Да и неинтересно, где ни будь в Тамбове, это отслеживать. Вот в Лиссабоне оценивать экономические тенденции-это ж песня. А так ... общеизвестно, что для того, чтоб попасть в их поле зрения нужно засветиться рядом с дипломатами или с антисоветчиной.

Да уж. Смешно. Какой то уголовник играет на полтора ляма зелёных. И это никого не удивляет. Банальность. Я не верю что гебуха про это не знала. Но, формально, это не их епархия. А вот если бы я нарисовал и выставил перед десятком студентов картину «Восхищенный Папа Кало на субботнике робко трогает Ленина за бревно»... уже через сутки бы я сидел, и писал как минимум объяснение.

Гоняют, в общем то, безобидных болтунов и интеллектуалов. Да мелкую шушеру с Галеры. А реальности не видят.

— А чего это экономика в жопе? Ты, Дух, фильтруй. Вспомни, как в пятом классе за мороженым давились. А сейчас кругом кафе, да и в магазинах получше. А ты меня уже второй год пугаешь.

Мы с Фредом одновременно хмыкнули. Ну да, Андрюха же тоже экономист.

— Ну, это же не мгновенная история, Сурков. Как бы тебе объяснить. Если совсем просто, то смотри. Вот этот батон стоит тринадцать копеек. Так?

— Ну да.

— Понимаешь, что бы его сделать, истрачено, в среднем по стране, в два раза больше. То есть двадцать шесть копеек Затраты на картошку — в три раза больше чем ее продажная цена. Розничные цены на сельхозпродукцию, в среднем, в два с половиной раза ниже затрат на ее производство. И население растёт. А еще, за рубежом закупается зерно. Корм скоту. Но приток валюты резко снизился. Так что нас ждёт дефицит мяса, и сельхоз продукции. Население это долго терпеть не будет.

— И что, случится, как ты говоришь, полный аллес?

— Ну да. Сам подумай. Жрать нечего, носить нечего, да еще и сухой закон вот придумали. А по видео крутят другую жизнь. Даже у индусов. Обидно!

— Ладно вам, давайте лучше выпьем, чтоб Сурков мне дом построил.

— Нет уж, Фред. Одним тостом ты не отделаешься.

Мы смотрели на залив, понемногу выпивали, и трепались уже о полнейшей ерунде. Фред со смехом рассказал про Катьку Солнцеву. Нашу ровесницу из соседней школы. Я с ней даже целовался как то на танцах. Классе в десятом. С другой нашей знакомой, Танькой Вахрушевой, она уезжала из Питера домой. На Балтийском вокзале, в кассе, на последние сорок пять копеек купила лотерейный билет ДОСААФ. Недостающие пять копеек Катька взяла у подруги. А лотерейный возьми и выиграй Волгу ГАЗ-24! Сейчас между подружками идет война с переходом в суды. Танька требует у Катьки пол-Волги. На крайняк — треть. А Катька вернула ей пять копеек и просит больше не беспокоить. Болельщики с обеих сторон уже пару раз устраивали массовые драки. Сурков ржал и говорил, что если б не твоя ветреность, Дух, мы бы сейчас уже Волгу выбирали. А при чем здесь ты, Сурков? Какое тебе дело до моей Волги?...

Когда мы с Фредом сели в электричку, народу в вагонах было мало. Но мы не стали садиться. Так и стояли в тамбуре. Курили, и трепались. И он, между делом, сказал:

— Это не мое дело, Колян. Но я рад, что ты не бросил Вику. Да и с Иванычем — там, как то все странно.

— Ты не поверишь, Фред — засмеялся я — мне плевать что он там мутит. Разберемся как ни будь.

Как скучно я жил в прошлой жизни! В смысле, когда учился. Потом то — да. Потом у меня были такие приключения, что- в жопу, в жопу их. А вот в студенчестве, единственный вопрос, что мучил, — где бы заработать. Мы и тогда с Сурковым не заморачивались. Но выходило скромно. Особенно на фоне проблем, что можно было поиметь.

Зато теперь! Не прибегая к махинациям на лесозаготовках, что мы с Сурковым практиковали в далекой Сибири в это время. Не вписываясь в фарцовку и контрабанду. И вообще, ведя жизнь простого студента, я чуть ли не ежедневно огребаю. Хотя, нужно признать, в средствах я не стеснен.

Утро понедельника началось как обычно. Но, когда я собирался выходить из дома, зазвонил телефон. Ругнувшись про себя, что забываю включать автоответчик, я снял трубку.

— Здравствуйте, могу я поговорить с Николаем Андреевым?

По акценту было слышно, что это иностранец. Причем скорее всего — англосакс. Пока не съехала Софья Игоревна, ей несколько раз звонили из штатов, и Франции. Какие-то консультации по литературоведческим вопросам. Но лично мне люди с акцентом не звонили. И я напрягся. Не зря, как потом выяснилось.

— Это я. Чем могу быть полезен?

— Меня зовут Уильям Мюррей. Я корреспондент нескольких американских изданий в Ленинграде. В специализированной прессе Штатов, появились сообщения, что в Союзе разрабатывается новый тип дозиметров. Я мог бы у вас получить комментарий по этому вопросу?

Вот это да! И кто потом будет мне рассказывать за промышленный шпионаж? Дело еще только на уровне разговоров, эскизов и опытных образцов. А в американской прессе уже сообщают. Ха. Честно говоря, я в этот момент совсем не думал о ГБ и секретности. Я думал о том, что после Чернобыля на западе взяли за дел всерьез, и их спектрометрия была много лучше нашей. Проще говоря, они нас обогнали лет на десять — двадцать. Но консультировать их сейчас?! С другой стороны там французы и бельгийцы рулили. А американцы — так, постольку, поскольку международная корпорация. Да по любому- пошел он в пень, шпионская морда.

— Видите ли мистер Мюррей... — осторожно подбирая слова начал я. В другой реальности я бы просто сказал, что неинтересно, и забыл об этом разговоре. Но здесь и сейчас? Слушают ведь.

— Оставьте, Николай. Называйте меня Билл.

— Окей, Билл. Называйте меня Ник. Я не понимаю, почему вы обратились ко мне. Я не имею к этому никакого отношения.

— А кто имеет? Ник, поймите меня правильно. Мне нужна простая консультация. Или тот, кто посоветует, с кем поговорить. Я выяснил, что вы больше всего подходите.

— Ну, тогда там, где вы выяснили, и узнайте инстанции, в которые вам лучше всего обратиться. А я не смогу вам помочь. Всего доброго.

И положил трубку. Лихо! Американцы режут подметки на ходу. Но в принципе, насрать на них, и розами засыпать. Слово сцинтиллятор я не произнес. А со счетчиками пусть развлекаются. И пошел на кафедру экономики.

Наш труд подходит к концу. В среду Проничева сложит листки воедино, и отнесет в инстанции. То есть к завкафедры. А потом и дальше. На утверждение. И у нас образуется больше недели каникул. Что не может не радовать.

Естественно мы немедленно поцапались с Викой. Потому что — какая Юрмала?! Едем к моей бабушке на Кубань. Прополка огорода. Ощипывание птиц, забой свиней! Может быть, тебе, если ты будешь тихой и послушной, дадут поносить тазик с кровью. А что в той Юрмале? Двадцать километров пляжа под дождем! С торчащей посредине отрадой цеховиков, и гостей с юга, — рестораном Юрас Перлас. Жалкое подобие Сестрорецких пляжей! И ресторана «Олень»!..

Я занудствовал не просто так, а в досаде. Подумывал ночью совершить налет, и утащить Вику. Да только она рассказала, что родители подозревают ее в тайных отлучках, и усилили наблюдение. Они, Коль, вообще странные какие то стали. Лучше отложить на время. Это, Викунь, ревность. Мне, с утра, американцы весь телефон оборвали. А уж как выступлю в Москве... Положишь перед мамой «Экономист» со мной на обложке, и все. И не расстраивайся что не ты на обложке. Журнал все же должен быть приятен глазу.

Американцы? Андреев, ну откуда? Что у тебя вечно за тайны? Ну какие тайны? Меня завербовали на Ржевке темной ночью. Он мне такой- Бонд. Джеймс Бонд. А я такой — Off. Fuck off! Так я и прохожу у них в донесениях. Агент Факов. Это стратегическая операция. Так что рассказать не имею права. Просто знай, как все закончится. Рейган тебя, меня, и чету Горбачевых приглашал на дачу. Но мы с тобой поедem на Кубань, потому что забой свиней это вам не то.

Короче уехала обратно на дачу.

А я пошел домой, и заказал по срочному город Обнинск. Татищев! Ты не знаешь, почему мне с утра звонят американцы, и спрашивают про радиометры? Он засмеялся. Все просто. Студенческая работа, готовая к внедрению, опубликована в институтском сборнике. Ты там соавтором. Как Палыч и обещал. А позвонили — самому нестойкому и беспринципному. Ты не поверишь, Коля, как тихо и спокойно в Обнинске с тех, пор как тебя забрали в армию! Валера, еще слово и ты познаешь могильный покой. Лучше прикинь, как бы узнать, что там за информация? Ах вот как? Вы, Валерий Евгеньевич, даже не знаю как назвать... Короче, который без мыла в срамные места. Добыть абонемент Ленинской Библиотеки — это не хухры-мухры.

Договорились, что он изучит вопрос, и отзвонится. И вообще, Валера, ты вроде как руководитель проекта, вот и действуй. А то набегут ко мне шпионы и давай вербовать. Так и знай, я тебя им подставлю.

На исправление и дополнения своей работы, для Московского Фестиваля, ушел почти весь следующий день. Поэтому я Виктории так и заявил, что совершенно не страдаю. Мелкие карьеристки, на моем горбу въезжающие на кафедру — только мешают. Ах вот как ты заговорил! Тамара, что в этот момент прибиралась в доме, сказала, что если Вика будет меня избивать, она тоже примет участие.

А в среду, выходя из института, мы поругались. Все было как обычно. Разве что я предложил план. Вика едет как бы в Юрмалу, но я ее перехватываю и мы уезжаем в Палангу. Кто меня пустит в ЦКовский санаторий, даже за взятку? А в Паланге лепота — снимем домик, да и позагараем. Она, в принципе резонно возражала, что я и в Юрмале запросто сниму домик. А мне не хотелось туда ехать. Как то мне казалось, что фигурки там ее одну оставят. О чем я и говорил. Но, по любому, отъезд планировался в пятницу, и мы договорились обсудить.

Возле моего подъезда стояла не только машина, что ожидала Вику. Но и ее бывший, Михаил Снежин. С букетом цветов.

— Я не люблю гладиолусы, Снежин — сказал я, — так что примирение не состоится. Больше того, ты и в бубен словить можешь.

Странно вообще то. Понятно, что букет для Вики. Остальное непонятно. Прошлой осенью он решил надавать мне по морде, что бы я не лез к Вике. Она тогда считалась его девушкой. Она мне честно все рассказала. Что я ей сразу понравился. А что ты Коля хочешь? Ты- взрослый. И настолько выделялся на фоне всех этих мальчишек, что мне пришлось к тебе чуть ли не приставать, гад! Мишка увидел что я на тебя смотрю, и начал мне хамить. Я его послала. А он заявил, что мы расстанемся, если только он так решит. А меня никто не спрашивает. А потом вы с ним подрались. И он просто куда то делся. Только через месяц, в Европейской его увидела...

— Вика! — не обращая внимания на меня, заговорил Снежин — я пришел просить прощения. Я ни на чем не настаиваю. Просто позволь мне быть с тобой рядом.

— Миша — процедила Вика — я уже забыла, как ты выглядишь. Чего приперся?

— Я знаю, что этот debil — он кивнул на меня- не дает тебе проходу. Но скоро ты от него избавишься. Слушай, давай начнем все снова?

Ой как интересно! Неужто решение меня закрыть, все же принято? И Викина мама по простому позвонила приятному ей молодому человеку. А тот и примчался.

— И куда же Андреев денется? — еще на тон ниже спросила Вика.

— Ты, Мишенька не заболел часом? Я ведь и обидиться могу — заговорил я — шел бы ты, а то ведь будет больно.

— Лучше ты иди отсюда, Андреев. А то я сам к тебе драться полезу. Тебя заберут на неделю раньше.

— Не боишься, что раз мне все равно сидеть, я не откажу себе в удовольствии, сломать тебе что ни будь?

— Сидеть?! — Вика повернулась ко мне — за что?

— Его считают соучастником убийства. — весело улыбаясь сказал Снежин — Семена Вайнштейна. А если ты меня, Коля, хоть пальцем тронешь, то и улики собирать не будут. А просто примут и посадят. А там уж, ты сам все расскажешь. Понял?

— Вайнштейн?! Кто это? — глаза у Виктории стали как чайные блюдца.

— Придурок, что к тебе в «Океане» приставал- пояснил я. — ну, я тебе рассказывал, что меня в ментовку вызывали.

— И ты молчал... — растерянно и безжизненно пробормотала Вика — что я еще не знаю?

Хм. Ну вот что ответить? Рассказать историю с ее отцом? Да еще при этом придурке?

Она не только умная, но и женщина. Вполне увидела и мою заминку, и поняла, что я ей совру.

— Андреев, ты мне все время врешь. Я так больше не могу.

— Во первых, я не все могу тебе рассказывать. Во-вторых, ты тоже не все мне рассказываешь.

— Хватит, Коля. Мне это все надело. Нам нужно расстаться.

— Ты считаешь, что так правильно?

— Я думаю, что ты не пропадешь. И не звони мне. — холодно сказала она.

Отвернувшись от меня, открыла заднюю дверь Волги, что завела двигатель, и уселась. Снежин, со своим дурацким букетом, подмигнул мне, оббежал машину, и сел с другой стороны. И машина уехала. Я достал сигарету, и оперся о перила ограждения канала. Надеюсь, она просто в дурном, и поэтому не выпнула придурка из авто. Дело не в том, что она, кажется, меня и вправду бросила. Но променять меня на ЭТО?! Блин.

Я давно понимал что нужно будет как то объясниться. Вика видела и чувствовала, что я ей вру, и что то скрываю. Её это обижало. А вопросов у нее дофига. От почти кричащего благополучия, до странных отлучек, и умалчиваний. А если предположить, что с недавних пор ей еще и родители по мозгам стали ездить...

И тут я разозлился. И даже этому обрадовался, тоска была бы много хуже. Ну тебя в жопу, дорогая, подумал я. Я тебе предложил все, о чем в Союзе многие и мечтать не могут. Ты сделала выбор. А мои странности, к твоему выбору отношения не имеют. Не нравлюсь? Ну и отлично! Как ни будь проживу. А для начала, схожу ка я в Фиглю. Махнуть коньяку будет правильно. У меня и дома есть. Но сейчас лучше побыть на людях. А то сломаю чего...

Я выбросил окуроч, и огляделся. И сразу подобрался. Ко мне, со стороны мостика через канал, приближался хорошо одетый деятель, лет на пять меня постарше. Гадом буду, какой-то опер. Или мент, или комитет. Глянул по сторонам. Никого больше. То есть, это не братья меня будут. Но идет он ко мне. Что и подтвердилось. Приблизившись, он сказал:

— Вы Андреев? — достал ксиву и показал, продублировав голосом то, что я и так прочитал. — КГБ. Оперуполномоченный, капитан Серегин. Вы не уделите мне пол-часа?

Я не выдержал и хмыкнул:

— Интересно. А что будет, если я скажу — давайте в другой раз?

Серегин спокойно пожал плечами, пряча удостоверение:

— Значит мы с вами, товарищ Андреев, договоримся, когда и где мы встретимся. Когда вам будет удобно. Мне нужно просто кое что уточнить, и пара вопросов, без, так сказать, протокола.

— Называйте меня Николай, или Коля. И вы верно поняли, что я изведусь от любопытства. Так что давайте побеседуем.

Несмотря на то, что капитан был улыбчив и доброжелателен, от меня не укрылось, что он, как ему казалось незаметно, встал рядом со мной выпрямившись. Так опытные опера проверяют бытовое поведение фигурантов. Рост в медицинской карточке и бытовое поведение — разные вещи, кто то сутулится, кто то втягивает шею. Поэтому опытные розыскники, зная свой реальный рост, прикидывают фигурантов по себе. Да только я — тоже не пальцем деланный. Слегка опершись задницей об ограду, и втянув шею, я от него сантиметров пять скрыл. Кажется это по Гордиевскому. Кому еще в конторе интересен мой рост?

— Как ты относишься к пиву Коля? — огорошил меня Серегин, кивнув головой на огромные очки возле пивбара. — и называй меня Михаил. Я на три года тебя старше, так что, давай без формальностей поговорим.

— Ну, раз вы, Михаил, так ставите вопрос, то у меня встречное предложение. Тут, рядом, отличное место. Там нам никто не помешает, а выпьем коньяка. За знакомство.

— Поругался, что ли?

— Следите, что ли?

— Да нет, мне тебя ваш замдекана показала. Ну, я и подождал, пока ты один не останешься.

Говоря все это мы свернули в Банковский, и поднялись на три ступеньки.

Сотрудники советской торговли не проходят никаких курсов, и семинаров. Но всегда отлично понимают, когда можно открывать рот, а когда нет. Валентина Марковна ни одним движением или взглядом не показала, что мы давно и хорошо знакомы. А лишь безучастно выставила коньяк в ответ на мою просьбу.

Увидев бутылку, вместо двух бокалов, Серегин усмехнулся:

— Все-таки поругались.

— Скорее расстались — проворчал я, открывая бутылку и наливая.

Я знаю, что в КГБ берут посредственностей. Но еще я знаю, что их здорово учат. В частности — учат нравиться собеседнику. Общаюсь с бывшими и действующими ребятами из спецслужбы, я много раз ловил себя на том, что они мне нравятся. Хотя я точно знаю, что у них есть спецкурс — располагать к себе собеседников. Вот и Серегин мне понравился. Спокойствием, несуетливостью, легкой иронией в глазах.

— Вас, Михаил, на службе не хватает?

— Четвертый час. — пожал он плечами — так что, в контору мне только завтра.

— А! ну это же полностью меняет дело! — я разлил.

В рюмочной, кроме нас, еще пять человек. Работяги, и какие то по виду фарцовщики. Заполнится заведение часа через четыре. А пока мы сидели у окна, и вокруг никого не было. Серегин кинул вокруг профессиональный взгляд лишь мы вошли. И остался доволен.

— Ну, со знакомством, сказал я — и поднял бокал.

Мы чокнулись, и отпили по половине. Я поставил бокал на стол, выложил сигареты и вопросительно поднял

брови, взглянув на капитана.

— Тебе позавчера звонил американец- не стал ходить вокруг да около гэбешник. — расскажешь, чего хотел?

Хм. После прикидки роста, я ожидал расспросов где был что делал. Поэтому вопрос оказался неожиданным.

Я бы никогда не подумал, что попадание в прошлое прежде всего избавит меня от кучи страхов. Только сейчас я сообразил, скольких вещей и событий я боялся. Ну не боялся, а загонялся уж точно. Встреча с действующим оперативником ГБ меня если и встревожила, то не так как могла бы. Тем более что он отыгрывал роль своего парня. Это если и сулит неприятности, то не сразу.

— Тебе позавчера звонил американец. Не расскажешь, чего он хотел? — не затягивая, признался он, что телефоны граждан прослушиваются.

А я что? Мне скрывать нечего. Рассказал.

— А почему он тебе позвонил, нет мыслей?

— Да сколько хочешь, — буркнул я, наливая по новой. — самая простая- ему в Обнинск из Питера ходу нет. А может, и провокацию какую замутит. Чтоб скомпрометировать саму идею.

Наблюдать работу ГБшника вблизи, было забавно. Он явно кому то подражал. Толи своему препода, то ли своему шефу. Что само по себе не отменяло темы разговора.

— А что, стоящая идея?

— Не лишняя. Скажем так. Понимаете, Михаил...

— Давай уже на ты. Мы же не в управлении.

— Твое здоровье.

— Аналогично.

Пригубили.

— Смотри. Достаточно простая приبلуда, позволяющая оперативно понять степень и тип радиационной опасности. Ну и мобильность. Что в некоторых случаях — важно.

— А они сами что, придумать не могут?

— Зачем, если мы уже придумали? Да и по любому, полезно сравнить со своими идеями и образцами.

— То есть ты считаешь публикацию в альманахе- ошибкой?

— Вовсе нет. Хотя бы потому, что интерес пиндосов говорит, что вопрос поставлен правильно. Пойми, там нет открытий и прорывов. Просто немного другое использование уже существующих разработок, что есть в открытом доступе.

— А почему они так оперативно отреагировали?

— Так у них недавно авария была, на Тримайл Айленд. В отличие от нас, им ясно, что в аварийной ситуации- отличная вещь.

— Ты его послал, — вот же. И не стесняется, что слушают граждан- может зря?

— Да нафиг он мне? Был бы еще специалист, а то- журналюга.

— Как ты сказал?! Журналюга? — Серегин заржал. Черт, такое прогрессорство мне ни к чему. Ввести в обиход этот термин я и не думал. Просто на автомате выдал.

Отсмеявшись, Серегин достал блокнот и ручку, и поинтересовался, что может понадобится для продолжения проекта. Пояснил, что об этом лучше в Обнинске разговаривать. Вот тебе, Михаил, телефон Татищева — он весь твой. А чо? Я же предупреждал Валеру, что сдам. Вот пусть и не обижается.

На самом деле человек, оказавшийся в атомной отрасли СССР, постоянно сталкивается с вопросами секретности. И появление на горизонте ГБшника Валеру не удивит. Я до сих пор помню, как устраиваясь всег лишь на подработку, в Управление Механизации, расписался в Инструкции. Первым пунктом там стояло что то типа — «ни при каких обстоятельствах не раскрывать посторонним принадлежность нашей организации Министерству». Я, вчерашний школьник, немедленно поинтересовался у кадровиков, а к какому министерству мы принадлежим? Под смешки мне рассказали, что мы работаем в СредьМаше. Но это секрет! Но с другой стороны — вдруг этот Серегин и вправду как то поможет? Хотя, там где действуют правила и меры работы с реакторами, ГБ не пляшет. Но мало ли, посодействуют.

— Слушай, Коль, а чего ты из Обнинска то уехал? Такие связи, да и в технике вопроса понимаешь...

— Хе. Да много всегоросло. А тут еще и троюродная бабка, с квартирой в центре, помирать вздумала. Сам понимаешь- не бросать же. Ты лучше скажи, если можешь, как американец меня так быстро нашел?

— Да чего тебя искать? В справочном делаешь запрос, и платишь рубль. И через два часа получаешь телефон и адрес. Ты же не под грифом, простой студент. Кстати, не хочешь, с этим Биллом пообщаться?

— Это как?

— Легко. На выставке каких ни будь неформальных художников познакомишься.

Хе. В восемьдесят третьем году, начальник питерского КГБ, генерал Носырев, потребовал от властей города, дать возможность существовать разного рода неформалам. Известна его фраза, сказанная в Обкоме:

— Его сегодня на сцену побренчать не пустят, а завтра статья в Нью-Йорк Таймс, о притеснениях. У КГБ есть чем заниматься, кроме этой публики.

Так появился Рок — клуб, какие то сквоты, и в Питере забурила андеграундная жизнь. Много позже, в прессе писали, что это, как не странно, способствовало агентурной работе. Среди неформалов было много завербованных, которые облегчали отслеживание и вербовку иностранцев.

Серегин, между тем, внимательно смотрел на меня.

— Как бы тебе сказать, Миш. Я эту публику не люблю. И это не скрыть. Сам я, туда только под пистолетом пойду. Это с подружкой мы ходили. Ей это все нравится. А я — по Вуоксе сплавиться, песенки под костерок и водочку. Ну, ты понимаешь.

ГБшник непроизвольно кивнул. Вообще, наш диалог был забавным. Мы оба слегка играли и слегка были честны. Я увидел, что мало интересен ему, как источник информации, просто звонок, как я понял из посольства, требовалось отработать. Заодно он, как водится, изучал меня на предмет вербануть. А я изображал чувака в меланхолии, от ссоры с подружкой. Что мало бывает там, где я был бы ему интересен. Да и устанавливал он меня наспех. То есть, запросил паспортный стол, ментовку... что там еще они запрашивают. Везде — обычный чувак. В деканате поговорил. Там меня вряд ли ругали. Ну и решил поговорить. И пока я не чувствовал его интереса.

— А в финку ты ездил, как, понравилось?

— Бгг... там такой мороз был, что я прабабку уговорил меня в Данию отправить.

— И как тебе Дания?

— Скучновато. Да и языка я не знаю. Погулял, Эльсинор со стороны заценил. Теперь я девкам могу такое заливать!

Смешно, но Серегин слегка дернул ртом при слове Эльсинор. Не знает, или не помнит что это такое.

Дальше мы с ним сидели, я рассказывал про Данию, про Финляндию. А потом мы и вовсе стали обсуждать «Зенит» и что в этом сезоне его утрамбуют. И что жаль Казаченка. И Брошин вроде переходит...

Я проводил его до Апраксина, где он сел на троллейбус, пожав мне руку, и договорившись как ни будь созвониться. Проводив взглядом увозящий ГБшника троллейбус, повернулся и пошел домой. Есть о чем подумать...

Михаил Константинович Серегин, капитан второй службы Питерского управления КГБ, не поехал домой, как он сказал Андрееву. Спустя пол-часа он входил в помещение отдела, рассчитывая сразу разделаться с бумажной работой, что бы не откладывать на завтра.

Когда простому инженеру Пермского Машиностроительного Завода, недавнему выпускнику Пермского Политеха, Мише Серегину, предложил службу в КГБ, он, не думая ни секунды, согласился. После учебы в Минской Школе, он получил распределение в Ленинград. Что было не только удачей, но результатом почти лучших оценок на курсе. А здесь он окончательно избавился от романтических иллюзий о своей работе. Так он подумал, когда вспомнил, что чуть ли не впервые так приятно посидел с фигурантом. Как правило, собеседники, увидев его удостоверение, начинали нервничать, и стараться вести себя подчеркнуто естественно. А те, кого удавалось все же пригласить в кафе или бар, зажимались и боялись сказать лишнее слово.

Андрееву, казалось, было совершенно наплевать, кто и зачем его спрашивает об этом Мюррее. Было очевидно, что гораздо больше его волнует разговор с девушкой, которая гневно что то ему сказала, и уехала на Волге, с обкомовскими номерами, и в сопровождении какого то мажорчика с букетом. Наверное от этого в беседе не было обычного напряжения и панических взглядов.

Капитан в который раз поблагодарил высшие силы за свою внешность. Окружающие не давали ему больше двадцати пяти, хотя он два года как миновал тридцатилетний рубеж. Это сильно облегчало беседы с самыми разными людьми. Вот и с Андреевым получилось поговорить чуть ли не по приятельски.

Михаил Константинович поставил на свой стол пишущую машинку, и задумался. Сначала будет информация начальнику Управления. Про студенческий проект, и участников. И о причинах интереса к нему этого резвого Мюррея, что умотал все внешнее наблюдение своей беготней по значным местам Питера. Андреев здесь сбоку припека. Но если бы не этот звонок, то у нас бы и не узнали, ничего.

Потом рапорт по встрече. Нет, не годится Коля для вербовки. Поху@зм не спрячешь. Капитан подумал, что в последнее время все чаще встречается молодых людей, которым на все плевать. Их конечно можно вербовать, для отчета. Но нормальной работы от них не добиться. Начальник службы, Михаил Алексеевич, на одном из совещаний проронил, что тратить силы на таких не стоит. Проработав в пятой службе десять лет, он мгновенно видит, кого и зачем пытаются вербовать его сотрудники. Да и нет перспектив тут. Круг знакомых — далекий от всего, что интересует КГБ. Сам из небольшого городка под Питером. Ну что он там может узнать, что нам интересно? А фарцовкой, и прочими шалостями, которых, судя по всему, Коля не чужд- пусть менты занимаются. Не делать же за них работу!

Потом, совсем короткий рапорт по операции «Викинг». Нет, ни антропометрия, ни служебные навыки

Андреева не позволяют предположить его участия.

Операцией «Викинг», во второй службе назвали подготовку к задержанию предателя Гордиевского. В Москве, после усиленной работы с ним, с применением спецсредств, и других эээ...форм допроса, он не раскололся. Оказалось, что против него нет никаких доказательств, кроме чисто аналитических выводов. И руководство Второго Управления решило позволить ему сбежать. Служба знала его маршрут эвакуации, и, стараясь учесть все мелочи, подготовилась, к его задержанию. Была спланирована автоавария. В которой, груженный лесовоз теряет управление, и сталкивается с авто английских дипломатов. Был подготовлен резервный лесовоз, если у первого ничего не выйдет. На совсем крайний случай, была подготовлена собака, что независимо ни от чего облает багажник дипломатического авто. Была оповещена погранслужба. В обстановке строжайшей секретности провели все подготовительные мероприятия. Но, после столкновения с лесовозом дипломатов, выяснилось, что в багажнике никого нет. Зато позвонили менты из Зеленогорска, и сообщили, что какой то Гордиевский привязан к дереву неподалеку от Приморского шоссе. Это ваш пассажир, или кто шутит неудачно?

Гордиевский оказался полностью сломлен. И рассказывал все, о чем спрашивали. Андреев не подходил под его описание. Ниже, и служил, не в ВДВ или морской пехоте. А простым водителем артиллерийского расчета. Да и к морю не имеет отношения.

Серегин заканчивал печатать рапорт по «Викингу», когда открылась дверь, и в отдел вошел полковник Мясников. Начальник Второй Службы Ленинградского УКГБ. Махнув капитану рукой, что бы не вставал, он уселся на стул возле его стола. Взял лежащие стопками бумаги и посмотрел на Михаила Константиновича.

— Тут такой запах, Миша, что я жалею, что сам с ним не пошел поговорить- усмехнулся он, и не дожидаясь ответа углубился в документы.

К тому моменту, когда Серегин закончил, он успел все прочитать.

— Значит, считаешь, что американец просто внимание отвлекает? — он взял справку по «Викингу».

— Не могу знать, Михаил Алексеевич. Но история с этими радиометрами и вправду интересная, почему не доложить?

Мясников дочитал справку.

— В принципе, я согласен с твоими выводами, Миша. Но сделай уж все как положено. Андреев был за рубежом в прошлом феврале. И имеет отношение к Атомной Станции. Я тоже думаю что совпадение. Но запросы сделай. И что у него по контактам?

— Да нет там ничего. Разве что девушка, Лишова Виктория Борисовна...

— Бориса Ивановича дочь?

— Так точно. И та с ним разругалась. Остальные, о ком удалось узнать- школьные друзья, подруги матери, и родственники на Кубани. В институте ни с кем особо не сближался. Деканат назвал его старательным. Парень из провинции, попал к номенклатурным детишкам, и с ними не особо поладил. Так что без больших усилий его ни к кому не подвести.

— А с девушкой, думаешь, совсем разругался?

— Да они разные совсем. Там и не могло ничего получиться. Она — такая фифа. Красивая конечно, но гонору выше крыши. С первого взгляда понятно. А он — ну простой такой парень. Выпить, поржать, на футбол сходить...

Дойдя до своей парадной, я остановился. А куда я собственно тороплюсь? Да и вообще- у меня неделя свободного времени, чего мне здесь делать? И я пошел на Невский. Поймал там частника, и он довез меня на Московский вокзал. Поеду, как и подумывал, к бабушке съезжу. Да только порыв был напрасен. Июль месяц. Билетов нет. Прикинул, что можно позвонить маме, и взять бронь. Или, если совсем грустно, позвонить Фреду. Хотя, я понимаю Васю. Фред с билетами конечно поможет. Но я, за это, должен буду взять Улан-Батор штурмом. С риском для жизни. Но, по любому, завтра уеду. Кубань на меня действует умиротворяющее. С этой мыслью я и пришел домой.

В гостиной сидел Сурков. По виду крутилась какая то попса. На столе стоял коньяк, в комнате было накурено.

— И где ты пропадаешь?

— Да вот, думал билеты купить. К бабушке съездить.

— Вы поругались?

— Мы расстались. — я принес бокал и плеснул себе немного. Хватит на сегодня. Закурил и посмотрел на Суркова.

— Есть причины?

— Да нет, просто пора.

— Кончай, Дух.

— Она мне не верит, и хочет определять, что я должен делать. Достаточно, я считаю.

— Херня. Не собирается она тобой наруливать. Я то вижу. И с чего это ей тебе не верить?

— Дык не рассказываю ничего. А деньги есть. И мотаюсь непонятно куда. Отшучиваюсь.

— Хм. Я жене рассказал. Откуда деньги.

— Сдурел?

— Нет, ты не понял, я про Ракова рассказал. Да она почти сразу спросила, с чего жирую. А я подумал, что не буду ей врать.

— Хе.

— Чего — хе? Она уже почти год в курсе. А никому не проболталась. А я считаю, что правильно сделал.

— Ну и молодец. А я хочу, что бы моя девушка мне верила. Или ты тоже думаешь, что я делал подлости?

— Кто тебя знает, я-то не заметил. Но вдруг ты, как один остаешься, начинаешь бить детей и истязать стариков?

— Ладно, Сурков. Давай за то, что бы мое одиночество было величественным.

— Не проще позвонить?

— Я звонить не буду.

— Она позвонит.

— Нет. И она звонить не будет. Я то ее знаю.

— Слушай, ну почему ты такой мудака?

Много раз меня обвиняли в том, что я ненавижу Россию. Обычно, это случалось вслед моим высказываниям о том, что Сталин был урод, или, что социализм — бессмысленная и затратная чушь. Я искренне впадал в недоумение. Исторические деятели, какого угодно калибра, с каким угодно знаком, — это абсолютно не Россия. Хотя бы потому, что Сталина нет, а Россия есть. Как он не старался.

Сколько их, вождей, было, и сколько будет? Мне нет до них дела. Хотя, мои лично симпатии всегда были на стороне тех правителей, что хотели улучшить жизнь людей. Но это уж дело вкуса. Многие любят зверство по отношению к населению. Понятно, под разговоры о необходимости, и о величии. А мне успехи за счет заключенных не близки. Американцы для этого туземцев морили. А у нас соотечественников. Соотечественники, в России, друг друга не любят. Поэтому, когда одна часть населения России, в рабских условиях строит, к примеру, Беломор Канал, у другой части населения это вызывает удовлетворение. Не у всех, понятно. И даже не у большинства. Но оставшееся меньшинство крикливо и безответственно. И горячо одобряет любое людоедство властей. Что бы потом недоумевать — как же так? Такой прекрасный БеломорКанал, а государство развалилось. Как то не понимают, что к чему. И думают, что вот побольше бы тюремной охраны — и такая страна будет! Свободная, богатая, красивая!

Согласен. С одним уточнением. Свободная, богатая и красивая будет тюремная охрана. Да и то, со свободой у них тож будет не очень. Свобода- штука эфемерная, но крайне значимая. Я засмеялся, вспомнив вал ненависти к Горбачеву. Особенно в нулевые. Неужели трудно понять, что когда ты орешь — Горбачева на кол, ты ведь не с ним расправляешься, а требуешь, что бы тебя лишили интернета? Кроме свободы слова, он нам ничего и не дал. Но такие сложные построения не для суровых преодаленцев. По зрелому размышлению, я подозреваю, что в России нулевых не прихлопнули тырнет из за технической невозможности. А как только она появится- немедленно лишат крикунов любимой площадки. Они это сожрут и утрутся, заорав — строже надо, суровой! Да только кончится все это уже известно как. Россия останется. И даже с интернетом. А мудаки, над ней экспериментирующие, пропадут как не было. А еще останется хмурое население, не понимающее, за что им это все? Как будто двадцать лет мечт о величии и "чтоб они все боялись!", не заслуживают ничего. Ну как до этого, семьдесят лет строили социализм, а виноваты американцы.

Я сидел на скамейке перед кассой оплаты автосервиса Жигулей в Мартышкино, и предавался философскому безделью, в ожидании открытия кассы.

На следующий день, после разговора с гэбэшником, мне пришлось носиться по питерским присутственным местам, по просьбе Софьи Игоревны. Я достал из почтового ящика важную бумагу, адресованную ей. С угрозами о том, что если какие то там справки не предоставить, то срежут пенсию, и повысят квартплату, и еще что то там. Старуха возбудилась, разохалась, и попросила привезти валокордину. Чтобы она успокоилась, была создана штурмовая группа, в составе — я и Каверзнев. И мы пошли на приступ собесов, паспортных столов и ЖЭКов.

Надо ли говорить, что сотрудники этих заведений нас от говна не отличали? Ни шоколад в промышленных количествах, ни коньяк литрами, ни наводка на дефицит, ситуацию полностью не исправили. То есть на нас по прежнему смотрели как на дерьмо, но полезное. Хотя и сделали то, что нам было нужно.

Однако, посещение всех этих мест, довело мой авто до ручки. Я и так не восторге от своих Жигулей. Трудно ожидать этого от человека, у которого для поездок на рынок, возле дома, стоял GLS. А в гараже стоял Порш — кабриолет, для летних утех и понтов. Это не считая шестисотого с водителем, что возил меня на работу. Но постоянное стремление Жигулей сломаться, выводило меня из себя. Двигатель задымил, перестал тянуть, а когда я приехал за помощью в Первый таксопарк, и вовсе заглох, без каких либо надежд.

Так я понял, что на Кубань не поеду. Это в условиях омерзительного российского капитализма, двадцатого года, двадцать первого века, достаточно было позвонить, и машину увозили, чинили, привозили. И все это весело и с огоньком. А здесь и сейчас я оказался в типично советской ситуации.

В таксопарке мне сказали, что я попал на замену двигателя. Смешно. У меня есть деньги. Но в продаже нет двигателей. Нужно записаться на очередь, и, может быть, через пару месяцев она подойдет. Но это фигня. Потому что записаться в сервисе, на замену, нужно за пол — года. В Питере, сейчас, я знаю три автосервиса. На двух других ждать еще дольше. Пикантность в том, что ГАИ требует не только документы на двигатель. Но и справку о замене оно на автосервисе. Замена в сарае не катит, ибо безопасность транспортного средства не подтверждена. Хотя, такую справку, можно получить в сервисе чуть ли не официально. За деньги, понятно.

Злило то, что все с этим живут и не замечают. Больше того, вокруг этого макабра, как водится, куча народу, которые его помогают решить. За счет пусть и незначительного но нарушения УК.

В общем. Двигатель мне помог достать Иво. Никто и никогда не объяснит мне, зачем новый двигатель от одиннадцатых Жигулей, оказался на продбазе Балтийского Морского Пароходства. Тем не менее, именно оттуда,

переплатив, я его поимел.

Дальше было смешно. Наш школьный приятель составил мне протекцию. По принципу мой батя служил с мужиком, что в Автосервисе Мартышкино работает. Я с ним связался, переговорил, и, в пятницу, притащил на веревке свою тачку в эту пердь. Мужик меня встретил, и, не глядя на авто, отвел к другому мужику. Который и оказался Петром, слесарем моторного цеха. Тот, за пятьдесят рублей, согласился, что у меня подошла очередь на замену двигателя. Счастливый и довольный быстрым прохождением квеста, я пошел сдавать тачку приемщику.

Приемщик сказал, что мой авто принять в ремонт не может. При том, что я уже оплатил приемку. Официально, что бы попасть на сервис, нужно пройти мойку и приемку, за двадцать пять рублей. И только после этого ты будешь допущен.

Но приемщик, мужик лет тридцати, заявил, что у меня конструктивные изменения. Спортивный руль, сиденья и ручка кпп- короткоходка. Извини шеф, не могу. И я вышел из себя.

— Значит так — сказал я, доставая их кармана сто рублей — слушай сюда угод. Ты сейчас, лично, оттолкаешь мой экипаж в цех. И тогда я тебе ничего не сделаю. Этого достаточно, что бы ты понял? А то ведь, я тебя заставлю сделать все задаром.

Приемщик на пол головы выше, и кило на двадцать тяжелее. Видимо не просто так. Похоже, граждане, частенько проявляют недовольство. И поставили того, кто сможет противостоять. Да только мне было плевать. И я начал прикидывать, как буду его бить головой о стену забора на въезде.

Пролетарий, к его чести, не испугался. Хотя, кажется, понял, что его ждет. Сотка исчезла в его кармане. Но, вместо того, чтоб впрячься и толкать, он задумчиво меня оглядел. И сказал:

— Давай отойдем. Есть разговор.

Мы отошли в сторону, он достал из кармана комбеза пачку БТ, и протянул мне. Я мотнул головой и достал свое Marlboro. Он хмыкнул.

— Я вижу, ты мужчина серьезный. Не хочешь вместо своего, шестеровский движок?

— А ГАИ?

— У нашего сервиса официальное разрешение на переделку. Мы ментам двигуны переставляли, и нам выдали.

— А подвеска, коробка, редуктор?

Приемщик с уважением поглядел на меня, протянул руку и представился:

— Меня Иван зовут.

— Я Коля.

Мы пожали друг другу руки.

— Все, Коля, делается. Если тебя не пугают расходы.

— Так что с ГАИ?

— Мы дадим официальную справку о внесении изменений. В любом ГАИ примут. Но, если хочешь, на Попова есть один капитан. Он тебе поможет все быстро оформить, на Энергетиков.*

На том и поладили. Привезенный мной движок остается им. А я доплачиваю за более лучший, и за то, что потом назовут- тюнинг. Хотя, прошлым летом, я вполне серьезно занимался аутотренингом, и убеждал себя что это прикольно и стильно, кататься на Жигулях. В общем, за все про все, три тысячи шестьсот рублей. И вправду, проще было новую машину купить. Да только новую, не переплатив, тоже не достать.

Так что, когда открылась касса, я заплатил девятьсот семьдесят официальных рублей. Петр и Иван прониклись ко мне уважением. Потому что я с одной стороны не жадничал, с другой стороны не позволил себя развести по мелкому. С третьей стороны, им понравилась обрезанная ручка КПП, они сказали, что будут предлагать клиентам. Я промолчал про тонкости этого улучшения. В качестве жеста дружбы и сотрудничества, они мне задаром воткнули руль с Жигулей для английского экспорта. То есть официальный спортивный руль для ВАЗ. А не поделку, как я поставил...

Сурков, узнав что я еду на Энергетиков, напросился со мной. Познакомишь меня, Дух, с этим ментом. А то чо я, езжу на чужой Волге...

В день моего эпического разрыва, точнее в ночь, мы с ним долго сидели, в конце-концов поднабравшись. Как я понимаю, вернувшись домой, Лишова позвонила Ирке, и потребовала обо мне ей больше не напоминать, потому что все кончено. И я потешался над Сурковскими затруднениями.

— Ты будешь вынужден мне отказать от дома, Серега! Я так и знал, что эта Ирка — не к добру.

— Да чо ты веселишься то? Дух, вот какая у тебя цель жизни?!

— У меня и жизни то нет...

— Кончай! Так и знай, что Вика не только подруга моей жены, но и мой друг.

— Как интересно! Я тоже твой друг. Идея! Будем видеться тайно. В обстановке строгой конспирации.

— Завязывай делать вид, что тебе плевать!

— Да нет, грустно конечно. Это Иво у нас, красив как гвардейский конь. Любая сочтет за счастье с ним

общаться. А я простой вепс. Мне будет трудно найти подругу.

— В твоём институте?!

— Ты не понял, я наконец то поумнел. И моя девушка не будут учиться со мной в одном институте. Схожу как ни будь, с пацанами, в ЛДМ, на дискотеку.

Капитан Павел Петрович Лейкин, сотрудник ГАИ, оказался не только в гражданском. У меня выходной ребята. Но и простым и свойским. Когда мы подобрали его на Охте, он поначалу напрягся. Я не сказал, что буду со спутником. Но потом он успокоился. А узнав, что Суркову нужно будет как ни будь оформить на себя машину, и вовсе обрадовался дополнительному доходу. Тщательно изучив мою папку с документами, он сказал что за пару часов все сделаем. Давай, Коля, пети-мети. Получив сотку десятками, наказал никуда не уезжать, и скрылся в домике ГАИ.

Мы с Сурковым курили, и трепались обо всем по немногу. Я рассказал про героический ремонт, и незаметные глазу улучшения. Он надменно говорил, что ездит со мной уже час, а ничего не почувствовал.

— А ты куда после Москвы собираешься?

— Ясное дело на Кубань. Мне там нравится. Разве что, может, куда на море съезжу. С другой стороны, хотелось бы быть здесь в момент, когда ты станешь отцом. Кто ещё сможет тебя скрутить, если ты сбрендишь на радостях?

— Ты жалеешь, что вернулся?

Я усмехнулся. Лишова конечно дура. Но в одном я ей благодарен. Я не остался там. Как ни крути — здесь я дома.

— Ну, сам подумай, Сурков, вот был бы я сейчас в зимней Бразилии...

— Не в Ницце?

— Лучше молчи. А то прет из тебя деревня, напололам с арабскими шейхами, и негритянскими царьками. Они тоже, слышали- Ницца, и стаями туда. А четкие пацаны Ниццей пренебрегают.

— В Бразилии лучше?

— Нет конечно. Но там интересней. Да и танго... Заодно и освоил бы.

— Тетя Таня как чувствовала, когда говорила, что ты на негритянке женишься.

— Я, Сурков, не могу что то обещать, не изучив матчасть. Я должен понять негритянскую сущность, отличие ее от мулатской, креольской и вообще, меня ждут изнурительные исследования.

— У тебя такая харя... По тебе ничего не поймёшь. Если б ты про миллион баб не заговорил, я б поверил.

— Ты о чем?

— Че я думаешь, с тобой поперся? Утром Вика к Ирке в гости пришла.

— Не интересно, Сурков — я закурил — ты сделал выбор, и выбрал жену. И бесишься. Но ты прав в своем выборе! Кому то наследник, ну а мне- Бразилия.

— Душина, ты меня знаешь, я не лезу. Но я считаю, что вам нужно поговорит. И это нужно не ей. А, в первую очередь...

— Ты прав, Сурков, лучше на Ямайку. Зимы нет, рэггей отовсюду да и ...

— Я ещё не закончил говорить!

— А я уже перестал слушать. Закрыли, Сурков. Хватит.

— Какой же ты, бля, баран упертый...

Договорить он не успел. Раздался «бум» и машину не сильно, но ощутимо качнуло. Кинув взгляд в зеркало, я увидел, что в зад нам въехала какая то красная пятерка-Жигули.

— Гм. Кажется, Сурков, нам врезались в жопу. Черт, я только из сервиса.

— Господи, хорошо то как! Уже хочется набить кому ни будь морду.

Мы вылезли из машины. Из уткнувшейся к нам в задницу пятерки появились трое. Водитель, и двое с пассажирской стороны. Весьма корпулентные парни, крикливо одетые в ультрамодные тряпки.

— Съ@бали отсюда- хмуро сказал мне парень, вылезший из за руля — это наше место.

Авторынок, который в народе называют «На Энергетиков», если строго формально, расположен, на самом деле, на проспекте Блюхера. Огороженный загон для продавцов с их техникой. И типовой сарай ГАИ, где можно быстро оформить покупку и получить транзитные номера. Это лет через десять, здесь построят четырехэтажное здание МРЭО, фитнес-центр, натыкают автосервисов, и брендовых площадок. Но и сейчас народу более чем достаточно.

Приехав, мы проехали и сам рынок, и барак ГАИ. И запарковались в тени кустарника, поодаль. У рынка и ГАИ, было не протолкнуться от авто и народу. Поэтому претензия непонятная. Разве что тень.

Я подошел и посмотрел место удара. Мой бампер чуть вмяло. Если честно, то мне было совершеннейшим образом насрать. В Париже вон, на звук паркуются. Сдал назад, ткнул жопой стоящий экипаж, сдал вперед — подтолкнул переднюю машину. И пошел себе куда нужно. Но хамить то зачем?

— Полтинника будет достаточно- ответил я. — на ремонт бампера. Давай, сердешный, раскошеливайся.

— Да ты оху@л, баклан, что ли?! Ты у меня сейчас на капремонт пятерки отстегнешь! — ответил бк-водитель, и решительно сделал ко мне шаг. Все ясно. Отставной борец-вольник, или самбист. Лет двадцать пять-тридцать. Подзаплывший жирком. На, сука!!! Отбив левой рукой протянутую к моему вороту руку, я исполнил правой прямой в челюсть. И сбил костяшки. А противник просто закатил глаза и рухнул мне под ноги.

С другой стороны авто раздавалось азартное хэканье. Но, кроме Суркова, никого уже не было видно. Оббежав свое авто спереди, я увидел завершающий удар ногой по печени самому рослому из борцов. Второй уже просто лежал в позе эмбриона, закрыв лицо руками.

Я схватил так и не пришедшего в себя водителя за шиворот модного полотняного пиджака, и затащил за машины, уложив рядом с эмбрионом. Похлопал по щекам. Он открыл мутные глаза. Ну вот. А то у Суркова удар бомбический, у Суркова удар бомбический... У меня тож ничего. Хотя, Серега кулаков не сбил, в отличие от меня.

Я прошел и заглянул в машину спортсменов. На заднем сидении лежит фанерный лист, и три детских формочки-ведерка. Все понятно. По весне разогнали основное гнездо наперсточников на толкучке в Ульяновке. И они переместились в Девяткино, по рынкам, и сюда вот. Сюда приходят люди при деньгах. Так что место хлебное.

— Серега, боюсь, к ним подмога подтянется.

— А вот сейчас и узнаем — Сурков схватил за шиворот куртки эмбриона и рывком поставил перед собой. — Давай. С вас полтинник. Если без разрешения рот откроешь- сотка.

Эмбрион, судя по всему, не очень пострадал:

— Вы чьих будете? — спросил он.

— Сотку давай- и Сурков засадил мудаку в грудину. Каким то хитрым ударом. Тот с ног упал, но остался в сознании. Век живи век учись.

Серега между тем снова поставил того перед собой.

— Ну?!

Тот полез во внутренний карман куртки, и дал Суркову два полтинника. В это время водитель, как бы незаметно, подтянул под себя руки, и собрался на меня броситься. Да только, я то видел. И с ноги зарядил ему в бочину.

На этом приключение, по сути, кончилось. Потому что тот, что отдал Суркову деньги, сказал, что они все поняли и уезжают. Их основная бригада будет только через час. Они приехали пораньше, осмотреться. Немного помялся, но попросил помочь погрузить так и не пришедшего в себя чувака...

Забавна реакция народа. Многие видели что происходит. Но никто не стал вмешиваться. Делали вид что не замечают, поглядывая украдкой. Когда пятерка уехала, мы снова уселись в машину.

— Ну что, Сурков, отпустило?

— Немного. Но вернемся к баранам! Дух, так ведь все и начинается. Сначала, у нас с Ирккой, появится наследник. Иво, в этот Днепропетровск, как на работу летает. А тебя обнаружат в твоей квартире, съеденного котом!

— Тогда уж собакой.

— Ну, собакой, какая разница?

— Ну и отлично. По крайней мере, не нужно думать о вреде курения!

— Коля, осторожней. Меня в Анголе один мудака так выбесил, что я подстрелил негра.

— Кстати, давно хотел спросить. Негров, кроме соли, готовят с перцем или ещё какие африканские специи?

— Вот тьфу на тебя! Живи как знаешь.

Павел Петрович объявился спустя минут двадцать. Отдал мне ПТС с вписанным новым номером двигателя, и спецкарточку ТС с изменениями конструкции. Обменялся с Сурковым телефонами, и заявил, что он тут останется. Так что поезжайте ребята.

Я решил не заморачиваться с Большеохтинским Мостом, а поехал по Энергетиков. И мы уже обсуждали возможность завезти, как ни будь, в Союз черепицу из Финляндии. Сурков был настроен строго. Все высшего качества. А я уверял его, что если поискать, то и у нас неплохая черепица. В общем, на СтароНевский мы выехали оживленно обсуждая качество кабельной продукции в СССР. И пришли к согласию, что кабеля у нас — вполне. А вот с осветительными приборами не очень. И что как Ивик появится, нужно его напрямч каталогами из Хельсинкских строительных магазинов. Потом, как то сам собой, разговор свернул на еду. И Сурков похвастался, что Ирка готовит уже не просто хорошо, а кое-что и прекрасно!

— А какие у неё блины?! Боже мой, Дух, я обожаю ее блины! Большие, теплые, идеальной формы...

— Это, Сурков. Ты сейчас точно про блины?

— Ты куда свернул?!

Я, с набережной Красного Флота, свернул у Медного Всадника налево. И тут же притерся к поребрику.

— У тебя там наверняка Виктория сидит. Не хочу с ней встречаться. Так что смело говори Ирке, что я тебя

раскусил.

— Коль, рискуешь остаться без друзей.

— Да уж, сложно иметь друзей, когда такой офигенный.

Я, мимо Исаакия, памятника Николаю Первому, и Ленсовета, вырулил на Майорова, и поехал домой. Нет смысла встречаться. Только наговорим друг другу. Через две недели я уеду в Москву, а там и к бабушке. А потом уже пройдет время, и, увидится осенью будет легче.

Я, в принципе, умею выкидывать из головы лишнее. Но это если не провоцировать эту голову. Так что спасибо, конечно, Сурков, но это лишнее. А вот позвонить в Обнинск-это вполне актуально.

Что я и сделал, войдя домой. Хорошо, Валера оказался дома.

— Татищев! А ты не думал поговорить с ответственными товарищами про закупку установок для выращивания кристаллов?

— Меня тут в КГБ вызвали. Не твоя работа?

— КГБ? Что это? По любому, если и там спросят, так и говори, без установки нет жизни.

— Да какое им дело?

— Вот и посмотрим. Мало ли им нужно прокорруптировать какого американца? Методом покупки у него установки вдвое дороже, это получится изящно.

— Тут бы с учебы не вылететь, а у тебя фантазий выше крыши.

— Не ссы, Валер. Одно скажу точно- не вылетишь. Но про установку обязательно расскажи.

* — Прототип одного из героев этого текста, в 85 году, загонял Жигули в сервис в Мартышкино. С заменой двигателя. Ждал двигатель семь месяцев. Обошлось ему это в тысячу шестьсот рублей. И вообще, все цифры в этой истории- аутентичны. В частности- заехать в сервис-25 рублей. В остальном- оформить авто после замены двигателя в ГАИ можно было даром, заплатив рубль с чем то сборов. Но занимало это больше недели. А то и больше. Отметка прохождения ТехОсмotra получалась после суточной очереди, а за деньги стоила по разному, но не меньше десятки.

Игорь Ан позвонил в понедельник, около трёх дня.

Вечер воскресенья, я провёл у Иво в гостях. Мы собирались поплавать по каналам, но погода испортилась. Пришлось незатейливо выпить вкусного рому, что был у Ивика. Вот с чем, с чем, а с ромом в Питере сейчас проблем нет. Во всех винных без очереди, он не очень популярен. В четыре руки запекли картошку со свиной, луком, сыром и майонезом, на противне, и прекрасно провели вечер. С просмотром подросшего, свежего, Индианы Джонса. Так, что я у Ивика и заночевал.

А когда я утром, шел по солнечной стороне Невского домой, то встретил Васю Уральцева. То есть, он вылез из подъехавшего такси.

— Привет, Колян!

— Здорово, Вася. Мог бы не останавливаться, помахал бы рукой из тачки, да ехал себе.

— Да тут... — Вася замялся, и ухмыльнулся — даже не знаю. Среди пацанов прошел слух, что какие то залетные, отмудохали бригаду наперсточников, на Энергетиков.

— Какая неприятность! — мы повернули, и пошли по Невскому, в сторону Адмиралтейства.

— Могло все плохо обернуться, Дух. Они номера твоей тачки срисовали. И собирались к тебе с предьявой.

— Мало мы им отвесили. Мудаки, бля. Пусть приходят. А то я чет расслабился. Видишь, кулак сбил.

— Это да. У них там главным Малыш. Он парень умный. Выяснил, кто и что. Пришел ко мне, узнать, не пробиваем ли мы рынок. Говорит, если эти двое хотят там дела делать, пусть подходят. Договоримся, говорит.

Понятно, авторынок на Энергетиков — место хлебное. Преступность там не только наперстки крутит. Основной доход у них, с ломки денег при расчете. Когда авто официально, в кассе, оценивается в одну сумму, а разница — доплачивается с рук на руки. Широкое поле для ломщиков и мошенников. И, аж сам Малышев, не прочь видеть меня и Суркова среди своих приближенных.

— А ты что?

— Поржал, чо — пожал могучими плечами Вася — эти двое, отвечаю, с такой херней не станут заморачиваться. Скорее, твои на них быканули, ну и получили. По другому никак. Они, ващета, мирные.

Я же говорю. Вася- только с виду дуболом. Мгновенно просчитал ситуацию, и пришел к верным выводам.

— Не поделишься, что вы там с Сурковым забыли?

Рассказал, про свои приключения с машиной. И про этих горе — наперсточников.

— Я так и подумал — засмеялся Уральцев — Ты имей ввиду, что эти трое могут не успокоиться. Я с Малышом, конечно, поговорю. Но ты поосторожней.

— Боюсь-боюсь. Ладно тебе, Вася. От этих я уж как ни будь. Смотрю, ты тачку как фарца с галеры юзаешь. Сто рублей на торпеду?

Мы подошли к улице Толмачова, к запарковавшемуся там такси, на котором ехал Уральцев.

— Да не, это же Герасим, не узнал что ли? — снова засмеялся Василий. А я увидел вылезшего с водительского сидения парня из нашей школы, Серегу Герасименко, по кличке Герасим. Я слышал, что он вроде бы в такси работает, а оно вон как.

— Он со мной план делает — хлопнул Вася по плечу Герасима, — а у меня, колеса. Всем приятно.

— Как там, кстати, Слава с Эдиком — я пожал Герасиму руку — не сильно их в ментовке помяли?

— Да не очень. Так, начистили морду, для профилактики. И оставили в отделе. Решали, что с ними сделать. Анатолий Александрович твой- конкретный мужик. Сам нами не стал заниматься. Познакомил с Раисой Павловной. Она — бывший зампрокурора Красногвардейского района. А сейчас в адвокатах. Баба- зверь. Оглянуться не успели, как пацанов выпустили, а ментов прижали. Вот тут Собчак и нарисовался. Давайте, говорит, договариваться. Ну и договорились. Менты хулиганку, что пацанам рисовали, закрывают. А пацаны заяву, по неправомерке, забирают. Ну и поляна с нас, операм. Все же Муха там одному нос сломал.

— Нормально посидели? — хмыкнул я.

— Душевно. Договорились с парнями, на авторитете. Что менты — рулят. Но не беспредельничают. К нам с ерундой не лезут. А мы уж, со всем уважением.

— Эвона как у нас, в Питере, все ловко выходит.

— Ты, Дух, так и знай, теперь, если что, мы с пацанами за тебя впишемся.

— Перестань, Василий. И без этого бы вписались. Чего уж. Ладно, пойду я. Передавай, Вася, Маринку привет...

Дома, на автоответчике, было сообщение от Наташи Анисимовой, комсорга потока. Я встрепнулся, а моя внутренняя моногамия благожелательно прищурилась. Потом я представил, как мы с ней, в порыве страсти, хлещем друг друга кнутами, и успокоился. Была, конечно, мысль, натравить ее на Иво. Но не срослось... Из-за этих

дурацких мыслей пришлось переслушивать сообщение. Мне нужно в полдень быть в институте. С институтскими делегатами Фестиваля Молодежи и Студентов проведет инструктаж представитель горкома ВЛКСМ.

Ярослав Меркушкин, бывший секретарь институтского комсомола, закончил институт. Я с ним приятельствовал, и мог бы договориться об отсутствии. А девицу, что избрали вместо него, я не знаю, да и знать не хочу. Подавив раздражение, я подумал, что сходить стоит. Потому что меня посетила идея.

Нас собрали в одной из аудиторий. Присутствовали все десять делегатов, и, как я понимаю, группа поддержки из преподавателей и комсомольского комитета. Перед нами выступил смутно знакомый парень, лет тридцати. А когда он представился, я перестал жалеть о бессмысленно потраченном времени. Перед нами выступил секретарь ЛГК ВЛКСМ Александр Иванович Бастрыкин. Тот, кто возглавит в нулевые Следственный Комитет РФ.

Здесь и сейчас, он представился заместителем главы Ленинградской делегации на фестивале. И не мешкая приступил к оргвопросам. Для начала — выбрал старшего из институтских делегатов. Причем изначально, он смотрел на меня. Но я встал, и заявил:

— Александр Иванович! Я не общественник, а делегирован с научным докладом на научный семинар. Поэтому беру самоотвод. И, уделите мне пару минут, после заседания.

Институтская делегация состоит из восьми девушек, и двух парней. Я со всеми хоть шапочно, но знаком. Да и они меня знают. Поэтому Илья Разинцев, с четвертого курса, оказался старшим. Само дело у комсомола поставлено туго. Выезжают двадцать пятого дневным поездом. По прибытии в Москву, ленинградская делегация компактно заселяется в общагу Московского института железнодорожного транспорта, в Марьиной Роще. По двое в комнату. Двадцать шестого — торжественное открытие в Лужниках. Ну и дальше по плану. Я не очень слушал, если честно. Наблюдать молодого Бастрыкина было интересно. Вполне дельный свиду мужик.

Когда, часа через полтора, все закончилось, я подождал пока Бастрыкина не оставят в покое. Мы с ним пошли по коридору к выходу.

— Александр Иванович... — начал я.

— Просто Саша, — ответил Бастрыкин, — ты чего хотел?

— Я — Коля Андреев. Тут такая история, Саш. Я еду с докладом, на конференцию, на Мосфильмовской. А, в остальном, я там сбоку припека. Выступление у меня первого августа, в пятницу. Давай, я со всеми не поеду, а появлюсь только на конференции, а потом уеду?

Вообще то, если у замглавы ленинградской делегации был вопрос, как бы поселиться одному, то я ему на него ответил. И мы оба это отлично поняли. Это не говоря о талонах на питание, и прочих ништяках, на которые я не претендую.

— Хорошо — немного подумав, ответил он — но учти, если ты потеряешься, и тебя не будет там где нужно...

— Саш, — мягко сказал я — меня туда отправили наша замзавкафедрой экономики, и замдекана. Не обижайся, но они страшнее.

Он весело засмеялся.

— Хорошо! Но условие. Как выступишь, найди меня. Покажись. Договорились?

— Договорились.

Пока я был в институте, мне было десять звонков. И все от Фреда. В последнем сообщении, он уже слегка истерично требовал срочно с ним связаться по крайне важному делу. Хмыкнул, помыл руки и достал сковородку. Вполне очевидно, что общение с Фредом не сулит ничего хорошего. Лучше бы вообще уехать на пару дней куда ни будь. Вот пожру, и свалю, решил я, наблюдая, как нагревается сковорода. Но телефон зазвонил, и я, чисто на автомате снял трубку. Только потом с досадой прикусив губу. Но было поздно. Хотя это был и не Фред, а Игорь.

Выяснилось, что мне срочно нужно приехать в ресторан на Мойке, недалеко от Капеллы. Там меня ждет Фред. Это очень важно, Коль. Андрей очень просил. Продолжая чертыхаться про себя, я снял сковороду с плиты, и сказал что выхожу. Как бы то ни было, но Фред всегда первоклассно питается. Так что голодным не останусь.

К ресторану я подъехал на частнике, одновременно с Сурковым, подъехавшим на такси.

— Вот одно у тебя, Дух, не отнять — стратегического мышления! — вместо приветствия заявил Сурков — правильно рассудил, что в ресторан на своем авто ехать глупо. Если нальют, не придется мучиться, что пьешь за рулем!

— Твое, Сурков, желание показать, что ты не дурней меня, тебя не красит. Смирись уже, что один из нас умный, а второй Сурков.

Ресторан, а скорее кафе, где выпивают симфонисты и туристы, был полупустым. Но к нам мгновенно подошел метрдотель, и, уточнив наши имена, проводил за барную стойку. Где оказался коридор с отдельными кабинетами. Первую дверь он нам и открыл. За пустым столом сидел Фред. В воздухе висели пласты табачного дыма.

— Вы где шляетесь? — вместо приветствия сразу наехал Фред, — в кои то веки у меня к вам просьба, а вас не найти.

— Знаешь, Сурков, пойдём. Нам здесь не рады.

— Кончай, Дух. Садитесь, нужно поговорить.

— А если нет?

— Ну чего ты все время выеживаешься?! Если был где не прав, прости. Но мне очень нужна ваша помощь.

Сурков уже уселся за стол, и достал сигареты.

— Ты садись, Дух. Ты не ему будешь помогать, а мне. Потому что Фред передумает, и таки привезет мне черепицу из Голландии.

— Вы меня знаете. Поэтому я уверяю тебя, Сурков. Поможете мне, получите все, что попросите.

Открылась дверь и заглянул Игорь. Сказал Фреду что все нормально, он сейчас будет. У меня совсем испортилось настроение. Стало понятно, что после разговора со мной Игорь приехал сюда, и будет обеспечивать приватность беседы. С тем, кто сейчас придет. Усаживаясь за стол я думал, что грядет грандиозная поганка.

Вошедший спустя пару минут мужик, казалось, это опровергал всем своим видом. Хороший, но простенький костюм. Тщательно начищенные ботинки. Немодная белая рубашка, с галстуком на резинке. Да только глаза. . Очень и очень умный дядя. Он, тем временем, представился Виктором Ивановичем Полянским. Пожал нам руки на ответное представление. И уселся за стол. Фред откашлялся.

— Как вы все знаете, на территории Афганистана, Туркмении и Ирана, силами Минобороны проводилась операция. В рамках этой операции, из Афганистана, в Иран, доставлялись крупные партии наркотиков. В начале этого года была зафиксирована потеря управляемости, во всех звеньях, занятых доставкой. В связи с этим было принято решение о сворачивании операции, и изоляции недобросовестных участников. Ты, Коля, имеешь к этому самое прямое отношение.

Я чувствовал глухую тоску. Как только Андрюха заговорил, так и затосковал. Я искренне надеялся, что уже все. Да только, похоже, недооценил масштаб. Что Фред и подтвердил дальнейшей речью.

— Генеральная Прокуратура, при поддержке спецподразделения ГРУ — продолжал Фред — вполне успешно прекратила утечку наркотиков в Туркмении. И вполне качественно ликвидировала все возможные следы. Полностью прекратив наркотрафик. Но, к сожалению, Петр Пьянков погиб еще до допроса. И часть информации всплыла случайно, и только вчера. Нет, Коля, никто его не пытал. Просто, поздно промедол вкололи. Да еще жара, да и он бывший спортсмен, вот сердце и не выдержало.

— Слушай, давай закажем попить чего. Воды хотя бы — открыл рот Сурков — и окно откроем. А то дышать нечем.

— Нет. Давай закончим, а потом уж и подышим и пьем. — отрезал Фред.

— После такого рода операций всегда остаются какие то участники, не попавшие в поле зрения тех, кто их контролирует. Но, в данном случае, это привело к критической ситуации. У Пьянкова есть дальний родственник. Валай Усимов. Тоже талыш, окончивший МАДИ, член партии, и вполне европеизированный парень. Он был занят важнейшей частью операции. Переправкой наркотиков через границу. С его должностью, это было не очень сложно. Он возглавлял Кизил-Арватский Филиал СовТрансАвто, занятый доставкой грузов в Иран. Технически это выглядело просто. В спецподразделении ГРУ цистерна, для перевозки жидкого концентрата химудобрений, была дооборудована специальной нишей. В которую закладывался контрабандный груз. В данном случае — наркотики.

В общем, на момент приказов об аресте, цистерна стояла на предприятии в Кизил-Арвате. Пустая. Когда к дому Усимова прибыла группа захвата, дом горел. Пожарные наши тела мужчины, женщины и двух детей. Было решено, что последняя партия наркотиков доставлена в Иран. А Усимов, покончил с собой, убив свою семью. Вы знаете, о том, что их предупредили о предстоящих арестах.

Но вчера, здесь в Ленинграде, схватили и доставили ко мне одного деятеля. Из города Кизил-Арват. Он был одним из приближенных Пьянкова, и я его активно искал. И он рассказал, что товарищ Усимов жив. Подложил вместо себя убитого родственника. Но, что самое ужасное, последняя партия наркотиков, не попала в Иран. А едет сюда, в Ленинград в цистерне, что они тайно оборудовали у себя на предприятии. Почти точно такой же, как и была задействована в операции.

— Фред. Зачем ты нам это все рассказываешь? — спросил я. Фред открыл было рот, но его прервал Виктор Иванович.

— Дело в том, что главным требованием при сворачивании операции было обеспечение режима секретности. Проще говоря, до вчерашнего дня, о ней не знали ни в МВД, ни в КГБ.

— А зачем их сюда понесло?

Они помялись, а потом Фред ответил.

— По нашим оценкам, всю партию героина они намерены вывезти за рубеж через порт Ленинграда.

— И сколько там- с интересом спросил Сурков.

— Около тонны.

Сурков присвистнул.

А я вышел из себя. Я уже понял, о чем нас будет просить Фред, и что нам расскажут на наши возражения, да и

развитие ситуации вполне увидел. И мне все это дико не понравилось.

— Поправь меня, если я ошибусь, Фред. — тихо, боясь сорваться, заговорил я — По стране едет тягач, что тащит цистерну, в которой тонна дури. В связи с тем, что прокуратура и вояки обделались, возможен скандал. Который приведет к перестановкам в Министерстве Обороны, да и в Политбюро. В связи с этим, в тщетной надежде все же не допустить разглашения, проверок на дорогах не ведется. Хотя бы потому, что вы и сами не знаете, что хуже. Если менты наркоту не найдут, или найдут. Таким образом, наркота скорее всего приедет в Питер. Зачем тебе мы? Пусть вывозят в Европу, и там продают. А здесь все будет тихо и пристойно.

Ответил опять Виктор Иванович:

— Высока вероятность задержания в порту, или таможенной, или пограничниками. Правда, Усимов очень осторожен. В связи с прошлым должностным положением, у него на руках есть куча легальных и реальных документов. И на транспорт, и на официальный груз. У него есть несколько комплектов номеров. Он отлично ориентируется в дорожной сети, и таможенных вопросах. Есть основания полагать, что с ним сотрудничают в таможене. У него есть хорошие шансы скрыться. Но сегодня, мы точно знаем, где и когда его можно перехватить.

— Ну и перехватывайте. — буркнул Сурков. Он тоже все понял.

— В этом и проблема. Обросов, со своим подразделением, сейчас в Афганистане. Оперативно его отсюда вызвать нет возможности.

— Да вон, во Пскове дивизия стоит.

— Десантники, даже под подпиской, обязательно все расскажут. Своему то КГБшнику- точно.

— И что нужно от нас?

— Что бы вы уничтожили этот конвой.

— Конвой?

— Автомобиль КамАЗ с полуприцепом, и Жигули- шестерка в качестве сопровождения и охраны.

— Вдвоем? И что с оружием?

— У меня есть лично преданный старший лейтенант. Разведка полка. Что касается оружие — любое штатное вооружение и боеприпас.

— Вы совсем @бнулись, дорогие товарищи. — прошипел, что бы не заорать, я- мне это все на@уй не нужно. Я пошел. Сурков, ты как?

— Постой, Коля. Давай я тебе объясню. — Полянский помолчал. — По своим каналам, мы недавно получили информацию, в что в Гетеборге, разведка и полиция готовят операцию по захвату крупной партии наркотиков из Советского Союза. Было предположение, что готовится провокация. Как нам с вами понятно — вовсе нет. Шансы Усимова протащить контрабанду- очень высоки. Но там его возьмут. Так что и отпускать его нельзя. Да, ты прав, мы надеемся эту ситуацию решить. И поэтому не обращаемся в МВД. Наши оперативные возможности здесь и сейчас ничтожны. Но вы, как мне докладывали, хорошо подготовлены, и у нас есть все шансы все это закончить.

Несмотря на дым пластами, я откинулся в кресле, и закурил. Дурдом. Прямо не говорится, но понятно, что нужно перехватить и уничтожить наркоту и сопровождающих. С одной стороны, что мне те министры, и политбюро? Но про мою страну еще никто не говорил, что она наркоторговец. А тут- вполне могут сказать. В пол уха я слушал, как Сурков, Фред и Полянский обсуждают, что в принципе, груженная цистерна отлично утопнет в болоте. Поискал глазами, потянулся и вытащил у Фреда пачку листов А-4. И начал писать. Все замолчали, и с интересом на меня уставились. Писал я недолго.

— Хорошо, подполковник. — обратился я к Виктору Ивановичу. — мы возьмемся за это дело. При условии полного обеспечения всем из этого списка.

— Как ты со званием угадал? — усмехнулся Полянский взяв у меня из рук листок, и начав его читать.

— Да ты ох@ел, боец — чуть ли не заорал он, прочитав лишь первый пункт. — ты чего там напридумывал?

— План, товарищи и господа, прост.

Около семи утра я открутил взрыватель, и налил в кумулятивную воронку бензин. Солярка плохо поджигается, а мне нужен быстрый пожар. Теоретических подтверждений нет, но в народе считается, что бензин в воронке еще усиливает поражающие качества выстрела.

Я торчу в этом лесу со вчерашнего дня. Если сегодня утром они не поедут, то придется остаться здесь до завтра. Как всякий наспех слепленный план, мой тоже зияет дырами. Но основные цели, скорее всего, будут достигнуты. А там посмотрим.

Вчера я приехал на электричке на станцию Чудово. Любопытно, обративший на меня внимание, увидел бы чувака, что решил проверить, нет ли уже грибов в лесу. Как опытный грибник, я сел на автобус, и доехал до Грузино. Там перешел мост через Волхов, и неторопливой трусцой двинулся по лесу, вдоль дороги. Как бы хороша не была карта, профиль и рельеф местности лучше оценивать лично. Поэтому место акции я выбрал немного дальше запланированного изначально. Натянул на верхушку елочки у обочины пакет, и скрылся в лесу. Около семи вечера низко над дорогой пролетел армейский вертолет МИ-8. Миновал предполагаемое место сшибки, отвалил вправо, и скрылся за лесом. Чуть позже на дороге показался армейский УАЗ-буханка. Миновал елочку с пакетом, УАЗ свернул прямо в лес. Водитель и прапорщик споро выгрузили из машины несколько баулов, и аккуратно сложили под сосной со сделанной топором зарубкой. Прапор свистнул в лес. Услышав из глубины леса два свистка, уселся в машину, и она уехала.

Сурков появился около четырех утра. Я, к этому времени, успел почистить и подготовить оружие, определить позиции, и устроить схрон. Прислонившись спиной к сосне, жрал тушенку, заедая ее черняшкой и запивая водой из фляги. Говорю же, все наспех. Не подумал взять термос. Хотя ночь достаточно зябкая, я не стал разводить костер. Значения это не имеет, но лучше все делать по взрослому. Так что я его услышал, а потом и увидел. Он присел рядом на корточки.

— Все нормально, Дух. Он будет ждать нас до десяти.

Я кивнул, а потом встал, облистав ложку. Белые ночи, конечно, достаточно темные. Но ориентироваться вполне можно. И я отвел Серегу на подготовленное для него место. Мы будем работать из леса, укрывшись среди сосен и елей. Еще и складки грунта позволяют чувствовать себя почти как в ровике. Когда я повернулся уходить, он спросил:

— Не боишься случайности?

Я над этим себе всю голову сломал. Но решил, что ошибка маловероятна. Чтоб не забивать Суркову голову, просто буркнул:

— Похер. Вали всех, Бог разберется.

Дорогу между Чудовом и Тихвином, даром что она районного значения, смело можно назвать проселочной. Хороший грейдер, с редко проезжающими машинами. Ночью машины ездят где то раз в двадцать минут, ближе к утру — немногим чаще. План построен на том, что товарищ Усимов решил не связываться с Москвой и трассой Москва-Питер, а поехал в объезд. Через Углич и что там еще. И, сегодня, или завтра, поедет утром по этой дороге. С задачей быть в Шушарах с десяти до одиннадцати. В это время его там должен ожидать чувак, которого отловил Фред. И, который и рассказал о маршруте. Еще мы знаем, и даже видели на фото, как будет выглядеть цистерна. Там сверху такая труба, не как у всех, а у тех, что возят химию. И вишневая шестерка-Жигули. Место, время, тип цистерны, и тип сопровождения — я считаю достаточно, для идентификации.

По дороге медленно проехала первая, за десять минут, белая Жигули — копейка, с новгородскими номерами. Совсем не оживленная дорога. Место я выбрал там, где выйдя из леса, дорога делает небольшой поворот, и идет по краю большой лесной поляны. Лес тут только с одной стороны. Я был почти уверен, что мы не ошибемся, но, все же скребло. Тут из лесу выехал КамАЗ, с мгновенно узнаваемым полуприцепом. В бинокль я разглядел эту толстую трубу. А немного погодя показалась и вишневая шестерка. Часы показывали пятнадцать минут восьмого. Ну да, если ничего не нарушать, как раз до Шушар добраться. Никаких сигналов к началу предусмотрено не было. Сурков и так все поймет.

Когда КамАЗ поравнялся со мной, я дождал выстрел до щелчка, поднял гранатомет на плечо, откинул целик, и выстрелил. До цели было метров двадцать пять. И я попал куда хотел, в двигатель. Машина встала, откинув веред кабину. Из едущей метрах в пятидесяти за тягачом шестерки с похвальной быстротой, даже еще не остановившись, в меня саданули двойкой с трассером. В сосновом подлеске рассмотреть меня невозможно, но определить место выстрела нетрудно. Если бы я остался на месте, то тут бы и кончился. Да только я, бросив гранатомет, сразу же не только упал, но уполз вправо и назад. Дело плохо. Судя по уровню стрельбы, охрана крута. Значит, трассер не случаен, а целеуказание. Для кого это? Сурков исполнил две двойки, чуть погодя ещё одну.

Я подполз к лежащему второму гранатомету, привёл его в рабочее, и понял, для кого наводка. Белая копейка,

проехавшая вперед — боевое охранение. Она вернулась, и сейчас, вывалившись из нее, в то место, где я был, херачили из калашей двое. Слева, двойками, в них замолотил Сурков. От шестерки его прижали длинной очередью. И, перцы из копейки выбежали на обочину, для обзора. Вскинули стволы, да только нас же — двое. Пока они стреляли в сторону Суркова, я скинул автомат со спины, и сбоку, метров с десяти, одной очередью положил обоих. Они не так круты, как чувак из шестерки. Встали рядом, полный рост, и садят в лес за сто с лишним метров. Не оценивая их состояние, поднял гранатомет, и выстрелил в цистерну. Выстрел прошил ее, сука, насквозь!

Но, слава Богу, что то потекло и загорелось. И начало растекаться вокруг цистерны. По предварительной информации это солярка. Но кто его знает. И, слушая, как Сурков гвоздит по вишневой шестерке, откуда ему изредка огрызаются, я переполз влево, к еще одному лежащему гранатомету. Встал в этот раз на колено, и снова выстрелил в цистерну. И, наконец, попал как надо. Тайник сделан в нижней части. Именно в него я угодил. С другой стороны цистерны взметнулось белое облако, опадая в разгорающуюся солярку.

Переведя взгляд влево, я понял, почему Сурков возится. Грамотно прячась за шестеркой, парень с автоматом выскакивает то там, то тут, и в одиночку его подстрелить трудно. Со стороны белой копейки я выбежал на дорогу перед тягачом, и, через разгорающийся пожар, выстрелил по противнику сбоку. Он немедленно развернулся в мою сторону, но его голова разлетелась от Сурковского выстрела. На мгновение установилась та особая тишина после стрельбы.

Я взглянул на часы. Все столкновение заняло чуть больше четырех минут. Никто не подъехал, и никого не было слышно. Дальше нужно было действовать быстро. К Сурковскому противнику приближалась вытекшая из цистерны солярка. Поэтому его мы не стали трогать. Серега завалил двоих сразу же. Они так и сидели в машине. Один с ТТ, другой с автоматом. Я вдруг вспомнил Костю Могилу. Обошел вишневую шестерку, и саданул ногой под крышку багажника. В багажнике лежала туго набитая, черная, блять, сумка!!!! Сурков рядом сказал, «О@уеть!». Выкинул ее на дорогу, и подошел к водителскому месту. Это поразительно, но несмотря на кучу пулевых отверстий, двигатель шестерки так и работал. Через убитого водилу, прямо с дороги, нажал сцепление и воткнул первую передачу. А потом, очень аккуратно, сцепление отпустил. Хромая пробиты передним правым, Жигули въехали в огонь, и уперлись в фаркоп цистерны. Я накинул на левое плечо сумку, громко выматерившись. Тяжелая, сука. Мы с Серегой побежали к копейке, но туда уже затекла горящая солярка. Я скинул с плеча автомат, и разрядил его в кабину КамАза. Сурков, за спиной, хлопнул два раза в лежащих на дороге боевиков. Трогать их не стали, они уже дымились. И мы ушли обратно в лес. Собрали гранатометы. Ранец с неиспользованными выстрелами, и канистры с бензином, что припасены на всякий случай, короче, всю амуницию. И все это положили в схрон, метрах в двухстах от дороги. Сквозь просветы в деревьях было видно, что горит уже знатно. Потом я кивнул Суркову. Он достал из кармана ракетницу, и выстрелил в небо. Зеленые, блин, цепочки. И мы побежали в лес. Почти сразу за спиной раздалась стрельба. А хорошо разгорелось! Это явно патроны выгорают. Нам повезло, что так быстро.

Отбежав пару километров мы остановились. В сумке действительно лежали доллары. Где то в стороне пожара было слышно вертолёт.

В понедельник, обсуждая план уничтожения конвоя, я не стал скромничать. Первым пунктом, в списке необходимого, стоял вертолёт. Вторым пунктом стояло отделение десантников. Подполковник Полянский видел себе операцию как ночной захват. Потом всех вырезать, а цистерну утопить в болоте. Мне в этой идее не нравилось все. Впрочем, Фред, с Виктор Иванычем, не настаивали.

Тогда я и рассказал, как это по моему должно выглядеть. В скоротечном огневом контакте живая сила уничтожается, цистерна поджигается, и все сгорает. Пока длится пожар, место пожара оцеплено десантниками, у которых были неподалёку учения. Вы придумаете цель учений десантной группе с вертолетом, Виктор Иваныч? Тем более что ее возглавляет «лично преданный» старлей. Нет, нас двоих в этом формате более чем достаточно.

Во время акции, а главное — после неё, иметь рядом с собой непонятного, а главное — вооруженного человека, я категорически отказался.

— Поймите важную, но, в сущности, простую вещь, мужики. — сказал я во время обсуждения — нам никак не удастся скрыть произошедшее. И трупы найдут достаточно быстро, да и цистерну непонятно куда девать. Поэтому пусть все все видят! Какие то уголовники вымогали деньги на дороге у водителя бензовоза. С ними сцепились, и случился пожар. В результате которого все умерли. Пробегавшие мимо десантники, увидев пожар — оцепили его, чтоб население не пострадало. А уж правильных пожарников и прокуратуру, выехавшую на место, ты, Фред, обеспечить сможешь?

В этом месте Фред заявил, что это о@уительно!

В общем, под вечер, перед началом событий, в лес, километрах в двадцати от места, прибывает вертолетом десантное отделение, во главе с вашим, Виктор Иванович, офицером. Выставляет наблюдение и, что там у десантников, в тылу противника? Зелёная ракета- сигнал. После которого отделение оперативно, вертолетом, прибывает и оцепляет пожар. И держит оцепление пока все не сторит к еб@ням. Место выбираем такое, что бы

легко организовать объезд. Местность к югу от дороги понижается, и увидеть сигнал можно километров с тридцати. Вот, там, южнее, пусть десантники и пребывают в неведении, что происходит. А потом докладывают кому угодно, что увидели пожар. А может быть, даже какую — то спецоперацию. Но, насколько я понял, вопросы про эту операцию будут задавать уже вам, Виктор Иванович. Правильно?

Потом еще Сурков, долго и въедливо выяснял подробности о противнике. А список Полянского конечно потряс. Вертолет МИ-8, отделение десантников. три гранатомета и пять выстрелов, два АК-47 и четыре снаряженных магазина. По дороге Чудово-Тихвин я несколько раз ездил в девяностых. И отлично помнил, что она малоиспользуемая, и побитая. Обсудили доставку оружия. В общем, сидели часа три. А потом разбежались. То есть мы с Сурковым поехали ко мне домой и все обговорили. Ни Фреду, ни Полянскому мы план эвакуации сообщать не стали. Просто заявили, что с места скроемся. Ваша задача потом забрать все из схрона. И вот, сейчас мы уходим. Циничный я- грохнул бы исполнителей. С чего мне думать, что простоватый свиду Виктор Иванович, считает по другому? Поэтому и не идем, а бежим. Только заслышав вертолет остановились. Слушая как он, судя по всему, приземлился, я отдал Сереге свой рюкзак. Вырубил палочку. Накинул сумку как рюкзак, подсунув палочку сверху под лямки. И мы снова потрусили. Бежать нам, судя по карте еще километров восемь...

Ночная стоянка рыбаков, на берегу реки Волхов, была оборудована по всем правилам. Когда мы с Сурковым, на жопах, скатились с обрыва на пляж, Иво задумчиво курил, глядя на реку. Обернувшись на шум, он крикнул.

Идея уплыть с места сшибки на лодке, пришла внезапно, и очень нам понравилась. По большому счету, уйти оттуда можно в двух направлениях. Но никак не к реке, через болото. Берег Волхова последнее место, где нас станут искать. С этой мыслью мы и приехали к Ивику вечером в понедельник. И честно сказали, что Бааль. Тут такая история. Мы в одну херню вписались. Нам твоя помощь понадобится. Нужно будет нас увезти с места херни на твоем резиновом недоразумении.

За время, что Иво живет на Фонтанке, квартира приобрела уют, которого там не было ни при мне, ни при Суркове. В квартире вкусно пахло кофе, на стене кухни висела отличная копия Модильяни. Включенная настольная лампа стояла на полу, создавая приятную расслабленность.

— Визы меня лишат? — вздохнув, спросил нас Иво.

— Скорее сразу грохнут — мрачно не стал скрывать Сурков.

— А! Ну тогда конечно, пацаны. О чем речь. Что нужно сделать?

— Это серьезно, Иво — буркнул я.

— Так и я серьезно — повел головой он.

Тем не менее, увидев нас на берегу, потных и с автоматами, он задрал бровь.

— Херня, говорите?

— Пойдем, поможешь- не стал откладывать Сурков. — И шевелись, Дух!

— В жопу, она, сука, килограмм сто весит, блять.

Я чуть не сдох, когда экономной трусцой, бежал за Сурковым по лесу. Мы, что бы не было видно с воды, отошли к кустам, слева от маленькой бухточки, где Иво оборудовал ночевку, открыли сумку, и стали перекидывать из нее в рюкзаки буханки баксов.

— Ох ни хуяш@ньки-пиз@ашеньки! — почти заорал Ивик, когда увидел, что мы делаем.

— Я тут, Дух, на досуге эстонский языку учу. Иво сейчас по эстонски сказал- какая премиленькая неожиданность!

— Давайте шевелится, Сурков. Иво, сворачиваемся.

Мы с Ивой, потащили рюкзаки в "Зодиак". А Сурков, засунув автоматы в черную сумку, пошел вправо по берегу, где он оборудовал этой ночью схрон.

Они вчера, ближе к вечеру, на сурковской Волге с прицепом, на котором был Зодиак, приехали в лодочный кооператив города Кириши. Что расположен тоже на реке Волхов. И, по воде, до него отсюда час ходу.

В лодке стоял пластиковый мешок с рыбой. Здоровенные лещи, сомики, и даже угорь.

— Откуда рыба? — спросил я.

— Часов в шесть утра, подплыл какой то деятель на баркасе. Рыбы, говорит, не купите? Ну а я чо, взял. Четвертак за все. — ответил Иво, закидывая спальники, заливая костер, и отвязывая лодку от валуна, к которому она была привязана. Я уселся в носу, оперевшись спиной о резиновый борт.

— И правильно, Ивик. Мы получаемся, настоящие рыбаки — заявил Сурков, залезая в лодку. — Ну-ка, помоги, Дух. Он открыл рюкзаки с деньгами, и сверху уложил по паре рыбин, что бы было видно.

Лодку отнесло от берега. Стрельнув, затарахтел мотор.

— Капитан! — Сурков уселся на скамейку лицом против хода, к Иво- а инструктаж? Что делать если я окажусь в воде наедине с русалкой?

Я закурил, из-за низких облаков показалось солнце.

— В случае русалки, Сурков, нужно поступать по заветам Антон Палыча! — ответил Иво.

— Кого?! — окуел Сурков.

— Антона Павловича Чехова, урюк неграмотный. Вместе же учили. — заржал Иво — а он взял ту русалку, и начал в меня ейной мордой тыкать. С головы, с головы русалок пользоваться начинают!

— Нужно выпить, — сказал я — сами понимаете, на машине ехать нельзя. А так, запах нужен, по любому.

Надо сказать, что наши разговоры разносились далеко по реке. За шумом двигателя и воды, приходилось напрягать голос. Серега полез в рюкзак Иво, и достал флягу. Отпил, и протянул мне. Пока я делал свои два глотка, то слушал как на всю реку Сурков орет на Иво, что не мог хотя бы простой водки. Нет, бля, кругом понты. Ром, блять!!! Иво взял флягу и отпил. А потом мы увидели, что наперерез нам двигается моторка «Прогресс» с надписью по бортам — «Рыбнадзор». Я подобрал ноги.

— Спокойно пацаны, — сказал Иво, сбрасывая ход — все нормально.

В «Прогрессе» сидели двое. Мужики вокруг сороковника возрастом. Один в морском бушлате, а второй, в какой то фуфайке. Даром что лето. К борту была прислонена тульская вертикалка, двенадцатого калибра. Они хмуро сообщили что рыбинспекторы, и поинтересовались лицензией на лов. Изучив оную, поданную Иво, они подобрали, и пожелали счастливого пути.

Ивик рассказал, что рыбу купил вместе с лицензией. И что, очевидно, рыбнадзор доит городских. Сначала продает им рыбу, а потом еще и штрафует за отсутствие лицензии. Хотя, ту лицензию, предлагают вместе с рыбой.

Так мы дальше и плыли, обсуждая рыбнадзорное коварство. Солнце то пропадало, то опять показывалось. Разошлись с прогулочным пароходиком, с которого нам махала руками праздная публика. И двумя самоходными баржами, с одной из которых в нашу сторону презрительно сплюнул похмельный морской волк.

Миновав сам город Кириши, мы наконец приблизились к лодочному кооперативу, где Сурков и Иво спускали на воду Зодиак, и где оставили Волгу.

— Добро пожаловать, в Кириши, древнейший город на Ленинградской земле! — заявил нам Иво.

— Да ладно, древнейший. — возразил я — у нас вон, Копорская крепость, древнее будет.

— Точно, Иво. Там на крепостной стене копьём нацарапано «Псы-рыцари — говно!», сам видел. — поддержал меня Сурков.

— Чего пристали? На въезде плакат стоит. Я то при чем? Давайте, вытаскивайте лодку, я пойду договорюсь на стоянку. Дня три нам хватит? И шевелитесь, пацаны. Через час электричка на Питер...

Мы не стали проходить в вагон, так и стояли в тамбуре. Судя по лицам пассажиров, им все равно воняло рыбой. Дежурный мент, проходящий поезд из конца в конец, наткнулся на нас как раз в тот момент, когда Иво, перекрикивая стук колес, рассказывал:

— А в Уганде, корабль нашего пароходства покусал сторожевой бегемот!

Мент завистливо принялся к нашему выхлопу, оценил рюкзаки, желтеющие чешуей из под клапанов, и строго сказал:

— Чтоб без нарушений мне! — И грустно пошел дальше.

У дежурной пары ментов, на выходе с платформы Московского вокзала, мы и вовсе интереса не вызвали. Труднее всего оказалось найти транспорт, что отвезет нас на Фонтанку. Почему то, по умолчанию, мы решили ехать туда.

Когда мы вошли в квартиру, первое, что сделал Сурков, после того как помыл руки, это схватил телефон и ушел в гостиную. Иво молча ушел за ним, а потом вернулся со спортивными штанами и футболкой, что протянул мне.

— Только я первый моюсь — заявил он. Я устало кивнул. Снял с холодильника бутылку рому, и плеснул в чашку. Отпил. Иво, тем временем разделся догола, залез в ванну, и задернул шторку. Мы, с Сурковым, до шторки не додумались. Я пошел в прихожую, и достал из рюкзаков рыбу. Два крупных леща. Два приличных сомика. Четыре судака. Очень приличный угорь. Три сига. Пяток крупных окуней. Почесал репу.

— Иво! Жареный сом?

— Пофиг, у меня там колбаса была.

— Нет уж. — Шлепнул сома в мойку, остальное засунул в холодильник.

Оттер от слизи, выпотрошил, порезал на куски. Обвалял в муке с солью. На раскаленную, большую сковороду, вмещалось по два куска. Когда Ивик вылез из ванной, завернувшись в полотенце, уже было готово. Я разделся. Поручил Иво почистить картошки. И залез под душ. Потом мы ждали пока помоеся вернувшийся с телефоном Сурков.

А потом мы, наконец то, налили, и выпили за то, чтоб все было хорошо.

— Дык, теперь то! — сказал Иво- три миллиона триста тысяч долларов! Это ж и на расстрел пойдешь с достоинством.

— Не в деньгах счастье, Ива. Ты убедишься в этом теперь на практике- я закурил.

— Нефик Вику бросать, и будет тебе, Дух, счастье. — влез Сурков.

— Сукров, бля. Мы же просто отдыхаем...

— И вправду, Коль, чо вы там не поделили?

— Да чо там делить! — закрил Сурков — африканские страсти, чудовищные страдания, Отелло из Колупаевки.

— Коль, чисто по жизни замечено — рассудительно сказал Иво — страсть нужно ограничить, задушить, и утопить в женитьбе.

— Слушайте, давайте для начала утопим в роме? А?

Мы вошли в квартиру около трех дня. Пока то, пока се. А потом незатейливо напились. Не очень-то даже и сильно. По крайней мере, опрокинув по глотку рома, и, слегка утолив голод, додумались позвонить Фреду. То есть, сначала Иво позвонил портовому диспетчеру, и выяснил, что из Шлиссельбурга, на Швецию, Волго-Балты и ближайшие дни не идут. Иво закручинился. Еще в электричке, мы сказали ему, что знаем, как в Хельсинки можно припрятать деньги. Но теперь было неясно. Что делать, пацаны? Два мешка денег в обычной квартире — это черезчур. Неохота случайно спалиться, когда праздник на пороге.

Я взглянул на Суркова. Серега кивнул. Ну и, набрал Фреда. Того, ясно дело, дома не было. Игорь сказал, что раньше полуночи, он не ожидается. Я рассказал, что у нас здесь ценный, но крайне деликатный груз, который нужно Фреду передать. Очень не хочется хранить у себя. Когда Игорь поинтересовался характером груза, я напомнил ему, как он уходил из моего дома с сумкой. Он похмыкал, и сказал, что будет через час.

Мне понравилось, как это сейчас устроено. Когда в дверь раздался звонок, я ожидал Игоря с мордоворотом. Оказался один Игорь, что попросил меня помочь донести рюкзак до машины. У машины стоял мент в форме. Капитан. Вежливо со мной поздоровался, и открыл багажник. Я свалил туда рюкзак, Ан бросил второй, и поморщился.

— Запах, Коля, конечно знатный.

— А кому легко, Игореша?

— Вы не пропадите. Андрей с вами переговорить хотел.

Поднимаясь обратно в квартиру, я ухмылялся. Я то думал, что Фред получил какой пропуск — вездеход. Ради которого и дружит с прокуратурой. А оно вон как. Живой мент. Дешево и сердито. И никто не тронет. Хотя, может у Фреда и есть какая ксива. Нужно будет поинтересоваться.

На кухне, тем временем, Сурков рассказывал Иво, что у того теперь нет выхода. Тебе нужно строить дом. Я, Ива, узнавал спецом. Рядом с моим, есть участок. Вот как на тебя шили. Надо сказать что Иво, избравший путь торгового моряка, очевидно расстраивался тому, что мы что то там промышляем. А его, благоразумно держим в стороне. Ему было и обидно, и досадно, что не мог помочь друзьям. Но теперь он нам помог. И пребывал в прострации. Третью, из тридцати трёх килограмм долларов — его. Так мы заявили ему не сговариваясь. А теперь Сурков приучал его к мысли, что он богат. Но я решил, что рано. И перевёл разговор на Ивкину подружку. Что почти ко всеобщему изумлению появилась у него в Днепропетровске.

Иво, легко рассказал. Что, как то раз позвонил ей. Ну а че? Девчонка классная. Дай думаю, узнаю, как там у нее дела? Болтали пол ночи. Потом еще звонил. А потом решил слетать, посмотреть, что там за Днепропетровск такой? Не Питер, конечно. Но, Духа туда пускать нельзя. Там архитектурную убогость телками украшают. Куда не глянешь- одна другой краше. Слетал несколько раз, и, чувствую, жаль улетать.

— Вот так, Дух, Россия и захватывала земли издревле. Пытала, насилвала, а тех кто не был согласен просто убивала, ну как просто, не очень просто — улыбнулся и закурил Сурков — Пацанам говорят — там клевые бабы, ебите кого споймате! Пацаны едут, и остаются. А всяким монголо-татарам объясняют, что здесь — подданные русского царя, а нах@й-это туда.

— Да — чиста, ебля, Ключевский, Сурков!

— Ну, я ей и сказал, — продолжил Иво — перебирайся в Питер. Где жить, у тебя будет, не общага какая.

— Я все понял, пацаны. Это эманации дикобразов так действуют на мужчин. Они теряют волю и бегут жениться.

— Каких дикобразов?

— Ты что, Ив, не помнишь? Здесь жил дикобраз, что ты оставлял на передержку. Весь наш поток здесь тусовался, все первые красавицы!

— Точно! — почесал репу Ивик — А я-то, не могу понять, откуда они все так хорошо знают, где что здесь лежит!

— Так!!! — возбудился Сурков- Ну ка, Ивик, смотреть в глаза!! Быстро, поименный список этих посетительниц! Будем раком ставить!

— Я воспитанный человек. И не могу компрометировать дам! Даже под пытками, только если сами захотят отсосать там или еще чего.

— И это, можно будет устроить — произнес я.

Дальше трёп шёл ни о чем. Меня наконец отпустило. Я был очень благодарен Суркову, что он не умчался трахать жену, а остался с нами. Мы с Иво, хоть и по разным причинам, крепко стрессовали. И Серега взял на себя всю нашу хандру.

Для начала, он заявил, что рыба- это для слабаков. А он хочет мяса. И полез в холодильник. С большим

чувством процитировал кого то из русских классиков:

— «Что делать, если к вам пришли гости, а в доме нет продуктов? Пошлите кухарку в погреб, пускай она нарежет холодной буженины, лососины, добавит мочёную клюкву, посыплет свежей зеленью и подаст на стол. Разливая домашней наливочки, извинитесь перед гостями.»

После оживленного переругивания, мы все же поехали на Некрасовский рынок. И это — после моего десятикилометрового броска, с тридцатикилограммовой сумкой за спиной, и автоматом на груди. Я то хотел прикорнуть в уголке. Но нет. Мы вышли из дома. Выбросили в соседнем квартале в мусор одежду, в которой бегали по лесу. Поймали частника, и поехали.

На рынке мы слонялись почти час. Сначала покупали всякие овощи, потом Сурков выделялся с мясом. Потом практически соблазнил продавщицу цветов. Пришлось его уводить.

— Сурков, хочу напомнить, что ты человек женатый.

— Гнусная лож, это жена пытается меня опорочить!

На выходе из здания мы столкнулись с Эдиком Петровым. Нашим приятелем-боксером, что недавно чуть не угодил за решетку.

— Привет, пацаны! — обрадовался он нам — Иво, ты что, деревенских на выгул привел?

Надо сказать, что я, в трикотажных штанах, футболке фабрики «Рассвет», и вьетнамках на босу ногу, тянул максимум на принарядившегося завсегдатая пивного ларька, где то на Гражданке. А пижон Сурков, в полном затрапезе, и вовсе выглядел загулявшим трактористом. Тем не менее, потрепались за жизнь. И только потом вернулись к Иво домой. Сурков сказал, что поход на рынок был не просто так. А что бы выветрился весь этот ром. И можно было уже нормально выпить водки. Дух, давай, нажарь стейков, картошка уже есть. Иво, займись овощами, помидоры чудо как хороши. Я было заартачился. Что поспал бы. Но Серега был неумолим:

— Дух, соверши наконец хоть один хороший поступок! Не понравится — больше не будешь. А пока- жарь давай.

Сурков прав. Чего там жарить. К тому моменту, как я разложил стейки по тарелкам, стол был накрыт. А парни ругались что смотреть по видео. Победил, конечно же, Сурков. И мы включили "Украшение строптивного" А потом уже чокнулись, выпили и принялись за еду.

Я съел немного, откинулся и закурил. Положил сигарету в пепельницу, и заснул прямо на стуле. Услышал только, засыпая, как Сурков говорит:

— Эх, был бы у меня такой Челентано, я бы и не женился.

Ответ уже не услышал...

Я проснулся от того, что меня дергали за ногу. Перевернулся на спину, и сориентировался. Я в квартире Иво, на разложенном диване в гостиной. Одетый. За ногу меня тянул Фред. Сейчас трясет за ногу Суркова. Тот спал рядом. Правда, раздетый и под одеялом. Потянулся, и прислушался к себе. Вчерашней чернушной тоски, и желания все крушить — как не было. Видимо, Серега сознательно довел меня до состояния обморока. Он, пока я размышлял, вполне успешно отбивался от Фреда, который твердо решил его разбудить.

— Подъем Сурков, даже Дух уже проснулся!

— Дух, — проворчал Серега — ты свидетель, он пытается изнасиловать покойника.

— Вставайте, у вас и так скользкая репутация, а тут — на одном диване.

— Не сработает, Фред. Я выше всех наветов. Попробуй, что ни будь другое. — Сурков натянул одеяло на голову.

— Вставай давай! Здесь дышать нечем! Объясните, почему я зашел — а тут отвратительно пахнет?

— Ты сам все объяснил, Фред. До тебя запаха не было. — я сел на кровати.

В дверях появился Иво.

— Пацаны, там кофе готов.

— Вот, Фред! — Сурков сел. — запомни это древнее заклинание!

Я вышел на кухню последним. Судя по всему, Иво встал давно. Кухня сияла чистотой, ничем не намекая на вчерашний загул. Магнитола крутила Синатру. Снова пахло хорошим табаком, и кофе. Я пошел к окну, налил себе кофе, и уселся за стол.

— Доброе утро! То есть, уже день. — ухмыльнулся Фред.

— Звучит как издевательство. — проворчал Сурков.

Он с Иво, я так понимаю, вчера надолго засиделись.

— Ладно, — уже другим тоном заговорил Андрюха — средства, что вы передали, три триста, доставят в течение недели. Я позвоню. Условия вы знаете. А сейчас, поехали. Дел неспорно. Договоримся, только, посидеть как ни будь. А то мне завидно.

— Дык, это жизнь, Фред. — сказал я допив, вставая- одним дегустация свежей рыбы, а другим завидно.

— Хорошо что вспомнил, — вскочил Ивик- вы, парни забирайте этот, бля, улов. А то холодильник уже попахивает.

И он выдал нам по пакету с рыбой. Фред озадачено изучил содержимое пакетов.

— Это что?

— Это, Фред, редкая рыба добытая путем браконьерства. В природе практически и не встречается. Чувствуешь запах? И только попробуй выбросить! Ты мне тогда не друг.

— Иво, — сказал Сурков, — дай джинсы какие, и футболку нормальную. Да и кроссы. Не хочу жене в этом показываться.

— Джинсовые шорты сойдут?

— И ты их прятал?! Я, второй день, как беглый крестьянин...

— Кончай, Сурков. Снимай штаны — Иво вышел из кухни.

— Ивик! Противный! Я думал, ты никогда этого не скажешь...

Садясь в Жигули, Андрюха потребовал, что бы мы положили рыбу в багажник. Я-то думаю, чего деньги рыбой воняют? Конспираторы хреновы. Я уселся на заднее сиденье.

— Значит так, парни — Фред тронулся, почти сразу вырулив на Фонтанку и повернув налево, к Аничкову Мосту — по вчерашней акции, все нормально.

— За исключением того, Фред, что сопровождение было на двух тачках и в пять стволов. — буркнул Сурков, и повернулся ко мне — Прости, Коль. Ты был почти на линии огня, мне их трудно доставать было.

— Мы многого не знали — кивнул Фред — в частности, все пятеро сопровождающих — штатные сотрудники Кизил- Арватского УВД.

Я присвистнул. Это многое объясняет. То-то он, через всю страну, влежку просквозил.

— Что с последствиями для нас? — практично поинтересовался Сурков.

— Никаких. — фыркнул Фред — официальная версия — дорожный конфликт. Вы же в курсе. В прошлом году, в тех местах, конвой с деньгами ограбила банда местных уголовников. Большинство из них взяли с поличным. А трое, вооруженные автоматическим оружием, скрылись. Их объявили в розыск, и все что положено. А вчера эти трое напали на бензовоз. Водитель бензовоза промышлял левыми поставками, и вез в кабине крупную сумму наличными. В результате нападения случился пожар, где погибли нападающие, двое в бензовозе, и двое на вишневой шестерке, врезавшейся в бензовоз случайно.

— Да кто поверит, Фред? Натянули сову на глобус. Натуральнее ничего не могли придумать?

— Что бы ты, Дух понимал! В связи с большой значимостью дела, и с тем, что работали пожарные из Киришей, его ведет Ленинградская Прокуратура. И оно на контроле у Союзной Прокуратуры. Создана оперативная группа ГУВД города, которую возглавляет легенда питерского розыска- майор Смирнов. И лично контролирует начальник розыска Горошко.

Сурков оглушительно заржал. Я тоже не выдержал и фыркнул.

— Что бы вам стало совсем смешно, старший лейтенант Юрий Юсупов, командир разведроты псковской дивизии ВДВ, за смелость и решительность, проявленные при ликвидации последствий крупного пожара на границе областей, будет представлен к награде медалью «За Отвагу при Пожаре». Там еще десантникам благодарности, и повышения званий.

Тут уж засмеялся и я.

— Трупы, в областном морге, этой ночью поменяли. С так называемыми не востребованными. Теми, что за сроком, назначены на погребение. Как раз сейчас их хоронят.

— Да ты крупно работаешь, Фред! Так все подготовить, за три дня.

— Это Полянский. Я так, на подхвате. Товарищ Юсимов, был намерен бежать в Иран. Но, в связи со свертыванием операции, и розыском, вынужден был искать другие пути. И тут, ему, можно сказать, повезло. Полевой командир, под Гератом, которому должны были уйти деньги, что вы передали мне, погиб. Так у Юсимова появились деньги, которые он собирался заплатить за то, что вывезут из страны не только его, но и груз. И он решил попробовать.

— Ха! Погиб полевой командир? — Сурков тоже закурил — Обросов в Афгане, говоришь?

— А вот не нужно быть умным, когда не просят, Сурков — вызверился на него Фред. — я и так вам лишнее говорю. Кстати, что с автоматами?

— Вот карта- Серега полез в задний карман шорт. Гляди ко ты. Сохранил — в двустах метрах на восток от нашей стоянки, что помечена на карте. Под сосной с такой вот, двойной отметкой.

Сурков перевернул лист карты, на обратной стороне нарисована отметка.

— Схрон в песке. Стандартным саперным щупом легко обнаруживается. Там оба автомата. Ракетница, с двумя выстрелами. Два бинокля. Четыре магазина. Два полных. В моем — два патрона осталось. А у тебя, Дух?

— Пустой.

— Ну да, тыж стрелять не умеешь. И, Фред. Черепица должна быть красной. Будешь присылать образцы, мы с женой выберем. По всякому освещению — я жду каталогов. Мы выберем. В общем, занимайся, но не тяни. Я нервничаю.

— Дух, ну как же так вышло, что он в болоте не утоп? — с тоской спросил Фред. — а ты, Коля, что попросишь?

— Следующую встречу в новом году?

— Ты, Душина, не кочевряжься. Он тогда ко мне будет приходить. А я человек занятой. Это ты никому не нужен.

— Мне легче. — заявил Фред — вы друг друга поубиваете, а отделаюсь красивым венком. С надписью «Трагически скорблю».

— Я тебя огорчу, Фред. Пока он дом не построит, путь живет.

— Вот что значит настоящая дружба, Фред- засмеялся Сурков, хлопнув нам по ладоням, и вылезая из машины. — Созвонимся.

Мы за разговором, приехали к сурковскому дому. Я опустил стекло:

— Ирке привет передавай.

— И от меня — заорал Фред трогаясь.

Немного проехав, мы свернули с набережной у Медного Всадника.

— Тут такая история, Коль, — сказал Фред, и я напрягся- нет — нет, не нервничай. Мне просто подумать, да и ты, вдруг что посоветуешь. Короче, мы расспросили мужика, что готовил здесь переход.

— Слушай, а что ГБ? Как он им на глаза не попался?

— Да он к порту и не приближался. У них с Пьянковым был хороший друг на таможне. Он сейчас его прижал, и потребовал помощи. А тот, при чинах. Гэбуха, она же, по агентуре ситуацию шерстит. А тут никаких левых контактов!

— Так просто?

— Ха. Если бы. В общем слушай. Параллельно со всей своей деятельностью, товарищ Пьянков и еще куча народу, работающего в органах власти Туркмении — участники мусульманского подполья. И не простого, а радикального. Планирующего отделение от Союза. И менты, что вы перебили- тоже. И чин в таможне — тоже мусульманин, и член этого подполья.

— Прелестно! А заколосилось это подполье на бабки, что Пьянков воровал в процессе операции, так?

— Скорее всего.

— Ну и от меня чего ты хочешь?

— Понимаешь, такого рода информацию, нужно сливать ГБ. Но я уверен, что Комиссия этого делать не станет. Ну, ты понимаешь. Оставлять это — тоже не дело. Эдак и вправду если не отделятся, то крови прольют.

— Ты же говорил, что с новым, этим Ниязовым, будешь встречаться. Расскажи ему.

— А если и он?

— Вот и выясни. Если там еще прокуратура работает, то я не думаю, что это трудно.

— Может быть. — мы остановились у Казанского Собора. — сам видишь, Коль, есть над чем подумать. Ладно. Пока. И, Андреев. Не делай вид, что ты не слушаешь автоответчик. А то я звонить перестану, буду курьером присылать.

Я засмеялся и вылез из машины. Фред уехал, а я закурил, и глянул на часы. Без пяти два. Это мы хорошо поспали. Сейчас приду домой и в душ.

Да только тут же сбился с бодрого и радостного шага. Прислонившись к ограждению канала, глядя в противоположную сторону от Невского, стояла Вика. Я подошел к ней. Она повернулась ко мне. И посмотрела в глаза.

— Я украла у тебя из дома твою фляжку с коньяком. И почти весь выпила. — она помолчала. — мои родители требуют, что бы я с тобой порвала. А папа говорит, что ты связался с уголовниками и бандитами.

Она не опускала глаза и продолжала смотреть. Я вздохнул:

— Меня бесит, что ты не моешь посуду. — ее взгляд начал темнеть- мы с Сурковым, прошлым летом, нашли и сперли тайник умершего три года назад цеховика. Там были огромные деньги в рублях и валюте.

Она подошла близко — близко, и обняла за пояс и прижалась.

— От тебя рыбой воняет.

— Это еще не все.

Она испугано подняла взгляд мне в лицо.

— Ты теперь живешь со мной. И никак иначе.

Совместная жизнь, сначала, было незаладилась. Часа через два после того, как мы пришли домой, в дверь позвонили. Бедная Викуня пулей вылетела из постели, и принялась лихорадочно одеваться. Причитая, что это родители ее выследили. Я прекратил панику. Протянул ей свою рубашку, и сказал, что вот одетую, ее точно скрутят и увезут. А так есть шанс. Мне не очень верилось, что под дверью гневные мать и отец. Но мало ли, поэтому я взял ее за руку, и пошел открывать.

Я был прав, это не за ней. За дверью стоял Игорь Ан. Проворчав, что пора уж телефон включить, он протянул мне пакет с рыбой. Повернулся и ушел. Виктория очень умело сделала вид, что просто мимо проходила, и скрылась на кухне. Куда я и принес добычу.

Вывалив рыбу в мойку, я принял позу «роденовский мыслитель стоя». Нужно готовить, заявил я Вике. Жалко будет, если испортится. Она с энтузиазмом согласилась. И даже взялась было помогать. Но без души. Мысли ее были не здесь. И я сказал, что не верю, что ее предки приедут сюда. Так что волноваться не о чем. Она сидела и злобно сопела в кресле. А потом решительно заявила, что позвонит родителям. Только, Коль, не подслушивать, ладно? Взяла трубку и ушла в гостиную. Я хмыкнул. Я бы и подслушал, да раскаленная сковорода не позволяла все бросить.

Вернулась спустя минут десять. По прежнему недовольная, но поспокойней.

— Давай в субботу к ним на дачу съездим?

— Конечно, Вик.

— Мама говорит, что ты подозрительный тип.

— Это имидж. Иначе на меня девушки внимания не обращают.

— Нет, Коль, скажи. Вот чем ты все время занят?

— Хм. Ну, считай.

— Считай?!

— Ну да. Во-первых я студент нашего института. Получаю стипендию. Заседаю на кафедре ...

— Раз.

— Во-вторых, я сторож по разводу мостов, на полставки. Не бог весть, но все же...

— Два.

— В третьих, я, и Сурков, работаем вместо Фреда дворниками. Ему самурайский кодекс не позволяет руки пачкать. Там по-разному выходит. Но не меньше чем за мосты.

— Скажите пожалуйста...

— В- четвертых, я, на сдельных условиях, работаю с ПО «Ленинец». В последний раз заработал почти пять тысяч. В — пятых...

— Еще и в пятых?!

— И в шестых будет, не сбивай меня. Я, с товарищем по старой учебе, и специалистами- атомщиками разрабатываем универсальный спектрометр, для оценки интенсивности и типа радиационных облучений. Ну, я тебе говорил, вообще то. Даже если они последние жлобы, тысячи три, внедренческих, я получу. А скорее всего десять — пятнадцать.

— Ты же сказал, что у тебя дафига денег?!

— И что, бездельничать? Поэтому, в-шестых. Я, когда был за бугром, переговорил там, с разной публикой. И они сучат ногами, и требуют этот прибор. И я пробую выяснить не только про производство, но и экспорт этого всего.

— Ага! Ты поэтому с нами на кафедре работаешь? Что бы ещё выезд получить? А я то...

— Ты правильно думаешь. Если бы тебя там не было, фиг бы меня там видели. Но не сбивай! В- седьмых, я недавно договорился с военными. Они хотят, что бы наша группа, что работает с «Ленинцем», делала предварительные обследования действующей радиолокации. На аэродромах двойного подчинения.

— Надо же...

— Но главное, Виктория, у меня девушка, от которой я без ума! И всей этой фигней я занят только когда без нее.

— Кооооль.... — она подошла и прижалась всем телом- и это все один человек?

— Я Вик, мог бы и больше. Но ты испачкала мою любимую рубашку. В муке, Вика. И будешь строго наказана...

В общем, я утащил ее в ванную. Пока я жарил рыбу, мы оба перепачкались в муке...

Нам очень повезло, что в ванной нашлась моя чистая футболка для Вики. Потому что когда мы, минут через тридцать оттуда вышли, с целью восстановить силы свежей жарехой, на кухне был Сурков. Деловито накладывал

себе рыбу на тарелку.

— А вы что здесь делаете? — поинтересовался он.

— Нет, это ты что здесь делаешь? — оторопела Вика.

— Я первый спросил.

— Дело в том, Сурков, что завтра у нас с Викторией финальное заседание кафедры, и мы готовимся! —

пришлось пояснить мне.

— В ванной?

— А где же еще?! — возмутился я.

— Хорошо, что мы одетые... — пробурчала Вика, а потом с подозрением уставилась на Суркова-Серёжа! Ты

тут, вот так, не первый раз подъедаешься?

— Вика, богом клянусь, вот так, без приглашения, я сюда только изредка, когда телефон не отвечает...

— Коля?! Почему Сурков слоняется здесь как у себя дома?

— Вика, прости, но тебя никогда нет рядом. Ты, Виктория — то на кафедре, то со мной поссоришься... вот мы с Сережей и...

— Не переживай, милый — проникновенно сказал мне Сурков — все наладится...

В процессе этого трепа мы уселись за стол, я достал початую бутылку хаанчары, налил, Вике и себе. Сурков отказался. После пронзительного Сурковского признания, Виктория поперхнулась. Пришлось стучать ее по спине, но она потом еще пару минут хохотала так, что было слышно на улице.

— Я чего пришел, Дух. — сказал Сурков выдавливая лимон на сомовый стейк — Дай тачку, мне по делам тут нужно. А завтра, давай в Кириши, за моей «Волгой» сгоняем, после этого вашего заседания?

— Нет, Сурков. В смысле, тачку то бери. Но завтра, после заседания кафедры, у нас запланирован налет на квартиру Лишовых. С выносом награбленного.

— А смысл?

— Нуууу, Сурков. Что бы заявление девушки "мне нечего носить", было искренним, нужен крупный шкаф, забитый шмотками. Иначе это лицемерие.

— Ну, давай в субботу.

— Не, у нас с Викой визит к ее родителям, под Всеволожск.

Сергеа, осознав, что в эту пердь ему придется ехать на электричке, и в одиночку, с минуту оторопело смотрел на Вику. Она показала ему язык.

— Викунь, у меня к тебе важный вопрос. — печально произнес он — Скажи, когда ты родилась, ну, то есть, когда дьявол взял частичку Всемирного Зла, и назвал его Вика, он хотя бы обнял тебя, так, по-отечески, прежде чем отправить на Землю, сеять ужас и раздоры?

— Ничего подобного, Сережа! — промурлыкала Вика — я всего лишь сдала свои белые крылья. Апостолы, и Отец Наш Небесный, плакали, и просили остаться. А я сказала, что нельзя Андрееву без присмотра. Того и гляди устроишься дворником на полную ставку.

— Вот так значит? — скептически посмотрел на неё Серега, по простому откусывая кусок от стейка. И продолжив уже с набитым ртом. — но, Вика, где ты видела ангелов в футболке?

— А где ты видел ангелов без футболки?

Сурков, с набитым ртом, отчётливо затрясся, сдерживая ржание. Я тоже приложил титанические усилия что бы не заржать в голос.

— Сурков, у тебя трясутся руки, тебе не вкусно? — заботливо поинтересовалась Викуня.

— Это не имеет отношение к еде, просто я так устроен. — прожевал Серега.

— Коля, ты тоже трясешься!

— Это все из за того, что Сурков так устроен.

Они персмеивались, а я думал, что с Сурковым мне в жизни повезло. Такого друга поискать. Редкий человек, на которого можно положиться, не опасаясь неожиданностей. А ещё, он из той удивительной породы людей, которых я для себя называю «А хули нет?».

Россия переполнена сакральным «На хер». От приказа — направления, до унылого вопроса. Ты такой — давай устроим каку ни будь фигню! Не догоним, так согреемся. А тебе в ответ — «А на хера?».

Ты Дух, какой то мутный, все время тебе чего то нужно. Глянь вокруг, и так все отлично. Ну его на хер.

А Сурков — тот, кто на мое предложение всегда отвечал «А хули нет?».

Давай рискнем. От нас не убудет. Может, повеселим всевышнего. Он там заскучал, похоже...

В общем, сожрав большую часть рыбы, Сурков забрал ключи и документы на авто, и отбыл.

Хитрая Лишова, увидев, что я собираю тарелки в мойку, вспомнила, что тезисы ее завтешнего выступления на кафедре остались на даче! Теперь придется по новой писать! С криками отстань, надавала по рукам, и скрылась в кабинете. Я не сильно расстроился. Хотя, конечно, решил как ни будь припахать Викторию, на мойке кастрюль.

Убравшись на кухне и налив кофе, я закурил, и задумался. Посетивша меня идея, со всех сторон мне понравилась.

Решил, что не использовать Фреда — это неправильно. Ну и, позвонил. Снял Игорь. Я сообщил ему цель звонка, и по пунктам перечислил, что мне нужно от Андрея Сергеевича. Тщательно все записав, Игорь заявил, что вот тут, как раз Фред вошел, можешь ему все рассказать, что бы не играть в испорченный телефон.

Потом мы мило поговорили с самим Андрюхой. Он пытался отбрехаться, но узнав, что с той стороны будет официальное приглашение, задумался. Пообещал перезвонить. А я, по срочному, заказал Хельсинки. Переговорил с милейшей Ксенией Андреевной. Потрепался о ерунде, попросив всем передать приветы. Оскару, Айне, Аните, и Лигите. Даже если у Фреда не выйдет, то попробуем в обход, подумал я. А тут появилась Виктория, заинтригованная моим отсутствием. Строго спросила, как же я вижу нашу дальнейшую жизнь? Я усадил ее себе на колени и заявил, что ближайшая перспектива, лет на сорок — очевидна и понятна. А вот потом — сплошная неясность:

— Совершенно не продуман вопрос чем мы, Виктория, будем заниматься всю нашу долгую старость? Нет, само-собой, сделаем себе татуировки — "я старенький, мне все можно". Ну, покрасим тебя в фиолет. А мне хаер зеленый наклеим на лысину. А дальше что? Вика задумалась.

— Я планирую лапать юношей, переводящих меня через дорогу, — решила она подумав.

— А я тогда жалобы строчить в ЖЭК. На инопланетян. И мотоциклистам клюку в колеса совать — обрадовался я.

— Презервативы с балкона швырять!

— С анализами, — дополнил я. Вика прижалась, укусила за ухо, и мечтательно произнесла:

— Ну когда же, когда же пенсия?!

Я понимал, что барышня в стрессе. Поэтому весь вечер ее веселил. Мы смеялись, смотрели кино, и сплетничали про знакомых. Обсуждали планы на август, и искрометно ругались. Потому что у меня были свои виды на конец лета и начало осени. И я хотел сделать это сюрпризом. Где то в девять вечера отзвонился Фред.

— Я знал, Дух, что с тобой все не просто! Но к чему усложнять мне жизнь?

Оказывается, в Обком уже позвонили из Консульства. А завтра утром будет письмо. Пришлось долго оправдываться. Но Фред сказал что это он из зависти, ты, Колян, здорово все спланировал. Теперь можете собираться. Я, теперь, точно смогу все устроить. Тогда я обнаглел, и попросил организовать завтра, реальный звонок в институт. А я, перед этим, позвоню Игорю. Фред долго смеялся и обвинял меня в том, что я понтырщик...

Уже совсем поздней ночью я лежал в постели, и маялся бессонницей, слушая рядом тихое Викино дыхание. Не мог заснуть. Размышлял, что так оно и выходит. Еще совсем недавно, спроси меня всевышний, чего же ты, Коля, хочешь? И мой внутренний обормот мгновенно бы заорал — Носорога!!! Чтоб пер на меня! А мне ствол в руки. С подходящими патронами!!!. А сейчас, услышав этот вопрос, мой внутренний засранец не оставит обормоту ни одного шанса. Просто мгновенно выпалит — лежать рядом, слушать дыхание, смотреть, молчать...

После утренней пробежки я был безжалостен. Вытряхнул Вику из постели, и утащил в ванную. На ее искреннее возмущение, заявил, что так и выглядит совместная жизнь. Просыпаться рано, и ждать указаний. Она пыталась меня загрызть, но обошлось. И мы, незадолго до заседания кафедры, направились к метро. У нас неотложное дело, Вика! Нет, подождать не может!

Станция метро «Невский Проспект» — одна из самых глубоких в городе. Да и в мире. Хотя, «Финляндский Вокзал» — поглубже будет. Я ступил на эскалатор, и, развернувшись, оказался с Викой глаза в глаза. Корректные ленинградцы, не обращали на нас никакого внимания.

— Вика. Выходи за меня? Я сделаю все, что бы ты никогда об этом не жалела.

Глаза ее вспыхнули и все лицо вдруг стало ярким и завораживающим.

— А если я откажусь? — я видел, что она просто вредничает.

— Мы, внизу, сойдем с эскалатора, поднимемся обратно наверх, снова поедem вниз, и я сделаю еще одну попытку. И так, пока не согласишься.

Так и продолжая сиять глазами, она меня обняла, и сладко поцеловала. А потом очень серьезно сказала:

— Коля! Ты иногда меня злишь сильнее, чем это вообще возможно в принципе. Но даже тогда я хочу быть с тобой, и не вздумай смеяться.

Мы целовались как впервые, и совсем обо всем забыли. Пока мужик, что стоял на эскалаторе за нами, не похлопал меня по плечу.

— Ребята, осторожней сходите. И, поздравляю.

Подслушивал что ли? Но мы с Викой засмеялись, и, взявшись за руки, обошли будку Главной Тетки Эскалатора, и поехали вверх...

В связи летним, хоть и пасмурным, днем, на кафедре не многолюдно. Мы пришли с Викой прямо из метро. Глядя на нас, Проничева и Овчинникова засмеялись.

— В нашем институте, Лена, чего только не услышишь! — обронила Проничева. Надо полагать, наше с Викой

расставание, оживленно обсуждается в массах. Но обсудить вопрос не вышло.

Пришел завкафедрой, еще какие то смутно знакомые препода. После этого, больше часа, шло обсуждение нашей нетленки. Она уже поставлена в публикацию, но давайте уточним. Если коротко, нас хвалили. Но просили обратить внимание на следующее — и, список уточнений. Долго ли, коротко ли, но все закончилось. Выступили девчонки. Высказался я. Подытожила Проничева. Поручив не посрамить, руководство скрылось. И мы остались вчетвером.

— Хочу вас обрадовать, ребята. — заговорила Проничева — после доклада в Москве, мы, скорее всего сможем претендовать на поездку во Францию. По линии молодежных контактов.

— Наталья Олеговна! — начал я свой выпендрон — я правильно понял, что весь наш титанический труд был ради этой ерунды?!

— Андреев! — опешила Проничева — две недели во Франции для тебя ерунда?!

— Если бы я знал, о чем речь, мы бы уже давно были в Париже, а не чахли над толмудами!

— Коля! — тоном, не предвещающим ничего хорошего — ты считаешь, протолкнуть эту идею было просто?

— Нужно было, Наталья Олеговна, просто сказать- Андреев, хотим во Францию.

— И сразу поедем?

— Ну, мне нужно будет позвонить кое-куда. Документы опять же. Но, через пару недель уже бы уехали. А теперь ждать первого августа, выступать...

— Будь уже серьезнее, Коля. Эти твои фантазии...

— Знаете, Наталья Олеговна, вот именно в этом, отчетливо видна разница между мужским и женским подходом к решению вопросов.

— Хочешь сказать, что нужно просто захотеть?

— Да, Наталья Олеговна, ровно это я и хочу сказать. Без сложных интриг, помывкания коллективом, и не подставляя меня под удар. Никаких многоходовок. Вам просто нужно сказать. Андреев, нам хочется в Сорбонну. И все. Ну вещи собрать еще. Остальное я решу. Итак, в Париж едем?

Проничева засмеялась.

— Вот значит как ты ставишь вопрос! Я не очень тебя хорошо знаю, Коля, но ты иногда бываешь... — она запнулась пытаясь сформулировать.

— Наглый жлоб- мрачно сказала Вика, делающая вид что она не со мной.

— О! Оказывается, я тебя все таки знаю, Коля! Спасибо, Вика.

— Опять пошли увертки! Дамы! В Сорбонну едем?! Нужно просто ответить — да.

— Конечно! — пискнула Ленка. Я снял трубку и набрал номер. Ответил Игорь. Но дамы же этого не знают.

— Обком? Доложите Александру Фомичу состав группы из финэка, на Сорбонну, в августе — сентябре Записывайте. Проничева. Да. Наталья Олеговна. Старшая группы. Лишова. Овчинникова. Андреев. Да, факультет финансов. И кафедра экономики. Хорошо. Ждем.

Опустив трубку, я наткнулся на взгляд Проничевой. Если не выйдет, то я попал. Сживет со свету.

— Александр Фомич, это Беляев? — спросила она.

— Совершенно верно — любезно ответил я — ответсек обкома по идеологии. Хочет отправить с визитом дружбы нас в Париж. То есть...

За столом секретаря кафедры зазвонил телефон. Все слегка оцепенело посмотрели на него, а потом на меня. Телефон умолк.

— Зря не сняли. Наверняка обком — произнес я как бе в воздух.

— Коля, прекращай паясничать- устало вздохнула Проничева.

— И ведь такая рожа самоуверенная, Наталья Олеговна, что я почти поверила! — пробурчала Вика. Открылась дверь и показалась девушка Маша Федорова, секретарь деканата.

— Как хорошо что вы еще не ушли! — воскликнула она — Наталья Олеговна! Звонили из обкома просили позвонить товарищу Беляеву. По поводу поездки во Францию. Просили, как можно быстрее, что бы подготовить вопрос к бюро обкома. Проничева в упор посмотрела мне в глаза:

— Я даже не буду спрашивать — как. Я спрошу- зачем, Коля?

— Есть куча мелких причин. И одна важнейшая.

— И какая это?

— У Виктории семнадцатого августа день рождения. Я хочу что бы она в это день ехала со мной, в красном кабриолете по Ля Мойен Корниш, что на Кот де Азур.

— Всего лишь?

— Ну... как бы потом, у нас с ней не сложилось... этого уже никто не отменит.

— Я даже представить не могу, что же ты считаешь ерундой, Коля.

— Это очевидно. Нам всем — пятерка по кредитным операциям. Автоматом.

— Девочки, конечно, заслужили, и уже имеют свои пятерки. А вот ты, Коля, вызываешь у меня сомнения.

— Гм. А если мы с Викой возьмем вас, с нами, в кабриолет?

— Можешь идти, Андреев.

— Только позвоните в обком. На коммутаторе скажите, чтоб соединили с Беляевым. Он ждет. Вы уж не откладываете.

— Скройся с глаз моих!

Выходя на набережную канала, Вика с любопытством спросила:

— Ты это давно задумал?

— Вот если бы некоторые скандалистки не бросали своих парней, перед их отъездом за рубеж, ты бы все знала!

И я рассказал ей, что выезжал зимой, что бы разместить в заграниче средства, что мы добыли с Сурковым. И, на часть этих средств, планировал устроить студенческий обмен. Когда человек пятнадцать, из нашего института, выезжают во Францию, а дюжина сорбонцев учится у нас.

— Если бы ты, Виктория, не кочевряжилась, уже была бы в Париже. Но нет. Пришлось вернуться, и придумать новый способ! И благодаря бога, что план вывезти тебя и Приходько в горбах, мы сочли неизящным.

Она прижалась к плечу:

— Мы же пройдемся по магазинам?

— Пхе. Я вам, Виктория, официально заявляю, что мы слетаем на пару дней в Милан. С целью закупки одежды и обуви.

— А в Сорбонне, что мы будем делать?

— Читать лекции. То есть ассистировать Проничевой. А ей — достаточно будет рассказать свой режим дня, и тему своей кандидатской, и грандиозный успех обеспечен.

— А Ирка с Сережей?

— Все продумано! Они поедут позже, и с бэбиком. Вся Франция будет рыдать от умиления. И вообще, посмотрим, может останемся там, на пару семестров. А там и они подтянутся...

Собираясь перетаскивать Викины вещи к себе домой, я подготовился. У ее дома нас ждало такси, что мы загрузим барахлом. Я думал, что нас ждут нудные сборы, с вздрагиванием от каждого шороха. Но все вещи, оказались аккуратно собраны! Чемоданы, портпледы и сумки, были уложены посреди её комнаты. На мой исполненный подозрений взгляд, она невинно похлопала длинными ресницами, и я махнул рукой. Все равно все мужчины в той или иной мере — жертвы женских манипуляций.

В понедельник, в два часа дня, я подошел к рюмочной. На двери висела табличка «Учет». А за окном-витриной обнаружилась роскошная штора, не позволяющая увидеть, что же в рюмочной твориться. Я хмыкнул, и толкнул дверь.

Как обычно по понедельникам, в шесть тридцать, пришла Тамара. Но, как и всегда, когда у меня оставалась ночевать Вика, она не стала шуметь. Скрылась на кухне, откуда вскоре на весь дом вкусно запахло свежей сдобой. Может от этого, может быть от прочих треволнений, мы с Викуней дрыхли почти до десяти. Могли и дольше, но пошли звонки.

Первым оказался звонок Натальи свет Олеговны. Она сообщила, что наш вопрос, по поездке, решен в инстанциях, завтра мы должны подойти в деканат. Она переговорила с обкомом, и ее заверили, что на бюро обкома нашу поездку утвердят, готовьте документы. Коля, найди Вику, и приходите.

Я было решил не бегать. Из кухни так пахло, что я утратил волю. Но, тут из спальни явила себя Виктория, в пижаме. Лохматая и офигенная совершенно. Тамара Пылаева старательно поддерживает среди окружающих имидж туповатой свирепости. На самом деле ни тупой, ни особо свирепой не являясь. По крайней мере, увидев пижаму, она все поняла до всяких слов. И разразилась речью о том, что давно уже, Викочка, пора. А то этот Колька, знай напивается и пропадает непонятно где. Я-то думаю, что за чемоданы этот охламон притащил. Пойдем, попьем чаю, решим, куда что будем вешать и ложить. Ты, Коль, собрался бегать? Вот и беги. А мы здесь прикинем, что и как. Грустно переоделся, воткнул ноги в кроссовки, и побежал. Выходя сообщил Вике, что звонила Проничева, вопрос поездки согласован. Она весело фыркнула.

Выйдя из парадной, я повернул направо, и потрусил вдоль канала.

В субботу, в полдень, мы приехали к Викиным родителям на дачу. Светлана Артуровна барственно сидела в кресле, на веранде, и сверлила меня взглядом все время, пока мы шли от калитки к дому. Мы подошли, и я вручил ей букет белых роз, за которыми, как дурак, ходил с ранья на рынок. Я открыл было рот, собираясь сообщить, что Виктория теперь живет со мной. Но Вика опередила.

— Мама! Я тебе уже говорила, что теперь живу с Колей. Мы заберем мои вещи.

В общем, некоторая напряженность витала в воздухе, пока мы пили чай. Потом меня отправили делать шашлык, и я перевел дух. Пока я разводил мангал, пока мариновал мясо, Светлана Артуровна подуспокоилась, и даже принесла мне кофе. Но потом приехал со службы Борис Иванович. И дамы скрылись с глаз. Хотя, я думаю, подсматривали. Вдруг подеремся?

Да только Борис Иванович смотрел на меня уже по другому. И первое, что он спросил, поздоровавшись, было:

— Для бюро обкома готовят вопрос по вашей поездке в Париж. Ты в курсе?

— Я- инициатор процесса — скромно объяснил я.

— О! не посвятишь в детали? А то мне в понедельник докладывать Юрию Филипповичу*, а я лишь знаю, что вопрос вынесен от Беляева, от промышленного отдела, и экономического тоже.

Рассказал, что зимой, в Копенгагене, познакомился с французами- студентами. Слово- за слово родилась идея обмена. Они обещали напрямч профессуру и знакомых в МИДе. Не соврали. Хотят Питер посмотреть, Борис Иванович. Правда, они говорили, что консул будет хлопотать.

— Хлопочет. Вчера утром, в сводке прошло сообщение — досадливо поморщился Лишов — и пришло официальное письмо. Только, объясни мне Коля, почему Беляев, Халанский и промышленный отдел так хотят этого?

Я разгреб угли ровным слоем и выложил на мангал шампур с мясом.

— Я всех знакомых напряг. Хотелось Вику порадовать. — ответил совершенно честно.

— Ты знаком с Андреем Александровым?

— Ээээ. мы учились в одной школе.

— Ну а что же ты молчал?!

— Да вы и не спрашивали.

Я оглянулся на окна дома и веранду, где вроде бы никто не подсматривал, и достал из сумки бутылку «Двина» и две металлические походные кружки. Открыл и неаристократично плеснул по глотку.

— Борис Иванович! Все равно мы Викой будем вместе, чего нам с вами ругаться? Давайте мировую? А с этой поездкой... ну, Михал Сергеевич требует нового мышления? Его есть в Питере! Поездка студентов экономистов — первая ласточка! А?!

— Подожди, я должен понимать. Андрей тебе помогает?

— Там была договоренность, что будет напрямую письмо в обком из Сорбонны. В институт и министерство. Но что то поменялось. И тогда я попросил его посодействовать. А так- совершенно реальный международный

проект Сорбоннского университета по международным контактам. Они там, со многими странами так сотрудничают. С Кубой, с Польшей и Венгрией. Только мы не охвачены. Правда, я не очень понимаю, орготдел то причем?

— Он теперь называется — общий отдел. Я начальник этого отдела. Каждое утро докладываю первому секретарю список вопросов, что требует решения. Готовлю список вопросов к рассмотрению бюро.

— Прямо каждое утро? — мы чокнулись

— Ежедневно, кроме воскресенья, в восемь двадцать, я докладываю первому секретарю положение дел в городе, кладу на стол сводку КГБ и милиции, по происшествиям, и примерный график на день. В девять тридцать рабочий день начинается по утвержденному графику.

— И наш вопрос доложили?

Пришла Вика. Принесла два бокала и блюдце с нарезанным лимоном. Нас промели с коньяком, но решили не обострять, а дать спокойно поговорить. Я налил в бокалы, и поставил бутылку на стол. Борис Иванович чокнулся со мной, и сказал:

— В понедельник доложу. Решим положительно, а то я поначалу не понял. Думал у вас там, в ректорате совсем из ума выжили.

Вика засмеялась:

— Папа, расскажи лучше Коле, что ты подполковник КГБ.

— Даааа? Знаете, Борис Иванович, Виктория- практически эталон и идеал. За исключением одного недостатка. Высокопоставленные родители.

— Ничего, Коля, привыкнешь.

— Так вы в обкоме от КГБ присматриваете?

— Нет конечно, ты, Ви, слышала звон, а не знаешь. Я подполковник запаса. И никакой романтики, шифрование и спецсвязь. По гражданской специальности. Иногда подумываю уйти из обкома. В КГБ сказали, только заявление напиши. У тебя шашлык не подгорит?

Я попрыскал на угли водой. Запах стал одуряющий.

— Что, в обкоме так тяжело?

— Гм. Моего предшественника, увезли из кабинета Романова с инфарктом. В больницу, где он и скончался спустя десять часов. А тут- родная дочь нервы треплет. Ты вот, при ней, расскажи, что у тебя, Коля за история с Вайнштейном случилась?

— А пускай она вам сама расскажет. Я стесняюсь.

Потом Вичка с удовольствием рассказала отцу историю «Битвы при Океане». С моими скупыми комментариями. Осознав, что им пытался манипулировать главмент, Лишов расвирепел:

— Ну все. Горошко достукался.

— Не стоит, Борис Иванович. Мы, когда эту историю с Фредом, то есть с Андреем Александровым обсуждали решили не возбухать. Пусть теперь будет.

Впервые начальник общего отдела Ленинградского обкома КПСС взглянул на меня как на равного.

— Хм. Ты прав, Коля. Вот же... Может и правда уйти в КГБ?

— Да ладно вам, Борис Иванович. Сейчас они вам каждое утро докладывают. А уйдете- будете вы по утрам докладывать.

— Вика, а ты сразу поняла, что твой парень специально дураком прикидывается?

— Я, папа, думаю, что ему просто везет. А так, у него по политэкономии четверка.

— Трудно тебе, Коля, будет. Но — сам напросился. Не говори потом, что я тебя не предупреждал.

Больше о серьезных вещах не разговаривали. Провели приятные выходные загородом. Викина мама совершенно спокойно сообщила, что в комнате Виктории теперь двуспальная кровать. Заставив Вику краснеть, а ее отца прятать ухмылку. Вечером, когда мы оказались со Светланой Артуровной наедине на веранде, она проронила:

— Я хотела бы, что бы ты, Коля, понимал. После ухода Зайкова в Москву, новый первый секретарь может решить, поменять главу важнейшего отдела. Ты теперь человек нам не чужой, поэтому, постарайся не дать повод товарищам упрекать Бориса Ивановича хоть в чем то.

Видимо, это было посвящение в свои. Потому что после этого она стала совсем обычной, приятной теткой. Потатила нас к соседям, на именины внука. Как и все именины маленьких внуков — это был всего лишь повод устроить вечеринку. Хотя бы потому, что внуку всего два годика. Народ, что веселился- разного рода номенклатура. Приятные, веселые люди. С пару часов публику развлекал Михаил Боярский. Как я понял, это был своего рода корпоратив. По крапе мере, именно так это и выглядело. Он, отпел, выпил и закусил на кухне, и уехал. А мы еще долго танцевали и тусовались.

На следующий день, долго гуляли с Борисом Ивановичем. Я так понял, он хотел получше меня узнать. А еще, я чувствовал, что он мне благодарен за неожиданные выходные. Да и то, уезжает спозаранку, возвращается поздно, и

почти без выходных. В воскресенье вечером мы уехали. Вика призналась, что страшно переживала. От тебя, Коля, чего хочешь можно ожидать...

Вернувшись с пробежки, я не был удивлен. Именно так я представляю себе разруху. Все шкафы были раскрыты для инспекции. Вика с Томарой оживленно обсуждали разложенные в гостевой комнате наряды, и меня едва заметили. Впрочем, пока я был в душе, дамы устроились на кухне, продолжая малопонятную мне дискуссию. Я решительно не понимал, что было не в порядке в моем быте, если пара чемоданов с женскими вещами требовали столько разговоров. О чем и заявил, налив кофе. Дамы на мгновение потеряли дар речи.

— Какой же ты придурок, Колька! — пришла в себя Томара — как ты только Вику нашел, с таким умишком?

— Да уж, чистая случайность. Винтить некого.

Хорошо что мне дали булочек. Но, все же, выгнали в кабинет. Я конечно орал, что меня обманули. Что Лишова, только прикидывалась идеалом, который что не наденет- и прекрасна. А на самом деле...

Тем не менее, устроившись за столом, я достал справочник по спектрометрии, и приступил к вдумчивому изучению. Да так увлекся, что всеостальное шло фоном. Какой-то уборочный шум в квартире, телефонные звонки... пока Вика не засунула голову в кабинет, и не сказала, что это меня. Какой-то Полянский. Я снял трубку. И мы с ним, как то совершенно не заметно, договорились встретиться. В два часа в этой рюмочной, где ты часто заседаешь. Я договорился, Коля, нам никто не помешает...

И вот, войдя в рюмочную, я понял, что Виктор Иванович имел ввиду. В заведении никого не было. Лишь Валентина Марковна, скучала за стойкой.

— Здравсьте, Валентина Марковна!

— Это для тебя, что ли, Коля, мне закрыться приказали?

— Это как?

— Позвонили, и сказали, что будет частное мероприятие. Какой-то Полянский мне все расскажет. А тот позвонил, час назад, и сказал что задержится, пусть Коля Андреев подождет.

Я мысленно почесал затылок. Я думал, что будет короткий финальный разговор. Махнем по рюмке и расстанемся. Меня пугнут карой за разглашение, я заверю что ни-ни. По глотку коньяку и адью. Но, похоже, все не так. Не стал задумываться. Скоро все прояснится.

— Не переживайте, Валентина Марковна! Смотрите как у вас теперь уютно! Говорю же, поставьте красивую кофе — машину. Мороженое опять же. От студенток будет не протолкнуться.

— Нет уж, Коля. Я это видела уже. Сначала студентки толпами, потом на них интуристы слетятся, а потом мне в КГБ скажут, что меня зовут не Валентина, а «Овод». Потому что я теперь тайный агент.

Открылась дверь и вошел Полянский. Все в том же простеньком костюмчике, с портфелем, и весь из себя такой незамысловатый. Поздоровался со мной, кивнул Марковне, и повел меня за столик у стены. Хозяйка, пока мы устраивались и закуривали, принесла бутылку коньяка, кофе, пепельницу. Я уставился на Полянского, вопросительно подняв бровь. Типо- чего звал?

Он, для начала, рассказал, что лишний раз о произошедшем лучше не распространяться. И что наша с Серегой акция произвела хорошее впечатление. В связи с этим в Минобороны принято решение.

— Вам обоим, в связи с тем, что ваше образование уже можно считать неоконченным высшим, присваивается звание лейтенант. Учебные сборы считаются пройденными. Вот, ознакомься и распишись.

На стол легла папка. Открыв, я удивился. Мало того, что там было мое фото. Хотя я не фотографировался. Там, на нескольких листках, были весьма подробно изложены все мои кондиции, и навыки. Все этапы обучения, подготовки, и результаты зачетных мероприятий. Скрупулезно перечислены все мои особые приметы, то есть шрамы. В кармашке на внутренней стороне лежал жетон с личным номером. Только, в случае призыва, я был прикреплен не к военкомату, а к конкретной в/ч 54607. Куда и должен самостоятельно добратсья, а случае мобилизации. Где то в Рязанской области. Я поднял глаза.

— Ты, Коля, теперь прикреплен к ГРУ. — пояснил Полянский. — формально будешь проходить сборы у них.

— А на самом деле?

— А на самом деле, я Коля, тебе официально предлагаю. Написать заявление, с просьбой зачислить тебя в кадры, и направить в Военно- Дипломатическую Академию.

— Даже и не думайте. Я год как отслужил, и снова в армию не пойду.

— Ты бы не ерепенился — тихо и безэмоционально обронил Проничев — призовут, и пойдешь как миленький. А там и в «Консерву» захочешь.

— Это вряд ли.

— Хочешь, проверить?

— А чего проверять? Как только я надену португепю, я найду какого генерала, чтоб звезд побольше, да и пошлю его на три буквы. Что бы только зрителей было много.

— И чего добьешься?

— Прежде всего, не будет по-вашему. Потому что служить в ГРУ я не буду. На а там... загонят меня куда ни будь, в лучшем случае в Кушку, дадут взвод. Да и насрать. Уволюсь как ни будь. А то и сбегу. И хрен вы меня поймаете.

— Думаешь, не сможем тебя взять?

— Да взять то меня можно, да только некому. Вы ведь к нам не зря же обратились, когда припекло? Не верю, что за каким-то летехой-скандалистом, пошлют спецом волкодавов, выдернув их с действительно важных дел. А уж с простой инфантерией я как ни будь...

— Разумно- впервые по человечески улыбнулся Виктор Иванович. — давай тогда, по любому, за звездочки. Положено.

Он открыл коньяк, и плеснул себе и мне вы бокалы. Мы чокнулись и отпили.

— Я и не верил, что ты согласишься в кадры. Но спросить был должен, Коля. Не обижайся.

— Сразу вам скажу, что и Сурков не согласится.

— Да понимаю я все. Но все должно делаться по порядку. Да и вообще, я с тобой, если честно, не это хотел обсудить.

— Нет.

— Коля. Я настаиваю, что бы ты меня выслушал. Иначе мы все равно найдем способ довести до твоего сведения то, что я тебе сейчас расскажу под коньячок.

— Не лишено. Я вас слушаю. Но сразу говорю, не нужно на меня или Суркова рассчитывать.

— Гм. Тем не менее — он взглянул на часы, перевел взгляд на дверь. Еще кого то ждем? Я, не желая сам, все же включился. И начал отслеживать ситуацию. Так то понятно.

Нас с Сурковым сочли возможным не утилизировать. Придумали изящное решение. Если, и как только, к нам проявляет интерес какая то организация, типо КГБ, мы немедленно оказываемся в части под Рязанью. Откуда, попробуй нас достань. Только непонятно, что ждать сейчас. Полянский конечно крепкий мужик, но не против меня. И старше, и кабинетная работа. А на подходах к Фигле никого не было. Гадом буду.

— Ты наверняка обратил внимание, Николай — заговорил подполковник — что Усимов ехал в Питер, для того, что бы уйти через питерский порт. И, буду честен, если бы не вы, его шансы были очень высоки.

Тут открылась дверь, и в рюмочную вошел какой то мужик, лет пятидесяти. Подошел к стойке, и заговорил с Марковной. Та кивнула на нас с Полянским, прошла, закрыла дверь на задвижку, и скрылась в подсобке. Скорее всего, для знакомства с этим мужиком меня и вытащили сюда. Но он, увидев как Полянский махнул ему рукой, дисциплинированно уселся за столик у окна.

— Дело в том, Коля, что через порт идет ...да чего только не идет. — продолжил подполковник. — И операции, наши и смежников, и контрабанда. И, как выяснилось, наркотрафик вполне созрел. И всем этим нужно заниматься. Как минимум, в любой момент иметь возможность вмешаться.

— Причем здесь я?

— Ну, парень ты активный. Образование получаешь подходящее. Вот тебе предложение:

— Ты и твой друг, примерно так же как и на «Ленинце» будите числиться сотрудниками порта. Цель- по необходимости неформально пресечь указанную ГРУ, то есть мной, контрабанду.

— Не смешно. Начнем с того, что я даже толком не знаю как в тот порт попасть.

— Здесь я тебе помогу. Иван Матвеевич, поди сюда! — позвал пришедшего недавно мужика Полянский. Тот подошел. Подполковник продолжил — Знакомьтесь. Иван Матвеевич Круглов. Глава ПрофКома сотрудников портовой службы города Ленинграда. А это, Иван Матвеевич- Николай Андреев, я тебе говорил.

Дальше они оба мне на пальцах объяснили, что так или иначе, всеми портовыми безобразиями будут заниматься. Но, если уж есть возможность пресечь без скандала, то — почему нет? Мы, с Сурковым, будем числиться в стивидорской службе, и, по наводке Полянского, уничтожать контрабанду. Заодно, профсоюз, во многом поможет. Иван Матвеевич при этом курил сигареты «Саратога», и согласно кивал головой.

Я подумал, что схожу с ума. Потому что точно понял, как было в той моей реальности. Тем, что мне предлагают, в порту занимался Костя Могила. В результате, став одним из блокирующих совладельцев Ленинградского порта. Но сейчас, после утери крупной суммы во время транспортировки, он подался в бега. И ГРУ ищет чувака ему на замену.

А потом мне в голову пришла мысль. Я откашлялся и сказал:

— Послушайте, Виктор Иванович. Все это очень заманчиво. Но вот мое предложение. Вы, как угодно, делаете так, что в Обнинский Филиал ИЯФ поставляют установку для выращивания кристаллов. А я соглашаюсь на ваш предложение. Параметры и номенклатуру установки я вам предоставлю. Ее в Бельгии закупать нужно. Стоит семьсот тысяч долларов. Лучше брать две.

Забавнее всего, что они оба не удивились. Более того, задумались они оба. Хотя я даже предположить не мог, что они мне предложат, лишь переглянувшись. А Полянский, после обмена взглядами сказал:

— Вот это и будет твоим первым заданием, Коля. Ввезти в Советский Союз эти твои установки контрабандой.

— А оплата, номенклатура... — я сорвался на жалкий лепет.

— Это ты все изложи мне в записке. И продумай, как это окажется в, куда ты там, это хочешь поставить?

— Гм. Лучше всего в Лесной. Но можно и в Обнинск.

— Ну и отлично. Давай, думай. А мы пойдем. Встретимся послезавтра. Созвонимся, и приходи в тот ресторанчик на Певческом.

И ушли, оставив меня в полном обалдении. Появилась Валентина Марковна. Я полез было за бумажником. Она махнула рукой. Брось, Коля, эти оплатили полный день работы.

Несмотря на то, что я вернулся всего лишь час спустя, и важнейшие работы по структурированию нарядов и обуви были в разгаре, Вика радостно повисла на мне.

— А я уже начала волноваться. Коля!

— Действительно, вдруг у меня все хорошо.

— Нет, я просто вдруг подумала, что тебя забирают в армию.

Уходя, я сообщил ей, что меня вызывают в Генштаб на совещание, буду поздно и пьяный. Она засмеялась, и попросила не устраивать войн. Подумала она!.. А ведь могли! Мелькало что то такое в глазах у Полянского. Нужно бы с Сурковым поговорить. Да и Фред, сосватал мне знакомство, понимаешь. К моему удивлению Вика сказала, что вечером мы идем к Сурковым. Ирка хочет страдать что не едет в Париж. Дык, побежали! Я и Суркову все в красках распишу, что Париж- не для Суркова с Иркой. Только не для них!

Но, сначала нас покормила Тамара. Потом Виктория час трепалась с мамой по телефону. И только около шести вечера, мы вышли из дома. Мы шли по Невскому в сторону Адмиралтейства, И Вика ехидничала, что маме интересуется, когда у нас свадьба. А я ей отвечаю, что Коля решил после института. Я ничего не решал, но это она так манипулирует.

— Дело в том, Солнце, что мы поженимся двадцатого августа.

— Как?! Мы же будем во Франции!

— В этом и смысл! В загранпаспорта нам отметку никто ставить не будет. Но я то знаю, что во Франции выдают свидетельство о браке! Больше того, в мэрии городка Ментона, лишь немного прокорруппировавшись, нам выдадут оное свидетельство. Таким образом. Для всего мира мы будем женаты. А в Союзе ты так и будешь ничья и никому не нужная. А главное, знаешь что?

— Что?!

— Любой другой мужчина, кроме меня, с которым ты вдруг решишь связать свою жизнь, рано или поздно узнает, что ты- двоежка.

— Ты не знаешь, Коля, цианид нынче очень дорог?

— Что, раздумала за меня замуж?

— Ни за то не откажусь! Но быть вдовой — это так волнительно, Коленька.

— Легкая глуповатость, украшает любую девушку, Виктория.

— Это ты о чем сейчас?

— Я о том, что ты обладательница редчайшего шанса два раза выйти за меня замуж.

— Беру оба.

* Соловьёв, Юрий Филиппович — в начале июля 1985 г избран первым секретарем Ленинградского обкома, взамен ушедшего на повышение тов. Зайкова.

Больше книг на сайте - Knigoed.net